

А106119

А.П.Альгин

# РИСК

и его роль  
в общественной  
жизни



«МЫСЛЬ»

А.П.Альгин

# РИСК

**и его роль  
в общественной  
жизни**



Москва  
"Мысль"  
1989

**ББК 15.50**  
**А56**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ НАУЧНОЙ  
и УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**  
**АОН при ЦК КПСС**

Книга издается в авторской редакции

Рецензенты:

**Б. А. Воронович**, д-р филос. наук,  
**А. И. Пригожин**, д-р филос. наук

А  $\frac{0302030000-068}{004(01)-89}$  1-89

ISBN 5-244-00221-X

© Издательство „Мысль”. 1989

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Вместо введения</b> . . . . .	4
<b>Глава 1</b>	
<b>Социально-философский анализ риска</b> . . . . .	16
§ 1. Объективное и субъективное в риске, его сущность, свойства и основания . . . . .	—
§ 2. Степень риска, методы и способы ее оценки . . . . .	31
§ 3. Особенности деятельности субъектов в ситуации риска . . . . .	53
§ 4. Взаимосвязь риска с некоторыми философскими и социологическими категориями . . . . .	69
<b>Глава 2</b>	
<b>Основные теории риска в марксистской и буржуазной общественно-научной литературе</b> . . . . .	79
§ 1. Правовой аспект риска . . . . .	—
§ 2. Экономические науки и риск . . . . .	83
§ 3. Психологический аспект риска . . . . .	87
§ 4. Социальные аспекты оценки технологического риска . . . . .	96
<b>Глава 3</b>	
<b>Проблемы риска в процессе перестройки</b> . . . . .	105
§ 1. Хозяйственный риск и проблема ответственности . . . . .	108
§ 2. Инициатива и творчество как факторы перестройки . . . . .	133
§ 3. Альтернативы механизму торможения . . . . .	145
<b>Вместо заключения</b> . . . . .	173
<b>Ссылки на источники</b> . . . . .	176
<b>Приложение. Некоторые способы и методы количественного определения степени риска и его оценки</b> . . . . .	184



„Риск — обязательный компонент существования человеческой цивилизации”, „Риск — это неизбежный элемент современной деятельности человека”, „Наша жизнь всегда риск”. Подобные утверждения, безусловно, носят дискуссионный характер. Но одно дело — спорить о мере этого риска, содержании данной категории, и совсем другое — отрицать, выдавая желаемое за действительное, наличие риска в плановой экономике социалистического общества, при внедрении в социальную жизнь научных и технических достижений, при создании новых технологических систем, при радикальных преобразованиях общественных процессов. С риском сопряжены труд и отдых, спорт и быт, творчество и изобретательство, научно-технический процесс и прогнозирование. Элементы риска содержатся в таких профессиях, как летчик-испытатель и конструктор новой техники, водолаз и монтажник-высотник, пожарный и водитель автомобиля, машинист электровоза, врач и др.

Накопление научных знаний о вероятностном характере технических и общественных процессов, развитие специальных разделов математики и логики, необходимость выработки юридических норм и правил, регулирующих практику страхования, биржевых сделок и т. п., привели к тому, что во второй половине XIX — начале XX столетия риск попадает в поле зрения представителей различных естественных и общественных наук. В развитии научных представлений о риске можно выделить несколько этапов.

Первоначально это явление изучается небольшой группой частных наук — некоторыми разделами математики, статистикой, рядом правовых и экономических дисциплин. Затем понятие „риск” исследуется значительным числом конкретных наук — теориями игр, вероятностей, операций, катастроф, принятия решений, вероятностной и многозначной логикой, психологией и социальной психологией, военными, экономическими, демографическими, медицинскими, биологическими, правовыми и другими дисциплинами. Примерно к 60-м годам XX столетия риск становится предметом междисциплинарных исследований, приобретает статус общенаучного понятия, которое выходит за пределы той или иной частной науки либо их специфической группы. Резкое увеличение в последнее десятилетие доли вероятностно-статистических представлений в научном знании, развитие теории принятия решений, объективна:

потребность поиска познавательных средств, позволяющих учитывать факторы неопределенности, стохастичности, конфликтности при выборе оптимальных альтернатив, повышенное внимание марксистских философов к разработке категорий „цель”, „целесообразность”, „интуиция”, „деятельность”, „определенность и неопределенность”, „вероятность”, „новое” создают реальные предпосылки для социально-философского анализа феномена „риск”.

Изучение специфики риска применительно к различным сферам общества — прерогатива частных наук. Однако общество не простая механическая совокупность отдельных элементов. Развитие одних его сторон зависит от влияния других. И если сложить результаты многочисленных исследований, осуществляемых конкретными науками, то целостной картины общественного риска не получится. Она будет мозаичной, не дающей возможности реконструировать социальный механизм риска, и раскроет лишь его отдельные стороны, детали и элементы. Это обстоятельство также предопределяет целесообразность постановки вопроса о *социально-философском анализе* риска применительно к обществу и деятельности в целом, а не только к их отдельным сферам и видам.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в структуре современных знаний о риске можно выделить два взаимосвязанных уровня, которые условно назовем *прикладным* и *теоретическим*. Прикладной является результатом исследований конкретных наук. Теоретический — это итог изучения сущности социального риска, а также специфики деятельности и управления общественными процессами в ситуации риска и неопределенности с точки зрения социально-философского подхода. И если прикладной уровень в марксистской литературе представлен, хотя и немногочисленными, книгами, статьями и особенно газетными очерками<sup>1</sup>, то литература, в которой бы исследовался социальный риск с точки зрения философии, социологии, научного коммунизма, практически отсутствует. Фактически нет работ, в которых бы содержались социально-философские обобщения живой практики рискованной деятельности людей в различных сферах их жизни. Не получила проблема общественно полезного, или, как его еще называют, разумного, риска должного обоснования и в практической работе трудовых коллективов, различных уровней управления, политической деятельности\*, несмотря на то что риск объективно присутствует во многих сферах общественной жизни, в большинстве видов управленческой деятельности. Такое положение едва ли может считаться нормальным: оно снижает эффективность поиска и исследования различных вариантов решения альтернативных социально-экономических проблем, обоснованность прогнозов общественного развития, надежность рекомендаций по рационализации и оптимизации деятельности в условиях неопределенности и ситуации риска. Вот почему целесообразность выяснения смысла и содержания понятия „риск”, его места и роли в структуре человеческой деятельности, обоснование значения общественно полезного риска в практике работы руководителей, трудовых коллекти-

\* Истины ради следует отметить, что некоторые, хотя и незначительные, изменения здесь за последнее время происходят, о чем свидетельствуют, например, показанные по Центральному телевидению кинофильмы „Риск”, „Риск-II”, „Право на риск”, по Ленинградскому — передача „Риск — категория экономическая” и т. д.

вов, творческих групп, учреждений и организаций приобретает, прежде всего в условиях перестройки и связанных с нею новаций, особую значимость.

Актуальность проблемы социального риска диктуется и другими причинами. Научно-техническая революция, происходящие в нашей стране качественные преобразования принципиально меняют роль и значение в общественной жизни *продуктивной* и *инновационной* деятельности. Бюрократизированное общество, основанное на господстве административных методов управления народным хозяйством, в конечном итоге подавляет продуктивное мышление, отторгает массовое творчество, инициативу „снизу”, ибо они на определенном этапе развития такого общества являются для него дестабилизирующими моментами. По вполне понятным причинам господствующей здесь становится рутинная и репродуктивная деятельность. Ее суть заключается в том, что прежние, слегка усовершенствованные цели достигаются старыми способами, предполагаемый результат — многократно проверенными и известными средствами. Предположим, что в конкретном производственном коллективе необходимо повысить производительность труда, его качество. Один из возможных вариантов решения этой задачи — заимствовать уже не раз применявшиеся, получившие широкое распространение в других коллективах и давшие положительный результат формы и методы работы. Такая деятельность не будет связана с риском, поскольку внедряется проверенное на практике и результат при правильной организации известен.

Преобладание во многих общественных структурах советского общества репродуктивной и рутинной деятельности постепенно вело общество к стагнации, метастазам застоя. Такая ситуация объективно создавала надежный заслон внедрению в хозяйственную и управленческую практику обоснованного риска и делала не нужными теоретические исследования по этой проблеме.

Качественные преобразования общественной жизни создают объективные условия для широкого выдвижения социально значимых инициатив, распространения видов деятельности, направленных на выработку новых целей и практических средств для удовлетворения меняющихся потребностей людей. Продуктивная, инновационная деятельность связана с тем, что руководитель, трудовой коллектив стремятся достичь известной цели новыми методами или ставят перед собой новую цель и ищут новые средства ее достижения. Представим, например, часто встречающуюся ситуацию в конкретном трудовом коллективе — проверенные и ранее хорошо зарекомендовавшие себя формы и методы работы перестали давать в новых условиях ожидаемый эффект. Альтернатив при этом существует немного. Можно пойти по пути частичных усовершенствований, руководствуясь принципами репродуктивной деятельности. Однако можно, набравшись смелости, перешагнуть через отжившие стереотипы и обратиться к инициативе, предполагающей преобразование обстановки на основе новых форм, которые еще экспериментально не апробированы, но, по расчетам, способны дать положительный результат. Здесь в силу действия различных факторов одновременно возникает возможность неудачи или отклонения от цели. В данном случае экономическая, организаторская, управленческая, воспитательная, политическая или педагогическая деятельность связана с риском.

Поскольку на современном этапе развития страны спрос на инициативу трудящихся, самостоятельность, новаторство и предприимчивость масс, на умение людей творчески мыслить огромен, то создаются реальные предпосылки изменения соотношения между репродуктивной и продуктивной деятельностью в пользу последней. Более того, „именно радикальная инновационная деятельность, или широкий поток радикальных нововведений (технических, организационных, культурных и др.), составляет материальное содержание процесса ускорения развития общества”<sup>2</sup>. Все это создает атмосферу острой потребности в творческих, новаторских, смелых решениях, предполагает поиск принципиально новых, ранее не применявшихся, неординарных путей решения сложных современных задач. В таких условиях трудовые коллективы, руководители различных уровней управления должны и вынуждены идти на обоснованный риск. Отсюда вытекает общественная потребность выявления сущности риска, механизма его взаимосвязи с творческой, продуктивной, инновационной деятельностью.

Интерес к проблеме риска, выяснению его места в регулировании социалистических общественных (и особенно экономических) отношений объективно возрастает в связи с реальными результатами, которыми обогащается практика социально-экономической жизни по мере усиления роли интенсивных факторов в развитии народного хозяйства и качественного преобразования системы управления экономикой.

Ориентация в течение длительного времени на преимущественно экстенсивное развитие народного хозяйства страны, чрезмерно высокая степень централизации управления вызвали к жизни особый тип так называемого традиционного или приемлемого планирования<sup>3</sup>. В этой системе планирования недооценивалась роль товарно-денежных отношений в повышении гибкости и динамизма социалистической экономики, господствовали пренебрежительно-негативное отношение к современным экономико-математическим методам планирования и управления, формализм во внедрении электронно-вычислительной техники (ЭВТ) в практику плано-экономической работы. Поэтому „приемлемое планирование” основывается прежде всего на статических моментах, плохо учитывает динамику процессов. Оно осуществляется от возможностей, от „достигнутого уровня”, а планы обычно составляются без применения экономико-математических методов и ЭВТ или при эпизодическом их использовании. Господство порочных формул — „производство ради производства”, „план любой ценой” — предопределяло и специфику способа и направленности функционирования экономики в рамках „традиционного” планирования. Напрашивается образ человека, идущего вперед с повернутой назад головой. Такая аналогия не случайна, ибо здесь преобладает деятельность, связанная с анализом и устранением прошлых негативных явлений и просчетов, и часто она осуществляется в ущерб оценке перспектив и будущих возможностей развития. При этом, как правило, не анализируются альтернативные пути достижения одной или нескольких целей, почти не изучается влияние случайных факторов на те или иные стороны, элементы народного хозяйства. Иначе говоря, реальная практика в условиях преимущественно экстенсивного развития и господства административных методов управления и не ставила вопроса об учете неопределенности и риска при планировании социально-экономических процессов. Кроме того, при

„экономике дефицита” у предприятия нет заинтересованности и желания идти на риск, менять сложившуюся технологию производства. Отсюда понятны причины отсутствия устойчивого интереса к проблеме хозяйственного и социального риска.

Концепция управления, разработка которой началась после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, основана на новых представлениях о сущности общественной собственности, ее взаимосвязи с кооперативными формами труда и индивидуально-трудоустройственной деятельностью, сочетании плана и рынка. Она предполагает внедрение в экономическую жизнь принципов полного хозяйственного расчета, арендных отношений, постепенную замену административно-командного типа управления преимущественно экономическим, предоставление большей самостоятельности низовым уровням управления и хозяйствования. В этой ситуации складываются возможности для реального перехода от „приемлемого” к „вероятностно-адаптивному” планированию. Степень соответствия последнего современной социально-экономической обстановке значительно повышается. Это связано с тем, что новый тип планирования предусматривает создание человеко-машинных систем планирования, обязательно предполагает необходимость рассмотрения плана как системы взаимосвязанных решений, выбора наиболее адаптивных вариантов, анализа имеющихся альтернативных путей достижения цели, оценки положительных и отрицательных последствий функционирования при социализме элементов случайности и стихийности, учета известной доли неопределенности в наших знаниях о будущем. Таким образом, в ходе качественного обновления общественной жизни сама практика требует изучения взаимосвязи риска и планирования в условиях социалистической экономики.

Интерес к этим вопросам диктуется не только их злободневностью во времена революционного обновления социальных структур. Проблема риска имеет вполне самостоятельное теоретическое и прикладное значение как важная составная часть теории и практики управления, особенно если учесть малоизученность этой серьезнейшей и продуктивной проблемы. Перечень источников по вопросам управления в ситуации риска в отечественной литературе досадно беден, фундаментальных исследований по существу нет. Проблема повышения качества касается не только продукции материального производства, но и процесса выбора, принятия и исполнения решений. Поскольку многие управленческие решения реализуются в условиях неопределенности, носят вероятностный характер, то для повышения их эффективности важна выработка рекомендаций по специфике выбора, принятия, осуществления решений в ситуации риска и внедрению их в практику управления. Это связано с тем, что экономический прогресс во многом зависит от способности участников системы управления идти на риск. Специалисты по управлению считают, что опасным для организации является руководитель, который избегает принятия рискованных решений, поскольку тем самым обрекает ее на застой.

Реализация идей перестройки общественной жизни, ускорение научно-технического прогресса связаны с возрастанием роли долгосрочного планирования и прогнозирования социально-экономического развития Советского государства. Повышение качества и обоснованности научного управления общественными процессами предполагает умение предвидеть грядущий ход событий, подстерегающие человека опасности. Общест-

во может нести ощутимые потери, если реальные тенденции, складывающиеся в народном хозяйстве, существенно отличаются от предлагаемых прогнозов.

Статистический характер общественных явлений и вероятностность наших знаний о будущем обуславливают невозможность однозначного предсказания развития событий во многих сферах окружающей человека действительности, предвидения будущего состояния во всех деталях и тонкостях. Поэтому суть социального прогнозирования сводится к созданию моделей различных альтернативных, объективно возможных путей будущего развития, желательно с определением количественной и качественной степени их осуществимости, выяснением вероятности отклонения от предсказанных моделей. Поскольку прогнозирование всегда осуществляется в условиях неопределенности, то выработка обоснованных ориентиров социально-экономического ускорения предполагает изучение места и роли риска в прогнозах и их реализации. Забвение вероятностного характера прогнозов, игнорирование элементов неопределенности и риска в них приводят к серьезным материальным, идейно-политическим, нравственным издержкам, делают прогнозируемые модели слишком бедными по содержанию, не отвечающими тем реальным задачам, которые необходимо решать в перспективном плане.

Актуальность проблемы риска неотделима и от развертывающейся в наши дни научно-технической революции. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что „прогресс человечества непосредственно связан и с **научно-технической революцией**. Вызревала она исподволь, постепенно, чтобы затем, в последнюю четверть века, дать начало гигантскому приращению материальных и духовных возможностей человека”<sup>4</sup>. Научно-технический прогресс формирует новую систему ориентаций жизнедеятельности человека, радикально меняет предметную среду, в которой он живет.

Рассмотрим только одну сторону влияния научно-технической революции на жизнь общества — все убыстряющееся внедрение в самые различные сферы человеческой жизни новой техники. Всего лишь два — два с половиной десятилетия назад население нашей страны стало в широких масштабах приобретать многие предметы культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования. Так, в 1960 году на 100 семей в СССР приходилось всего 8 телевизоров, 1 магнитофон, 4 холодильника, 4 стиральные машины, 3 электропылесоса. А в 1987 году — соответственно 101, 43, 92, 70, 42<sup>5</sup>. Привычными становятся цветные телевизоры, видеоманитофоны, стереофоническая и микропроцессорная техника. В продаже появилась, например, „Электроника БК-0010”, состоящая из клавиатуры со встроенной одноплатной микроЭВМ, информационно-вычислительного блока и блока питания. В последние годы ученые сумели создать полностью автоматизированную установку для обучения иностранным языкам, состоящую из телевизора с буквенной клавиатурой и микрофоном, ЭВМ с анализатором звуков и видеоманитофона в качестве преподавателя.

Темпы изменения окружающего современного человека мира поистине стремительны. Новая техника, активно вторгаясь в общественную жизнь, все чаще берет на себя те или иные человеческие функции. Вот почему в нынешних условиях особую актуальность приобретают вопросы: „Как себя чувствует человек в стремительно меняющемся мире вещей и машин?

Что он в этой ситуации приобретает, что теряет? Какие качественные сдвиги во внутреннем мире людей, эмоциональном и интеллектуальном содержании их жизни вызывают такие изменения?"

О том, что эти вопросы ненадуманны, свидетельствуют многие реалии сегодняшнего дня. Вот одна из них. В результате проводимых в различных странах в течение последних лет социально-психологических исследований стали появляться сообщения о том, что молодое поколение, растущее в эпоху телевидения, микрокалькуляторов, электронных игр, домашних компьютеров, воспринимают информацию не так, как те, кто вырос в окружении печатных текстов. Сам по себе этот факт, казалось бы, не имеет существенного практического значения. Но дело в том, что в этой ситуации существенно изменились механизмы формирования нравственного, духовного мира человека, его интеллекта. Это означает, что многие прежние, оправдавшие себя методы обучения и воспитания детей и подростков в новых условиях перестают срабатывать и даже могут давать отрицательные результаты. Сегодня уже не вызывает сомнения, что повсеместное распространение обучающих и развивающих микроэлектронных игр и игрушек (в том числе и для взрослых), бытовых компьютеров, видеотехники — одна из тенденций современного и будущего развития электроники, микропроцессорной техники.

С одной стороны, информатизация и компьютеризация общества дают новый импульс изменениям всей системы воспитания и образования, освобождают человека от многочисленных рутинных умственных операций, развивают фантазию, многократно усиливают его творческие способности, формируют новую культуру интеллектуальной деятельности, приучают мыслить продуктивно и т. д. Но одновременно возникают трудности, противоречия. Создаются предпосылки для расширения технократических тенденций в общественной жизни. В странах, где компьютеризация достигла высокого уровня, появилось принципиально новое социальное явление — „компьютерный наркоман”. Усложняются проблемы общения между людьми, особенно детей со сверстниками. Человек, работая с компьютером, может терять традиционные навыки. Так, в одном из экспериментов, проведенных японскими учеными, группе детей, которые в течение ряда лет учились решать задачи с помощью компьютера, были предложены задачи аналогичного типа, однако решить их требовалось уже самостоятельно. Почти все дети оказались совершенно беспомощными без ЭВМ, а большинство из них не смогли даже вспомнить таблицу умножения и простейшие математические правила<sup>6</sup>.

Если развитие новой техники, компьютеризация и информатизация общества имеют не только позитивные, но и негативные экономические, социально-психологические, интеллектуальные, политико-нравственные, физические последствия, то они, естественно, требуют изучения. Проблема их предотвращения, нейтрализации, смягчения наряду со многими другими моментами включает в себя необходимость исследования вопроса о том, когда, в какой степени в каждой конкретной ситуации возможен и существует риск при внедрении в человеческую культуру тех или иных технических новшеств и новинок.

Целесообразность изучения сущности и функциональной роли социального риска связана с наличием глобальных проблем современности, которые бросают вызов существованию всей человеческой цивилизации, всей

жизни на планете. В условиях, когда производственно-практическая деятельность людей приобретает планетарный масштаб, а реализация крупных научных достижений оказывает влияние на жизнь миллионов жителей Земли, на природу целых континентов, определяет жизненную среду не только нынешнего, но и будущих поколений, резко актуализируется вопрос о возможной мере риска в деятельности правительств, государственных и межгосударственных организаций, политических партий, принимающих решения для регулирования систем „человечество — ядерное оружие”, „общество — природа”, „человек — техника — производство” и т. д. Население Земли вступило в эпоху, когда ссылками на высшие научные интересы, на техническую, экономическую или государственную целесообразность нельзя оправдать морального и материального ущерба, который может быть нанесен жителям планеты реализацией тех или иных решений.

На протяжении жизни всего лишь одного поколения человечество открыло для себя горькую истину — в результате развития науки и техники стало возможным в считанные дни уничтожить человеческую цивилизацию и саму жизнь. Несмотря на принимаемые Советским Союзом и США в последние годы совместные меры по сокращению ядерных вооружений, расширяющееся и углубляющееся движение демократических сил за безъядерный мир, за выживание человечества, *риск ядерной войны* по-прежнему остается весьма значительным. „Если не остановиться, не перейти к реальному разоружению, все мы можем оказаться в адском поезде, безостановочно несущемся к катастрофе”<sup>7</sup>.

Растет косвенная опасность для благополучия человеческой цивилизации из-за бесконтрольного процесса ухудшения природных условий и истощения земных ресурсов. В последние десятилетия становится все более очевидным, что *риск экологической катастрофы* для человека связан не только с интенсивным загрязнением окружающей среды, но и с неконтролируемыми и плохо предсказуемыми последствиями человеческой природообразующей деятельности. Экологическая опасность заключается прежде всего в том, что своим вмешательством в природу человек воздействует на общепланетарные жизненно важные физические, химические, геологические, климатические, биологические связи. Такая деятельность независимо от желания людей способна привести к разрушению связей, имеющих решающее значение для всей системы жизнеобеспечения планеты, то есть вызвать различные нежелательные последствия. Например, расширяющаяся производственно-практическая деятельность человека, воздействуя на Мировой океан, может уничтожить фитопланктон, без которого, как считают специалисты, невозможным станет и существование человеческого рода, поскольку будут разорваны объективные взаимосвязи в системе жизни на Земле. Или, например, в результате производственного вмешательства человека в природу, загрязнения атмосферы углекислым газом существует вероятность резкого потепления климата. „Парниковый эффект” вызовет таяние полярных льдов, катастрофическое повышение уровня океана, затопление значительной части земной суши.

Перечень подобных примеров нетрудно продолжить. Но дело не столько в оперировании устрашающими прогнозными данными, сколько в тех выводах, которые позволяет сделать их анализ. Реальности нашего времени, ход научно-технического прогресса, появление зримо обнаруживающих себя всего лишь несколько десятилетий назад различных неблаго-



приятных тенденций в развитии человечества как реальной целостности настойчиво диктуют необходимость включения в практику внутри- и межгосударственных отношений нового мышления, учета в практической деятельности диалектической взаимосвязи глобальных общественных, природных и технических процессов с социальным риском. Появление во второй половине XX столетия глобальных проблем, происходящая трансформация их в единую целостную метаглобальную проблему, представляющую собой проблему выживания человечества в усложняющихся внешнеприродных и общественных условиях, выдвигают на повестку дня вопрос о сущности *глобального риска*.

Необходимость изучения социального риска обуславливается также потребностями развития современного научного знания, особенностями его практического использования. Поясним это следующим примером. В середине 70-х годов в ряде стран биохимиками была разработана методика расщепления молекулы ДНК\*, структура которой является носителем наследственной информации. Эта методика создала реальные возможности смешивания генов различных организмов. Введение этой воссозданной, „рекомбинированной” молекулы ДНК в живую клетку равносильно внесению в нее новой генетической информации, что приводит к нарушению наследственного кода. Данная методика может использоваться для лечения различных наследственных болезней. Но одновременно даже ее лабораторное применение таит в себе серьезные опасности, связанные с передачей экспериментальным бактериям качественно новой наследственной информации и новых генетических свойств. Попав за пределы лаборатории, экспериментальная бактерия с новыми генетическими свойствами может нарушить установившийся за тысячелетия генетический баланс планеты. Вот почему на Международной конференции, посвященной проблемам исследований по рекомбинации молекул ДНК (1975 г., Азиломар, штат Калифорния, США), были приняты рекомендации, оговаривающие степень рискованности различных направлений исследований, и условия, при которых допускается их проведение. Так, в частности, эксперименты „умеренной степени рискованности” должны проводиться в специально оборудованных лабораториях. Для работ, представляющих „особый риск”, наряду с требованиями полной изоляции лаборатории от внешнего мира одним из условий проведения экспериментов ставилось создание путем мутации таких бактерий, которые не смогли бы существовать за пределами лаборатории и немедленно погибали бы при соприкосновении с внешней средой. Эксперименты по генной трансплантации, как считают многие ученые, обладают очень высокой степенью риска. Его величина обусловлена значительной неопределенностью, отсутствием достоверной исходной информации. Естественно, при этом возникают вопросы: могут ли проводиться сейчас работы по генной трансплантации, принимая во внимание баланс возможного риска и возможного выигрыша? А если могут, то как обеспечить безопасность человечества при проведении опытов? Ответ на них не прост, поскольку в отличие от обычных биологических экспериментов,

\* ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) — высокополимерное природное соединение, содержащееся в ядрах клеток живых организмов; вместе с белками гистонами образует вещество хромосом. Отдельные участки ДНК соответствуют определенным генам.

когда случаи заражения легко распознать в течение сравнительно короткого периода, последствия экспериментов по генной трансплантации могут, например, проявиться через десятки лет. При этом сейчас практически невозможно предсказать, каким именно образом это произойдет.

Важное теоретическое и практическое значение проблема риска приобрела и в связи с выработкой новых подходов в изучении взаимосвязи человеческого организма с окружающей природной и социальной средой, изменениями, происходящими в настоящее время в понимании роли здоровья человека в общественном развитии. В последние годы проблема риска активно изучается в русле ряда научных дисциплин с точки зрения воздействия на здоровье человека различных неблагоприятных факторов. В качестве таковых исследуются алкоголь, сигаретный дым, наркотики, избыточный вес человека, применение в сельском хозяйстве пестицидов, в медицине — определенных видов лекарств, ионизирующее излучение; такие социально-демографические факторы, как одиночество, рождение большого числа детей в семьях без отцов (среди этих детей выше показатель смертности, заболеваемости, то есть рождение ребенка в семье без отца — фактор риска) и т. д.

Многие виды деятельности человека связаны с определенной долей риска. На нынешнем этапе развития человеческой цивилизации довольно высок риск ядерного самоуничтожения, экологической катастрофы, аварий на атомных электростанциях, нарушений генетического баланса планеты, негативных последствий манипуляций человеческим сознанием. Поэтому управление процессами внедрения в общественную жизнь новых видов деятельности, развития некоторых сфер научной и практической деятельности (экология, генетика, медицина, атомная энергетика и т. д.) требует взвешенных решений на уровне правительств, государственных и межгосударственных организаций, политических партий, учета уровня и степени их риска как для современников, так и для потомков.

Внимание общественных наук к практике, их обращенность к реальным задачам и потребностям, поставленным самой жизнью, — веление времени. Исследование места и роли риска в социальном развитии, в процессах перестройки является одним из аспектов реализации этого требования. Результативность конкретных видов деятельности, реализуемых отдельными людьми, учреждениями, организациями и трудовыми коллективами, во многом зависит от их собственной инициативы и самостоятельности, предприимчивости и новаторства, от того, как и насколько они используют свое право на общественно полезный риск. Научное разграничение рационального и необоснованного риска является важной предпосылкой эффективного развития различных сторон экономической, социально-политической и духовной жизни. Поэтому проблема риска имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Учитывая сказанное и исходя из того, что объективно существуют цели, содержащие в себе общественно полезный риск, и запланированное развитие многих общественных процессов и явлений может подвергаться воздействию стихийных и случайных факторов, которые способны задержать или ускорить наступление ожидаемого результата, а также изменить его, сделаем следующий вывод. Современная социально-экономическая, хозяйственная деятельность руководителей, трудовых коллективов предполагает необходимость и обязательность учета риска в принимаемых

альтернативных решениях. Иначе общество по-прежнему будет нести неоправданные экономические, экологические, политические и нравственные потери. Сегодня сложилась такая общественная ситуация, когда без внедрения в управленческую и хозяйственную практику обоснованного риска, воспитания инициативы, самостоятельности, острого интереса к новому, потребности в нем нельзя взять новые рубежи перестройки<sup>8</sup>, осуществить революционное обновление общества. В основе рационального риска лежит стремление получить наиболее высокие результаты. Поэтому идею предприимчивости, состязательности, новаторства и связанного с ними общественно полезного риска следует последовательно проводить применительно к процессам хозяйствования и управления общественной жизнью.

Актуальность проблемы риска связана с осуществляемым ныне поиском оптимальных форм управления социальными процессами, их планированием и прогнозированием. Фактор неопределенности дает о себе знать в ходе реализации реформы экономической и политической системы, в процессе демократизации общественной жизни в стране. Изучение риска как социального феномена открывает возможности с новых теоретических и методологических позиций исследовать процессы творчества, целеполагания, социального экспериментирования, механизм соотношения настоящего и будущего, идеала и реальности, формирования современного типа экономического и политического мышления.

Осознавая невозможность в рамках одной работы исследовать проблему риска во всей ее многогранности, автор предпринимает попытку *осуществить социально-философский анализ риска как определенной формы деятельности*. Эта общая задача предопределила и логику изложения материала книги. Вначале рассматриваются причины, обуславливающие существование социального риска, диалектика его объективных и субъективных сторон, обосновываются подходы, позволяющие выделить различные степени риска, раскрыть сущность рационального риска, показать особенности действий различных субъектов рискованной деятельности, проанализировать место риска в структуре некоторых философско-социологических категорий. Во второй главе дается характеристика основных теорий риска в современной марксистской и буржуазной обществоведческой литературе. Теоретическая часть, содержащаяся в первых двух главах, необходима для исследования роли риска в процессах перестройки общественной жизни, рассмотрения инициативы, творчества и связанного с ними риска в качестве факторов перестройки, выявления значения обоснованного риска в практике работы руководителей, трудовых коллективов, учреждений и организаций, выработки рекомендаций по внедрению в практику системы средств и методов, стимулирующих новаторскую деятельность.

Автор понимает, что не все выдвинутые и рассматриваемые в данной работе положения получили достаточную завершенность, полноту и аргументацию, поэтому они могут потребовать дальнейшего уточнения и обсуждения.

Автор выражает глубокую благодарность докторам философских наук, профессорам М. А. Селезневу и В. Д. Плахову, доктору юридических наук, профессору Ю. Я. Баскину, докторам философских наук В. П. Огородникову и Г. Г. Филиппову, кандидату философских наук, доценту

Г. Г. Бернацкому, которые своим вниманием, добрым отношением и моральной поддержкой способствовали появлению этой работы. Признательность автора адресована также ее рецензентам: доктору философских наук, профессору АОН при ЦК КПСС Б. А. Вороновичу и доктору философских наук, ведущему научному сотруднику ВНИИ системных исследований АН СССР А. И. Пригожину, чьи критические замечания помогли в работе над книгой.

# Социально-философский анализ риска

Понятием „риск” пользуются многие конкретные общественные и естественные науки. Каждая из них имеет свой предмет, свою направленность в исследовании риска и пользуется для этого собственными методами. Такая ситуация позволяет выделить психологический, социально-психологический, экономический, правовой, медико-биологический и другие аспекты феномена „риск”. Специфика развития современного научного знания делает не только возможным, но и необходимым проведение социально-философского исследования риска, которое можно рассматривать как предпосылку к созданию общей теории социального риска.

Логика такого анализа имеет несколько взаимосвязанных уровней, позволяющих детализировать проблему риска в разных аспектах.

Первый этап исследования предусматривает выявление сущности, внутренней противоречивости, черт, элементов и свойств, составляющих целостность риска как комплексного и многогранного социального явления, присущего деятельности в целом.

Далее возникает потребность рассмотреть диалектику объективного и субъективного в риске, причины, обуславливающие существование риска в общественной жизни, критерии оценки риска, взаимосвязь понятий „риск”, „степень риска”, „обоснованный (рациональный) риск”, показать разновидности социального риска и особенности субъектов рискованной деятельности.

Следующий этап исследования связан с анализом взаимосвязи риска с некоторыми философско-социологическими категориями и такими понятиями, как инициатива, новаторство и творчество.

И наконец, характеризуются роль и функции риска в разных общественно-экономических структурах и на разных этапах развития социалистического общества.

## **§ 1. Объективное и субъективное в риске, его сущность, свойства и основания**

Обществоведческая литература характеризуется неоднозначностью в трактовке черт, свойств и элементов риска,

в понимании его содержания, соотношения объективных и субъективных сторон, возможности использования риска в плановой социалистической экономике. Разнообразие мнений о сущности риска объясняется, в частности, многоаспектностью этого явления, практически полным игнорированием его советским хозяйственным законодательством, недостаточным использованием в реальной экономической практике и управленческой деятельности. Кроме того, риск — это сложное явление, имеющее множество не совпадающих, а иногда противоположных реальных оснований. Это обуславливает возможность сосуществования множественности определений, объясняющих понятие риска с разных точек зрения. Социально-философский анализ, в определенной мере создавая предпосылки объединения множества детерминант явления „риск”, его свойств и черт в некое целое, позволяет переходить к новому, более глубокому основанию.

Рассмотрим некоторые существующие подходы к пониманию категории „риск”.

1. В массовом сознании, обществоведческой литературе широко распространены суждения о риске как о возможной опасности или неудаче. В проведенном автором в Кировском районе Ленинграда опросе руководителей предприятий и секретарей партийных комитетов и организаций на тему „Риск и его роль в практической управленческой деятельности” участвовало 45 человек. На вопрос анкеты „Ваше представление о том, что такое риск?” 5 человек (11,1%) ответили, что это деятельность, связанная с опасностью, неудачей.

Подобная точка зрения разделяется и некоторыми специалистами различных отраслей знания, которые считают, что риск — это мера ожидаемой неудачи, неблагоприятия в деятельности; опасность наступления для здоровья человека неблагоприятных последствий; определенные явления, наступление которых содержит возможность материальных потерь; возможный убыток или неудача в коммерческом деле; опасность, от которой проводится страхование имущества<sup>1</sup>. Под словом „риск” „в страховой технике подразумевают опасность, угрожающую страховому объекту, за который страховое учреждение обязано вознаградить страхователя”<sup>2</sup>. Таким образом, в этих определениях выделяется, в частности, такая черта риска, как возможность, мера предполагаемой неудачи, опасности применительно к конкретному виду деятельности.

Связь опасности и риска прослеживается и в этимологии этого термина. В советской литературе высказываются суждения о том, что в русский язык слово „риск” пришло из европейских языков: либо испанского, где оно означает „скала”<sup>3</sup>, либо португальского, в переводе с которого оно означает „отвесная скала”<sup>4</sup>. Мореплаватели под этим словом понимали опасность, которая могла угрожать их кораблям. В ряде словарей\* читаем: риск означает возможную опасность чего-либо, неудачу в каком-либо действии; это всякая возможность ущерба для личности или коллектива, всякая угроза благам лица физического или юридического<sup>5</sup>.

Формирование взглядов, отождествляющих риск с опасностью, имеет

\* Термина „риск” нет в последних изданиях Большой советской энциклопедии и Советского энциклопедического словаря, в пятитомной Философской энциклопедии, в Философском энциклопедическом словаре, в словаре „Научно-технический прогресс”, изданном в 1987 году, и т. д.

давнюю историю. Еще на ранних ступенях развития человеческого общества, когда люди теоретически не осознавали вероятностный характер развития общества, наличие неопределенности и случайности, вызванных действиями природных и общественных процессов, стихийно они искали средства и формы защиты от возможных нежелательных последствий. Один из распространенных способов, который возник на заре цивилизации, связан с созданием специального запасного фонда, например, на случай неурожая, осады города в ходе военных действий и т. д. В такой ситуации начинают складываться предпосылки отождествления риска с явлениями, наступление которых могло вызвать имущественные и другие виды ущерба.

2. В некоторых случаях риск понимается как деятельность, совершаемая в надежде на удачный исход. К такому выводу пришли 15 человек (33,4%), участвовавших в упомянутом опросе.

3. Соединение первого и второго подходов позволяет рассматривать риск как „вероятность ошибки или успеха того или иного выбора в ситуации с несколькими альтернативами”<sup>6</sup>.

4. Встречаются также попытки дать более обобщенное определение риска, выявить черты, характеризующие его как общенаучное понятие. Например: „Риск представляет собой образ действий в неясной, неопределенной обстановке”<sup>7</sup>. Риск — „это ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха”<sup>8</sup>. Риск — это „единство обстоятельств и индивидуально-групповых предпочтений или критериев оценки ситуации, на основе которых принимается оперативное решение”<sup>9</sup>.

Во всех отмеченных подходах к выявлению сущности риска выделяют ее важные черты, элементы и свойства. Такое понимание деятельности субъектов в условиях неопределенности вполне приемлемо в ряде ситуаций, например применительно к простой производственной обстановке, азартным играм, обыденной жизни, когда речь идет о поездке водителя и пассажиров в автомобиле, переходе через дорогу перед потоком движущегося транспорта, прыжке нетренированного человека в воду с 10 — 15-метровой высоты и т. д. Однако приведенные определения, на наш взгляд, не охватывают всего содержания социального риска применительно к деятельности в условиях неопределенности, связанной с регулированием различных сторон общественной жизни на основе учета интересов, потребностей, целевых установок субъектов исторического процесса.

Что представляет собой риск с этой точки зрения? Ответ на этот вопрос целесообразно начать с выяснения смысла понятия „ситуация риска”, поскольку оно непосредственно сопряжено с содержанием термина „риск”.

Понятие „ситуация” часто употребляется в повседневном общении, в естественных и общественных науках. И это понятно: анализ конкретной ситуации является исходным пунктом принятия того или иного решения. В ряде работ осуществляется классификация ситуаций по различным основаниям, рассматриваются конкретные ситуации применительно к тем или иным видам деятельности<sup>10</sup>. Большинство исследователей склонны считать, что термин „ситуация” ближе всего к слову „обстановка”. Соглашаясь с этим, ситуацию можно определить как сочетание, совокупность различных обстоятельств и условий, создающих определенную обстановку для того или иного вида деятельности. Причем эта обстановка может или спо-

существовать, или препятствовать осуществлению данного действия. Исходя из того что в ситуацию входят условия, в которых осуществляется явление, и его причины, можно считать, что понятие „ситуация” шире по логическому объему, чем отдельное явление. Среди различных видов ситуаций, с которыми в реальной действительности сталкиваются субъекты исторического действия (определенные, неопределенные, ситуации, в которых сочетаются неопределенность и риск<sup>11</sup>), особое место занимают *ситуации риска*. Функционированию и развитию многих общественных процессов присущи элементы неопределенности. Это обуславливает появление ситуаций, не имеющих однозначного исхода (решения). Если существует возможность количественно и качественно определить степень вероятности того или иного варианта, то это и будет ситуация риска. Отсюда следует, что рискованная ситуация связана со статистическими процессами и ей сопутствуют три сосуществующих условия: наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы (при этом нужно иметь в виду, что отказ от выбора также является разновидностью выбора); возможность при этом оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив. На наш взгляд, такое понимание рискованной ситуации продуктивнее для анализа социальной, экономической, политической жизни, чем сведение ее лишь к „совокупности альтернатив, которые можно расчленить при принятии решения и выбрать одну из них”<sup>12</sup>.

Ситуации риска качественно отличаются от ситуаций неопределенных. В последних вероятность наступления результатов решений, событий в принципе неустанавливаема. Рискованная ситуация – разновидность неопределенной, когда наступление событий вероятно и может быть определено, то есть в этом случае объективно существует возможность оценить вероятность событий, предположительно возникающих в результате совместной деятельности партнеров по производству, конкурентов конкурентов или противника, влияния природной среды на развитие экономики, внедрения научно-технических достижений в народное хозяйство и т. д.

Ситуация риска имеет несколько модификаций:

1. Субъект, делающий выбор из нескольких альтернатив, имеет в распоряжении объективные вероятности получения предполагаемого результата, основывающиеся, например, на проведенных статистических исследованиях.

2. Вероятности наступления ожидаемого результата могут быть получены только на основе субъективных оценок, то есть субъект имеет дело с субъективными вероятностями.

3. Субъект в процессе выбора и реализации альтернативы располагает как объективными, так и субъективными вероятностями.

Стремясь „снять” рискованную ситуацию, субъект делает выбор и стремится реализовать его. Этот процесс находит свое выражение в понятии „риск”. Последний существует как на стадии *выбора* решения (плана действий), так и на стадии его *реализации*. И в том и в другом случае риск предстает моделью снятия субъектом неопределенности, способом практического разрешения противоречия при неясном (альтернативном) развитии противоположных тенденций в конкретных обстоятельствах.

Сказанное позволяет определить риск как *деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить*



*вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.*

Количественная и качественная мера учитываемой вероятности находит свое выражение в термине „*степень риска*”.

В явлении „*риск*” выделим следующие основные элементы, взаимосвязь которых и составляет его сущность:

- возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива;
- вероятность достижения желаемого результата;
- отсутствие уверенности в достижении поставленной цели;
- возможность наступления неблагоприятных последствий (материальный или физический ущерб, заболевание, смерть и т. д.) при осуществлении тех или иных действий в условиях неопределенности для субъекта, идущего на риск;
- материальные, экологические, нравственно-идеологические и другие потери, связанные с осуществлением выбранной в условиях неопределенности альтернативы;
- ожидание опасности, неудачи в результате выбора альтернативы и ее реализации.

Наличие в явлении риска перечисленных элементов показывает, что его содержание (особенно в процессе практической хозяйственной, управленческой и других видов общественной деятельности) неправомерно отождествлять либо только с возможными негативными последствиями, потерями, опасностью, неудачей, либо только с предполагаемыми удачными исходами, которые могут наступить в ходе реализации выбранной в условиях неопределенности альтернативы.

Применительно к осуществлению практических действий в ситуации риска целесообразно учитывать (и это нашло свое отражение в определении термина „*риск*”) три главных элемента риска:

- вероятность получения желаемого результата (удачи);
- вероятность наступления нежелательных последствий (неудачи) в ходе выбора альтернативы и ее реализации;
- вероятность отклонения от выбранной цели. При этом возможны отклонения как отрицательного, так и положительного свойства. Например, в результате перехода предприятия на выпуск новой модификации изделия может быть получена большая, чем предполагалось, прибыль.

Взаимосвязь и взаимодействие основных элементов риска отражают его содержание. Наряду с этим риску присущ ряд черт, среди которых выделим противоречивость, альтернативность, неопределенность, конкретно-исторический характер.

*Противоречивость* как черта социального риска проявляется в различных аспектах. Представляя собой разновидность деятельности и выполняя специфические социальные функции, риск, с одной стороны, ориентирован на получение общественно значимых результатов неординарными, новыми способами в условиях неопределенности и ситуации неизбежного выбора. Тем самым он позволяет преодолевать консерватизм, догматизм, косность, психологические барьеры, препятствующие внедрению новых, перспективных видов деятельности, стереотипы, выступающие тормозом общественного развития, и обеспечивать осуществление инициатив, новаторских идей, социальных экспериментов, направленных на достижение успеха. Это

свойство риска имеет важные экономические, политические и духовно-нравственные последствия, ибо ускоряет общественный и технический прогресс, оказывает позитивное влияние на общественное мнение, духовную атмосферу общества.

С другой стороны, риск ведет к авантюризму, волюнтаризму, субъективизму, торможению социального прогресса, к тем или иным социально-экономическим и моральным издержкам, если в условиях неполной исходной информации, ситуации риска альтернатива выбирается без должного учета объективных закономерностей развития социального явления, по отношению к которому принимается решение.

Противоречивая природа риска проявляется в столкновении объективно существующих рискованных действий с их субъективной оценкой. Так, человек, совершивший выбор, осуществляющий то или иное действие, может считать их рискованными, а другими людьми они могут расцениваться как осторожные, лишенные всякого риска, и наоборот.

Такое свойство риска, как *альтернативность*, связано с тем, что он предполагает необходимость выбора из двух или нескольких возможных вариантов, решений, направлений, действий. Отсутствие возможности выбора снимает разговор о риске. В романе Стругацких „Обитаемый остров” один из персонажей говорит: „Выбора у меня все равно нет. Значит, риск... Ну что же, риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму!”<sup>13</sup> Но скорее всего (по предложенной классификации) эта ситуация принудительная. Там, где нет выбора, не возникает рискованная ситуация и, следовательно, не будет риска.

В зависимости от конкретного содержания ситуации риска альтернативность обладает различной степенью сложности и разрешается разными способами. Если в житейских ситуациях выбор осуществляется, как правило, на основе прошлого опыта и интуиции, то при оптимальном решении той или иной административной, производственной или политической задачи дополнительно нужны специальные методы и методики.

О такой черте риска, как *неопределенность*, которая, если она может быть количественно или качественно оценена, вносит в общественную среду фактор риска, речь подробнее пойдет ниже. Здесь хотелось бы лишь отметить, что изучение неопределенности в социальных явлениях применительно к процессу выбора альтернатив, решений, регулирующих человеческую деятельность, представляет интерес с гносеологической точки зрения, поскольку при этом отображается познавательная и практическая ситуация, когда необходимо действовать в условиях, которые не могут быть однозначно определены и придают задаче рискованный характер. Введение фактора неопределенности, в частности, в процесс познания делает его „богаче по своему гносеологическому, психологическому, коммуникативному и практико-псиологическому содержанию, чем схемы процесса отражения действительности в человеческом сознании, не учитывающие моменты неопределенности в актах принятия решений — актах, которыми пронизан весь процесс человеческого знания и практической деятельности”<sup>14</sup>.

Риск является одним из способов „снятия” неопределенности, которая представляет собой незнание достоверного, отсутствие однозначности. Акцентировать внимание на этом свойстве риска важно в связи с тем, что оптимизировать на практике процессы социального управления и ре-

гулирования, игнорируя объективные и субъективные источники неопределенности, бесперспективно. Причем речь идет не о том, чтобы найти средства, позволяющие полностью избавиться от влияния факторов неопределенности (что практически, видимо, не осуществимо), а о необходимости учета риска с целью отбора рациональных альтернатив.

Такая черта риска, как *конкретно-исторический характер*, проявляется в двух основных аспектах.

Во-первых, она находит свое выражение в том, что в антагонистическом обществе социальный риск имеет классовое содержание, то есть он объективно выполняет наряду с общими и различающиеся функции по отношению к классам и социальным слоям, занимающим разное положение в исторически сложившейся системе общественного производства. Такая ситуация обуславливает неодинаковую (хотя и не всегда осознаваемую на обыденном и на теоретическом уровне) оценку роли и значения риска в общественной жизни, и прежде всего в сфере материального производства. Несмотря на то что наличие связи экономического, социального риска с классовыми интересами — объективный факт, он оспаривается некоторыми буржуазными теориями риска. Так, например, общий смысл достаточно распространенной в капиталистических странах теории „производственного риска” направлен на то, чтобы защитить интересы господствующего класса и в определенной мере снять с предпринимателя ответственность за убытки, связанные с классовой борьбой трудящихся. Такая разновидность теории „производственного риска”, как теория „сфер”<sup>15</sup>, исходит из того, что в риске имеются соучастники и в силу этого он делится на сферы. К сфере работодателя относятся различные внутрипроизводственные затруднения — повреждения машин, отсутствие сырья, стихийные бедствия, запреты властей и т. д. К сфере нанимающегося относится забастовки, различные коллективные действия, которые ведут к невыплате зарплаты. Теория „сфер” в опосредованной форме доказывает, что трудящиеся являются лишь соучастниками риска. Степень риска учитывается по тарифному договору: предприниматель теряет от уменьшения выпуска продукции, нанимающийся — от уменьшения зарплаты. Однако в условиях капиталистической экономики нанимающийся, теряя работу, лишается средств к нормальному существованию, тогда как предприниматель свои потери может компенсировать усилением эксплуатации, получением страховки. Социальная направленность этой теории достаточно прозрачна — отвлечь трудящихся от классовой борьбы, переложить на их плечи ущерб, завуалировать сущность эксплуататорских отношений в капиталистическом обществе.

Другой аспект конкретно-исторического характера риска состоит в том, что он имеет неодинаковые социально-экономические детерминанты, выполняет разные функции, в частности, при капитализме и социализме. Указанные различия не носят абсолютного характера, ибо наряду со специфическими особенностями, обусловленными характером производственных отношений и формой собственности, имеются и общие закономерности функционирования и развития этих систем (вероятностный характер социальных процессов, информационная неопределенность и т. д.), которые обуславливают наличие в социальном риске при капитализме и социализме общих черт, элементов, проявлений.

Возникновение и развитие капиталистического способа производства

с присущей ему личной инициативой, предприимчивостью принципиально расширили возможности рискованной деятельности в различных сферах общественной жизни. Более того, в сфере общественного производства риск становится необходимым и обязательным его компонентом. К факторам, которые являются объективной основой риска при капитализме, относятся прежде всего конкуренция, рыночная стихия, случайная игра многочисленных аспектов купли и продажи на капиталистическом рынке, параллелизм в разработке и освоении технических новшеств, существующие ограничения планирования на уровне государства. Право риска собственности, капиталом, которое вытекает из права капиталиста на принадлежащие ему средства производства, становится важнейшей чертой капитализма. На это, в частности, обращал внимание К. Маркс, ссылаясь на книгу Т. Дж. Даннинга „Тред-юнионы и стачки“: „Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы”<sup>16</sup>. Мысль о том, что в процессе развития капитализма возрастает роль промышленно-финансового риска, подчеркивалась В. И. Лениным. Ссылаясь на немецкого буржуазного экономиста, он указывал: «„Чем развитее народное хозяйство, — пишет Лифман, беспардонный защитник капитализма, — тем больше обращается оно к более рискованным или к заграничным предприятиям, к таким, которые требуют продолжительного времени для своего развития, или, наконец, к таким, которые имеют только местное значение”. Увеличение рискованности связано, в конце концов, с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет за границу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народно-хозяйства, хаотичности, кризисов»<sup>17</sup>.

Если объектом риска в условиях капитализма выступает прежде всего капитал\*, то субъектом становится отдельный человек, а социальный риск нередко предстает своего рода мерой, характеризующей „успех-неуспех” деятельности индивида.

Традиционные утверждения о том, что расширение сферы неопределенности и риска при капитализме обусловлено товарной природой его хозяйственного механизма, решающей ролью, которая принадлежит здесь рыночным отношениям, в современный период, в условиях научно-технической революции, быстрого роста производительных сил в странах развитого капитализма, совершенствования компьютерной техники, крутой ломки привычных технологий, требуют существенных дополнений. Определенным образом видоизменяют функциональную роль риска в общественном производстве капиталистического общества растущее обобществление и интернационализация производства, быстрый рост экономических

\* Можно напомнить, что неопределенность природных и общественных последствий в условиях буржуазного общества, которая могла повлечь за собой потерю капитала или его части, первоначально и получила название риска.

комплексов национальных и транснациональных монополий, активная хозяйственная деятельность буржуазных государств. В этих условиях опора на „игру” стихийных сил перестала удовлетворять требованиям воспроизводства капитала и привела к тому, что инструментом господства большого бизнеса все в большей степени становится монополистическая плановость. Значительное распространение получают различные методы программирования экономики, прогнозирования развития буржуазных государств.

Социализм как качественно новый социальный строй определенным образом видоизменяет основания и детерминацию риска, функциональную роль, которую риск выполняет в социально-экономической, политической и духовно-идеологической сферах общественной жизни. Причины этого заложены в некоторых особенностях социализма, и прежде всего в общественной форме собственности, которая создает реальные, но противоречиво осуществляемые возможности для широкого участия представителей различных классов, групп и слоев в историческом процессе. Общественная форма собственности оказывает воздействие на изменение качественного соотношения между стихийным и рациональным социальным регулированием общества — доминирующее место занимают сознательное планирование и управление, которые на практике могут реализовываться при господстве либо административно-командных, либо экономических методов.

Однако новое социально-экономическое и политическое качество социализма не устраняет вероятностного характера многих общественных процессов и действия факторов неопределенности и случайности. Социалистическое общество не освобождается полностью от элементов стихийности, причины которых заключены не только в деятельности субъективного фактора, но и в сфере объективных условий его жизни. Следует также иметь в виду, что строительство и развитие социализма невозможны без инициативы, самостоятельности и предприимчивости, которые в определенных ситуациях выступают как образцы стихийного творчества масс. Эти и другие обстоятельства предопределяют объективное существование риска в условиях социализма.

Субъектом риска при социализме все чаще выступает не только индивид, но и трудовой коллектив, социальная группа, а в некоторых социально-политических и экономических ситуациях и общество в целом.

В социалистическом обществе особое значение приобретает *гуманистический* аспект риска. При переходе от „царства необходимости” к „царству свободы” установка на развитие человека как основного богатства изначально присуща социализму и объективно задана в создаваемой им общественной системе. Реализация принципа гуманизма при социализме на практике носит сложный и противоречивый характер, выступая порой в виде чисто филантропического пожелания или в виде просто эффектного лозунга либо проявляясь в „технократическом” подходе к человеку. Однако, несмотря на реальные трудности, противоречия, социализм, как показывает общественная практика, обладает объективными возможностями и предпосылками превращения гуманизма в конкретное практическое дело. В условиях демократизации советского общества воспроизводство человека как творческой личности приобретает тенденцию превращения в смысл и содержание всей общественно-преобразующей деятельности.

Поэтому особую остроту и актуальность приобретают вопросы: когда, как и в какой степени можно рисковать человеком как социальным существом, его нравственными, идейными установками, здоровьем для решения тех или иных социально-экономических, политических, культурных задач?

Таким образом, причины возникновения и существования социального риска, его содержание и в значительной степени функции преобразуются в зависимости от изменений содержания форм собственности, трудовой деятельности, социальной и политической структуры общества. Однако наряду со специфическими, конкретно-историческими риск обладает и общими свойствами: как социальное и психологическое явление он формируется и развивается в качестве одного из способов, позволяющих субъекту исторического процесса эффективно взаимодействовать с вероятностными условиями действительности, изменяющимися характеристиками окружающего его мира. В этом смысле включение риска в общественную практику способствует развитию навыков эффективно действовать в противоречивом, альтернативном мире.

Как уже отмечалось, в обществоведческой литературе существуют не только различия в понимании содержания понятия „риск“, но и разные точки зрения по поводу объективной и субъективной природы риска.

Ряд авторов исходят из предпосылки о том, что риск – категория объективная, которая позволяет регулировать отношения между людьми, трудовыми коллективами, организациями и другими субъектами общественной жизни, возникающие вследствие превращения возможности (возможной опасности) в действительность<sup>18</sup>. Риск при этом рассматривается как понятие, представляющее собой „возможную опасность случайного наступления отрицательных (личных и имущественных) последствий“<sup>19</sup>. Судя по определению риска, позиции объективной концепции разделяет также А. А. Собчак, считающий, что риск – „это всегда опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет“<sup>20</sup>.

Достаточно широко распространена субъективная концепция риска. Наиболее последовательно она разработана В. А. Ойгензихтом, который исходит из того, что риск всегда субъективен, поскольку выступает как оценка человеком поступка, как сознательный выбор с учетом возможных альтернатив<sup>21</sup>. Субъективная концепция ориентирована на субъект действия, учитывает осознание последствий, выбор варианта поведения, что обосновывает возложение соответствующих обязанностей или освобождение от них. Поскольку с точки зрения этой концепции проявление риска всегда связано с волей и сознанием человека, то „риск – это выбор варианта поведения с учетом опасности, угрозы, возможных последствий“<sup>22</sup>.

Видимо, было бы неправомерным говорить о несостоятельности объективной и субъективной концепций риска. В зависимости от цели исследования, применительно к анализу ряда конкретных событий общественной жизни, конкретных поступков людей, они правомерны. Однако когда речь идет о риске как специфической форме деятельности, социальном феномене, выполняющем регулирующую функцию на основе учета потребностей и интересов индивидов, социальных групп, трудовых коллективов, учреждений, организаций и т. д., то более плодотворной для анализа реальной действительности представляется концепция риска, сочетающая в себе объективный и субъективный подходы.

В марксистской литературе существуют три основные точки зрения, признающие или субъективную, или объективную, или субъективно-объективную природу деятельности<sup>23</sup>. Автор придерживается последней точки зрения. Основным аргументом для ее обоснования является признание того факта, что поскольку человек, трудовой коллектив и т. д. в процессе деятельности включаются в объективно-субъективные отношения, то и сама деятельность имеет объективную и субъективную стороны. В связи с тем что риск представляет собой специфическую деятельность в условиях неопределенности и ситуации неизбежного выбора, то он также представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного. Поскольку в деятельности, в историческом процессе грани между субъективным и объективным относительно<sup>24</sup>, то таково же соотношение этих сторон и в социальном риске, хотя подвижность граней объективного и субъективного не абсолютна.

Риск связан с выбором определенных альтернатив, расчетом вероятностей их исхода – в этом его субъективная сторона. Помимо этого она проявляется и в том, что люди неодинаково воспринимают одну и ту же величину социального риска в силу различия психологических, нравственных, идеологических, политических ориентаций, принципов, установок и т. д.

Однако величина риска не только субъективна, но и объективна, поскольку она является формой качественно-количественного выражения реально существующей неопределенности. Объективность риска проявляется и в том, что это понятие отражает реально существующие в общественной жизни явления, процессы, стороны деятельности. Причем риск существует независимо от того, осознают ли его наличие или нет, учитывают или игнорируют его. Так же как люди не в состоянии отменить естественно-исторические законы (хотя они могут и не знать о них), нельзя отменить в определенном роде ситуациях риска. Объективность риска связана и с тем, что он порождается процессами не только субъективного характера, но и такими, существование которых в конечном счете не зависит от сознания человека.

В дополнение можно отметить: несмотря на то что объективно существующие неопределенность, а также вероятность достижения предполагаемого результата или возможность отклонения от него субъектами оцениваются по-разному, а в ряде случаев они вообще не могут их количественно или качественно оценить, это не означает, что риск не обладает объективным содержанием, поскольку сам процесс рискованной деятельности (независимо от субъекта) обладает определенной вероятностью наступления или ненаступления событий.

Кроме того, осознание наличия в риске двух сторон – объективной (обусловленной объектом управления, познания, деятельности) и субъективной (связанной с отражением, оценкой объективной величины риска) – позволяет выбирать и вырабатывать более адекватные методы и приемы, оптимизирующие на практике процессы человеческой деятельности.

Важное теоретическое и практическое значение имеет анализ вопроса о причинах и условиях, детерминирующих существование социального риска. Эта значимость обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что выявление объективных и субъективных причин риска при социализме позволяет критически переосмыслить начавший складываться в обществен-

ном сознании в 30-е годы стереотип о несовместимости риска и планового характера развития социалистического общества. Это показывает, что риск в действительности „вписывается” в общие социально-экономические процессы и закономерности современного социализма. Во-вторых, знание конкретных причин, порождающих явление риска в социалистическом обществе, позволяет благодаря его учету на практике повышать оптимальность управленческой деятельности, снижать уровень ее субъективности.

Объективное существование риска обуславливают вероятностная сущность многих природных, социальных и технологических процессов, многовариантность материальных и идеологических отношений, в которые вступают субъекты социальной жизни. Функционирование и развитие сложных систем основываются на статистических вероятностных законах. Это предопределяет невозможность однозначного предвидения наступления предполагаемого результата (например, метеорологический прогноз или предсказание путей развития конкретного социального явления). Течение общественных процессов невозможно зафиксировать в константах, подобных скорости света или ускорению свободно падающего тела. Вероятностный характер общественных процессов связан с диалектикой необходимости и случайности. Необходимость (как объективная тенденция) проявляет себя в случайных событиях. Именно в этом смысле можно говорить о том, что случайность играет значительную роль в общественной жизни. В связи с этим могут происходить, в силу наличия множества непредвиденных, случайных, субъективных обстоятельств, различные отклонения от ожидаемого результата. Эти особенности не позволяют управлять обществом как жестко детерминированной системой.

Признание вероятностного характера общественных, технологических и природных процессов предполагает выработку новых теоретических и практических подходов ко всему комплексу проблем человека, к вопросам руководства и управления социально-экономическими, духовно-идеологическими, политическими явлениями. На эту сторону специфики развития современного обществознания неоднократно обращалось внимание в современной литературе. Так, например, на „круглом столе” журналов „Коммунист”, „Коммунист Украины” и „Філософська думка” С. Б. Крымский говорил: „Мы живем в самую ответственную эпоху в истории человечества, когда в силу резкого возрастания социальной опасности ошибки планирование и социальное проектирование будущего становятся насущной потребностью практики. И здесь мы сталкиваемся с серьезным противоречием. Все средства социального проектирования будущего основаны на вероятностном подходе, а опыт свидетельствует, что вероятностный подход в судьбах человека не срабатывает. Многие социальные организации и институты работают не на вероятностных методах: суд, например. Нужно учитывать, что даже маловероятное или невероятное может произойти. А это дает серьезные расхождения, создает „ножницы” между чисто вероятностными подходами, на которые опираются наши модели будущего, и истинным положением дел. Надо учитывать, что математическая теория решений и практика свидетельствуют о том, что наиболее эффективные решения сопряжены с наибольшим риском”<sup>25</sup>.

Итак, вероятностная структура среды, в которую постоянно „погружен” человек, статистический характер и многовариантность, присущие



большинству явлений окружающей действительности, порождают такой феномен, как риск.

Существование риска непосредственно связано с наличием неопределенности, которая неоднородна по форме проявления и по содержанию. Следует согласиться с утверждением о том, что „существует широкое и дифференцированное поле неопределенностей в процессе познания и общественной деятельности, которые мы в принципе не можем исключить из этих процессов, но которые мы должны рассматривать при планировании и осуществлении общественной деятельности в разных областях”<sup>26</sup>. Источники возникновения неопределенности многообразны. Один из них связан с наличием в социально-экономической, политической и духовной жизни элементов случайности и стихийности. Например, невозможно предсказать точное число пассажиров, которые воспользуются автобусом данного маршрута. Оно всегда будет случайным. Но тем не менее необходимо принимать решение о количестве транспорта, обслуживающего данный маршрут. Стихийность общественных процессов связана, например, с наличием повседневных межличностных отношений, которые оказывают заметное и далеко не всегда предсказуемое влияние на сферу распределения.

Неопределенность, а в связи с этим и риск порождаются спонтанностью природных явлений и процессов, стихийными бедствиями. Например, влияние наводнений, засух, землетрясений, неожиданных климатических изменений на производственно-хозяйственную деятельность. Существует распространенное мнение о том, что атаки стихии неизбежны и непредсказуемы. Это не совсем так. Если специалисты службы погоды и других соответствующих организаций ведут надлежащие наблюдения, то они с высокой степенью вероятности могут предсказывать наступление многих стихийных бедствий. Кроме того, потери от них могут быть значительно уменьшены, если руководители предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, располагая достоверной информацией, примут своевременные меры по защите от стихии.

К источникам, воспроизводящим факторы неопределенности, относится также наличие других участников, выбирающих и реализующих решения. Во всех сферах социальной жизни взаимодействуют конкретные участники общественных отношений — отдельные люди, должностные лица, неформальные группы и объединения, трудовые коллективы, кооперативы, предприятия, государственные, партийные и общественные организации, претворяющие в жизнь свои цели. И результат их взаимовлияния носит неопределенный и неоднозначный характер.

Неопределенность возникает из-за наличия в общественной жизни противоборствующих тенденций, возможного противодействия социальной среды или объекта, столкновения противоречивых интересов. Это явственно наблюдается не только в спортивных играх, во время конфликтных бытовых, производственных, политических ситуаций или военных действий, но и в социально-экономических процессах. Например, как показывают некоторые исследования, разные группы трудящихся, участвующих в инновационном процессе, могут занимать различные, подчас противоположные позиции по отношению к своей роли в нем — позиции инициативы или содействия, бездействия или противодействия. Как правило, позицию инициативы занимают по преимуществу разработчики; позицию содействия — проектировщики, организаторы и пользователи (последние неред-

ко и бездействуют). И наконец, изготовители часто оказывают противодействие, так как перестройка технологических и других процессов, требуемая нововведением, не всегда достаточным образом обеспечивается организационными мероприятиями, не подкрепляется соответствующими экономическими и моральными стимулами<sup>27</sup>. Особое значение учет противоборствующих тенденций, порождающих элементы неопределенности, приобретает в условиях перестройки и кардинальных перемен общественной жизни.

Спротивляемость сил, тормозящих и скрыто торпедирующих идеи перестройки общественной жизни, не следует преуменьшать и недооценивать. На практике отнюдь не всегда „доминируют“ общенародные интересы. Функционируют и стихийные силы, противостоящие насущным потребностям развития, например местнические, частнособственнические, эгоистические, „кастовые“, ведомственные интересы и тенденции. Нередко возникают и такие ситуации, когда (в силу объективных и субъективных причин) интересы людей как представителей отдельных социальных групп или, например, коллективов управленческого аппарата в условиях сокращения его численности берут верх над общенародными интересами. Административно-бюрократическая система управления приобрела не только психологические, но и социальные опоры. Так, например, значительные группы как среди руководителей, так и среди рядовых работников приобщились к определенным благам и привилегиям. Это – объективная почва, предопределяющая их непосредственную заинтересованность в сохранении старых порядков или видоизменении новых в соответствии со своими интересами. Возникновение коррумпированных структур в управленческом аппарате, сложившихся в некоторых регионах страны, создает реальные возможности для яростного сопротивления, для появления особенно жестких форм противодействия, вплоть до покушения на жизнь и здоровье людей, бросивших вызов тем, кто активно разлагает социалистическое содержание общественных отношений. Наличие противодействующих и противоборствующих тенденций в общественном развитии вносит в социальную жизнь элементы неопределенности, создает ситуации риска.

На процесс воспроизводства неопределенности оказывает воздействие вероятностный характер научно-технического прогресса. Общее направление развития науки и техники, особенно на ближайший период, может быть предсказано с известной точностью. Однако заранее во всей полноте определить конкретные последствия тех или иных научных открытий, технических изобретений практически невозможно. Эта неопределенность тем более значительна, чем больше времени требуется для реализации в производстве конкретного достижения науки и техники. „Технический прогресс, – справедливо отмечает К. Вальтух, – неосуществим без риска, что обусловлено его вероятностной природой. Поскольку затраты и особенно результаты растянуты и отдалены во времени, они могут быть предвидены лишь в некоторых, обычно широких пределах“<sup>28</sup>.

Существование неопределенности связано с неполнотой, недостаточностью информации об объекте, процессе, явлении, по отношению к которому принимается решение, с ограниченностью человека в сборе и переработке информации, с постоянной изменчивостью информации о многих объектах. Процесс принятия решений предполагает наличие достаточно полной и правильной информации. Однако на практике такая информация

часто бывает разнородной, разнокачественной, неполной или искаженной. Например, относительно производительности оборудования источником информации могут служить проектные, нормативные или фактические данные. Но эти данные являются усредненными, и между ними имеются значительные расхождения. Это один из примеров, показывающих, что информация, нужная для выбора решения в реальной практике, часто отсутствует. Но и та информация, которая есть, может быть неполной. Бывают случаи и сознательного искажения реальных данных – приписки, сокрытие и т. д.

Подобного рода ситуации создают реальные предпосылки для широкого распространения в практической жизни метода „проб и ошибок“, который нередко напоминает „блуждание в потемках“. К этому приводят также и слабая подготовка специалистов системы управления, плохое знание ими своих обязанностей и прав, пренебрежительное отношение к науке управления в новых условиях хозяйствования.

К источникам, способствующим возникновению неопределенности и риска, относятся также:

- ограниченность, недостаточность материальных, финансовых, трудовых и других ресурсов при принятии и реализации решений;

- относительность процесса познания человеком окружающей действительности (например, процесс познания постоянно включает элементы неопределенности, поскольку каждый новый его этап открывает новые нерешенные проблемы);

- невозможность однозначного познания объекта при сложившихся в данных условиях уровне и методах научного познания;

- относительная ограниченность сознательной деятельности человека, существующие различия в социально-психологических установках, идеалах, намерениях, оценках, стереотипах поведения.

Анализ основных источников возникновения неопределенности позволяет выделить несколько взаимосвязанных факторов, порождающих неопределенность в общественных процессах. Во-первых, это внутренние факторы, присущие обществу как социальному организму: многовариантный, вероятностный характер, противоречивость общественных явлений, элементы стихийности, случайности. Во-вторых, это факторы, связанные с неполнотой информации, сведений об объекте, явлении, процессе. В-третьих, это факторы, обусловленные воздействием субъекта (человек, группа, коллектив, организация, учреждение и т. д.) на общественную жизнь в целях реализации своих потребностей, интересов, целей. В-четвертых, это факторы, связанные с влиянием научно-технического прогресса на социальную, экономическую, политическую и духовную жизнь.

Кроме указанных причин следует особо отметить, что риск связан с творчеством – деятельностью, которая характеризуется неповторимостью, оригинальностью, уникальностью. Риск обусловлен самой сущностью творческого процесса, особенностями внедрения нового в практическую жизнь, необходимостью разрешения противоречий между вновь появляющимися событиями, процессами в обществе и старыми способами социального регулирования, поисками новых, еще не апробированных средств, форм и методов работы. Эти обстоятельства приобретают особый смысл в связи с тем, что нарастание темпов социально-экономического развития нашей страны неразрывно связано с созданием реальных условий для все большего простора инициативе и творчеству масс. Творчество без

риска невозможно. Вот почему столь актуально на современном этапе развития советского общества изучение взаимосвязи риска с новаторством, изобретательством, рационализаторством, с творческим процессом в целом.

Таким образом, социально-философский срез исследования явления „риск” позволяет рассматривать его как специфическую форму деятельности, которая реализуется субъектом в условиях неопределенности, выявлять основные элементы и черты риска, совокупность и взаимодействие которых составляют содержание этого понятия и характеризуют его социальные функции, выяснять объективные и субъективные причины, обуславливающие существование риска. Дальнейшие конкретизация и детализация анализа риска могут быть связаны с раскрытием сущности понятия „степень риска”, с обоснованием методов и способов оценки риска в практической управленческой, хозяйственной, политической деятельности.

## § 2. Степень риска, методы и способы ее оценки

Рассмотрение теоретической и практической значимости вопроса о степени риска начнем со сравнения двух вариантов решений.

Вариант первый. Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, ничего не объясняя руководству и коллективу Днепропетровского производственного объединения „Днепрошина”, перешедшего с января 1986 года на новые условия хозяйствования, довело до предприятия нормативы, реализация которых резко снижает все стимулирующие фонды<sup>29</sup>. Установленный плановый показатель отчислений от прибыли привел к тому, что при выполнении более высокого плана производства предприятие потеряло около 800 тысяч рублей своих фондов. Кроме того, в 1986 году из прибыли объединения министерство изъяло 82,4% всех полученных средств. А на 1990 год норматив изъятия достигнет уже 84,7%, то есть министерство оставляет шинникам лишь 13 копеек с каждого рубля полученной ими прибыли. Для сравнения: в Сумском объединении имени Фрунзе остается 70 копеек прибыли. Министерство не только установило недопустимо низкий процент отчислений, но и, ограничивая самостоятельность, регламентировало расход всех оставленных сумм от прибыли, указывая, сколько пустить денег на модернизацию оборудования, на строительство жилья, на материальное поощрение. И наконец, предприятию стало невыгодно добиваться сверхплановой прибыли. Если раньше 70% ее оставалось в объединении, то сейчас лишь 13,2% — столько же, сколько от прибыли плановой. И это сразу отразилось на фонде материального поощрения. Всего лишь 27 тысяч можно отчислить в него от миллиона рублей сверхплановой прибыли.

Вариант второй. Министерство, в связи с тем что маломощное оборудование, ветхие помещения, шаткий причал Ленинградской ремонтно-эксплуатационной базы флота Северо-Западного речного пароходства в принципе перестали соответствовать представлениям о современном судостроительном предприятии, предложило руководству этой организации на другом месте построить новую базу стоимостью 50 миллионов рублей. Однако руководители предприятия отказались от этого проекта и предложили свой вариант развития производства — реконструкцию без останов-

ки работы и даже с наращиванием темпов ее роста. Это решение оказалось безусловно выгодным государству: оно обошлось примерно в пять раз дешевле, чем строительство новой базы, и позволило сохранить опытные кадры судоремонтников.

Оба эти варианта связаны с риском. Первый случай является решением с необоснованным риском, поскольку представляет собой стремление министерства воплотить в жизнь комплекс недостаточно продуманных действий и переложить ответственность за негативные социально-экономические и нравственно-политические последствия на коллектив производственного объединения „Днепрошина”, ставя его в логически парадоксальную, но столь распространенную на практике ситуацию — „лучше работаешь — хуже живешь”.

Второй случай — это пример смелого, рассчитанного риска, основанного на технико-экономическом и социально-нравственном анализе реальных возможностей, уверенности в правоте задуманного.

Сравнение этих двух вариантов показывает, что, хотя риск и „благородное дело”, отнюдь не любые рискованные решения целесообразно выбирать и реализовывать на практике. Если производственная, экономическая, политическая, идеологическая и другие виды деятельности в условиях неопределенности связаны с принятием решений, обладающих разной степенью риска, то вполне уместны вопросы: что является критерием, определяющим степень риска? решения с какой величиной риска могут применяться в тех или иных видах деятельности? как можно оценить возможные результаты этих решений?

Ответы на эти вопросы во многом зависят от исходных посылок: какое содержание вкладывается в понятие риск; в какой сфере реализуется выбранная рискованная альтернатива; учитывается ли при этом чисто *экономическая* либо также и *социальная* эффективность осуществляемых в ситуации риска решений.

Различия по этим основаниям предполагают возможность применения на практике разных способов обоснования критерия степени риска и использования разных методов его оценки. Выделим два подхода к названным проблемам: *количественный* и *интегративный* — и рассмотрим их содержательную сторону.

Автор исходит из того, что количественный подход имеет ограниченную сферу применения и может использоваться в ситуациях риска, в ходе осуществления которых качественные характеристики не имеют принципиального значения. Например, при определении меры риска в оценке вероятности выпадения „орла” или „решки”, в той или иной комбинации игральной кости, в выявлении доли риска в лотереях, спортивных состязаниях, других игровых ситуациях, в так называемых азартных играх и т. д. Однако количественный подход, вполне адекватный названным ситуациям, на практике часто используется и при оценке риска в ситуациях социального характера, то есть применительно к общественным процессам. Это, как будет показано ниже, приводит к значительным неточностям, ошибкам, влияющим на эффективность осуществляемой деятельности.

Распространенность количественного подхода к определению критерия степени риска и его оценки в общественных ситуациях связана с некоторыми особенностями развития теории „риска” в нашей стране и практи-

ческими реалиями хозяйственной, экономической, управленческой деятельности. К ним можно отнести:

- сведение вероятности в процессе познания социальных процессов лишь к количественной мере возможности появления некоего события при определенных условиях и игнорирование ее качественных характеристик;

- часто встречаемое отождествление риска лишь с возможной опасностью, нежелательными последствиями, которые могут возникнуть в результате реализации выбранной альтернативы;

- преобладание *технократического* общественного сознания над *социальным*, достаточно широкую распространенность „технократического” подхода к проблемам развития экономики, техники, социальной и духовной жизни, при котором принижаются или остаются вне поля зрения реальные потребности, цели, интересы конкретных людей, коллективов, групп;

- преуменьшение (особенно в практической жизни) значимости качественных характеристик экономических, духовно-идеологических процессов, явлений; абсолютизацию количественных показателей, обусловленную не только субъективными, но и объективными причинами (ориентация в течение продолжительного времени в общественном производстве на „вал”, на преимущественно экстенсивные факторы развития, иллюзорная легкость подсчета количества по сравнению с выявлением качественных характеристик и т. д.).

О недостатках чисто количественного подхода к оценке степени риска в ситуациях социального плана подробнее пойдет речь при анализе содержания *интегративного* подхода. Сейчас же рассмотрим, в чем суть *количественного* подхода в определении критерия степени риска и его оценки в тех ситуациях, где он может быть использован.

Решение, выбранное в условиях неопределенности, обладает некоторой вероятностью достижения желаемого результата (возможность успеха), вероятностью неудачи (возможность неуспеха) и вероятностью отклонения от предполагаемой цели. Количественная величина этих видов вероятности в диапазоне от 0 (полная неудача) до 1 (100%, полный успех) и определяет степень риска. Таким образом, степень риска зависит от меры учтенной неопределенности, которая оценивается тем или иным способом. Поясним это примером. Предположим, данное предприятие в течение длительного времени серийно выпускает изделие А, которое пока реализуется без особых трудностей. В плане развития предприятия предусматривается переход на выпуск более совершенной модели. При этом существуют два варианта: в принципе можно выпускать изделие Б или изделие В, которые различаются качественными характеристиками, но наиболее современной является модель В. Выбор какого-либо варианта связан с оценкой существующей при этом неопределенности. Экономические расчеты показывают, что если выпуск и сбыт новой модели Б будет удачным, то это принесет предприятию в год чистой прибыли на 500 тысяч рублей больше, чем выпуск модели А; если неудачным, то прибыль по сравнению с моделью А снизится на 100 тысяч рублей. Прикидка по изделию В показывает, что при удачном внедрении годовая прибыль увеличится соответственно на 1,5 миллиона рублей, при неудаче – снизится на 300 тысяч рублей. Не затрагивая в данном случае вопроса о методиках и способах, позволяющих выбрать оптимальный вариант, важно отметить, что каждый из них имеет разную степень

риска. Проведенные руководителями предприятия специальные исследования, учитывающие влияние различных факторов и обстоятельств, показывают, например, что вариант, связанный с переходом на выпуск модели Б, содержит 95% успеха и 5% неудачи; второй вариант – 85% успеха и 15% неудачи. Эти варианты отличаются друг от друга различной величиной риска, содержащегося в них, и это различие связано с оценкой неопределенности, сопутствующей реализации данных вариантов.

Поскольку степень риска зависит от оценки неопределенности, то количественные изменения вероятности осуществления выбранного варианта, наступления предполагаемого события приводят к изменению качественного состояния риска. Эти переходы и являются границей между различными типами степени риска. Количественно эти границы могут быть рассчитаны с помощью соответствующих математических методов\*.

Использование этих методик и опыта некоторых руководителей-практиков позволяет выделить несколько типов решений, поступков, действий с различной степенью риска – с *минимальным* риском, со *средней* степенью риска, с *высокой* степенью риска и *максимальным* риском.

Такая количественная классификация степени риска предопределяет и ответ на вопрос: какова должна быть мера риска тех действий, которые целесообразно использовать на практике? Те, кто отождествляет риск с возможной удачей, надеждой на удачный исход, считают, что деятельность в условиях неопределенности должна основываться на максимальном риске; те же, кто сводит риск только к возможной опасности, неудаче, – на минимальном.

Как уже отмечалось, в определенных ситуациях количественный подход к определению степени риска и его оценке может использоваться. Однако применительно к анализу процессов общественной жизни, при выборе экономических, политических, социальных решений, учитывающих интересы отдельных людей, коллективов, групп и влияющих на них, недостатки чисто количественной оценки степени риска достаточно явственны. Общественная жизнь неизмеримо богаче, она требует внедрения в практику управления, хозяйственной жизни более адекватных современной ситуации моделей. К ним, в частности, относится использование *интегративного* подхода, позволяющего выделить два типа риска – рациональный (обоснованный) и нерациональный (необоснованный). Это создает предпосылки для преодоления технократизма, экономического детерминизма, поскольку такой подход ориентирован на необходимость учета *социальной* (а не только экономической) эффективности выбираемых в ситуации риска решений и тем самым позволяет переходить к „человеческому измерению” экономики, к рассмотрению человека как активного, творческого деятеля, субъекта сознательной, целесообразной и целенаправленной деятельности.

Интегративный подход включает три взаимосвязанные стороны: *количественную, качественную и аксиологическую*.

Поскольку эффективность может определяться через соотношение результатов деятельности и затрат, то оценка деятельности в ситуации риска имеет количественный аспект. Он выражается, например, в стои-

\* Некоторые из используемых на практике и в теории методов определения степени риска и оценки риска приводятся в приложении.

мостных показателях, в денежных расходах-доходах, затраченных материальных, временных, трудовых ресурсах. С этой точки зрения хозяйственные, социальные проблемы могут решаться различными способами. Одни из них будут более, другие менее экономичными. Например, перекачка на большие расстояния по трубопроводам газообразного водорода оказывается в 10 раз выгоднее передачи электроэнергии; перевод на водородное топливо реактивных авиалайнеров вдвое повышает их полезную нагрузку, значительно уменьшает загрязнение окружающей среды. Производства с замкнутым циклом, которые полностью утилизируют побочные продукты и отходы, дают не только экологический эффект, сохраняя здоровье людей, но и приносят большую экономическую выгоду при наименьших затратах.

Непростым вопросом является количественная оценка, например, экологических благ. Действительно, как ответить на такие вопросы: сколько стоит речка? можно ли в стоимостных единицах выразить цену шума или тишины, свежего воздуха, холодной чистой воды, заросшего кувшинками омута, солнечного света? На многие из этих вопросов действительно ответить чрезвычайно сложно, но, используя определенные методики, хотя и с большой степенью приближенности, можно: меры по охране природы, здоровья людей требуют привлечения средств и ресурсов, которые имеют стоимостное выражение, и для выяснения целесообразности, оптимальности этих мер можно выразить в денежных единицах, например, ущерб от шума, загрязнения воздуха, воды. Так, на вопрос „сколько стоит речка?“ некоторые специалисты отвечают, что только проектно-изыскательские затраты по разработке комплекса водоохраных мер каждой малой реки обходятся от 20 до 80 тысяч рублей<sup>30</sup>. Или: всем известно, что шум вреден. Он утомляет, раздражает человека, длительное воздействие громких звуков приводит к частичной потере слуха, нервным расстройствам, повышению кровяного давления. Все это практически невозможно выразить в количественных показателях. Но все же частично ущерб, наносимый шумом, можно подсчитать и в денежных единицах. Сюда, например, включаются снижение производительности труда, затраты на лечение от нервных расстройств, на звукоизоляцию и т. д. Так, в США, как показывают некоторые исследования, население согласно платить около 5% своего дохода за полную звукоизоляцию жилища. В Англии готовы использовать от 2 до 7% своего дохода в зависимости от его величины для „оплаты тишины“<sup>31</sup>.

При решении экологических проблем целесообразно не только учитывать ущерб от загрязнения окружающей среды, но и выявлять стоимость контроля над загрязнением. При этом ясно, что стоимость очистки воздуха, воды, борьбы с шумом будет возрастать тем быстрее, чем выше требуемая степень очищенности среды или защищенности от шума. Так, затраты на борьбу с загрязнением природной среды в различных капиталистических странах колеблются от 0,6% (Италия) до 2,2% (США) валового национального дохода<sup>32</sup>. Количественная оценка издержек, эффективности, результатов принимаемых решений помогает выявить и отбросить нецелесообразные варианты. Выгодным обычно считают решение, при котором доходы превышают затраты. Оптимальным, а не просто выгодным решением — такое, когда при минимуме затрат достигаются максимальные результаты. „Достижение больших результатов с меньшими совокупными (а не просто



текущими) затратами” – такова общая формула интенсивного роста экономики. Однако требование минимальных затрат не всегда применимо к практике управления социальной, экономической, хозяйственной жизнью. Например, в условиях перевода экономики на интенсивный путь развития, расширения использования счетной, микропроцессорной техники, передовой технологии происходит увеличение затрат на управление. Правомерно ли в таких условиях требование „минимизации” затрат на управление, согласно которому лучшее управление – с минимальными затратами? Видимо, увеличение затрат на управление не будет лишним, если его эффективность оправдывает сделанные вложения. Итак, эффект можно оценить через соотношение затрат и результатов, при этом оценки носят количественный характер. Существует множество количественных методик, ориентированных на поиск оптимальных вариантов в условиях неопределенности. Однако нынешние экономические модели несовершенны, часто не учитывают человеческого фактора. Это затрудняет подсчет затрат и выгод, ведет к принятию неверных, неоптимальных вариантов решений, к неправильной оценке степени принимаемого риска.

Наряду с несовершенством имеющихся методик в ряде ситуаций, особенно в области оценки экологического риска, они отсутствуют либо не применяются. Так, например, шведские ученые обнаружили в балтийской рыбе опаснейшее вещество – диоксин. В СССР такие наблюдения не ведутся<sup>33</sup>. Или: весь мир говорит о кислотных дождях. В большинстве стран есть карты с обозначением районов, где особенно часто выпадают такие дожди. В СССР таких карт почти нет<sup>34</sup>.

Очень часто практическим работникам неизвестен предел, до которого можно „эксплуатировать” природу\*. Кроме того, в конкретных регионах не всегда существуют методики, нормы учета качественных характеристик загрязнения окружающей среды. Поэтому практики и спрашивают: в чем считать ущерб? В галлонах свежего воздуха или в рентгенах солнечных лучей, которые недополучили люди? И дело отнюдь не только в несознательности тех или иных руководителей. Если загрязнение природы „заложено в технологию” при строительстве, а с руководителя прежде всего требуют выполнения плана выпуска продукции, то такое „неправильное производство” делает и людей, работающих на нем, „неправильными”. При всем понимании экологических последствий лично своей деятельности, при всей своей любви к природе они „по долгу службы” могут стать ее противниками. Ситуация может меняться лишь по мере преобразования системы планирования, применения безотходных технологий, разработки и использования в рамках уголовного и гражданского права соответствующих статей (предусматривающих привлечение к ответственности за загрязнение окружающей среды, срыв социальных программ), внедрения в хозяйственную практику методик, с помощью которых ущерб от решений с той или иной степенью риска оценивался бы не только количественными, но и качественными показателями.

Итак, количественная оценка не полностью отражает содержание рискованной деятельности. И дело не только в том, что взятые сами по себе

\* Следует, однако, заметить, что в экологии в качестве достаточно обоснованной гипотезы сформулировано „правило десяти процентов”. Нарушенная в среднем до такого уровня экологическая система внешне еще работает нормально, но в любой момент – даже от малейшего толчка – может необратимо разрушиться.

затраты и результаты нетождественны эффекту в полном смысле этого слова. Современный этап развития советского общества, предполагающий выход на качественно новые рубежи во всех сферах социальной жизни, все большее распространение системного подхода, ориентированного на изучение явлений и процессов в их диалектическом движении и взаимосвязи, актуализируют вопрос об учете *социального* аспекта эффективности при выборе оптимальных решений. Стремление внедрять в практическую жизнь методы и методики выявления социальной эффективности в значительной мере отражает присущую социализму органическую взаимосвязь экономической эффективности и социальной справедливости. Однако особенности развития социально-экономической жизни страны в годы, предшествующие апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК КПСС, сдерживали и тормозили этот процесс. И прежде всего потому, что развитие социальной сферы часто воспринималось как фактор, замедляющий темпы экономического развития. С большими трудностями проникают в практику управление и хозяйствования методики, направленные на выявление социальной эффективности решений, связанных с риском, и в настоящее время. Так, например, в отчетах партийных комитетов по руководству перестройкой, состоявшихся в конце 1987 – начале 1988 года, неоднократно отмечалось, что партийные работники часто увлечены „технологией” в ущерб политической стороне дела, недооценивают роль человеческого фактора. Ситуация изменится лишь тогда, когда экономическое развитие повернется к человеку, будет ориентировано на удовлетворение потребностей конкретных людей, а не на чисто количественные, а порой и абстрактные показатели. На необходимость оценивать принимаемые решения с социальных позиций постоянно обращается внимание в выступлениях партийных руководителей страны. Например, М. С. Горбачев на встрече с партийным, советским и хозяйственным активом Латвийской ССР говорил: „Не будем смотреть, товарищи, на перестройку с чисто потребительских позиций... Не будем мерить ее значение сиюминутными выгодами. Давайте, говоря о перестройке, думать о нашем обществе, о социальном самочувствии наших людей, о том, как быстрее пройти трудные годы двенадцатой пятилетки”<sup>35</sup>.

Итак, выявление социальной эффективности предполагает наряду с количественным выявлением соотношения затрат и результатов и *качественную* оценку деятельности в ситуации риска. При этом следует иметь в виду, что на оценку риска влияют вероятность совпадения нескольких благоприятных или неблагоприятных обстоятельств, качественный характер ущерба или, наоборот, приобретений, наступающих в случае совпадения соответственно нескольких неблагоприятных или благоприятных условий. Кроме того, при определении степени риска нужно принимать во внимание возможность одновременного наступления благоприятного и неблагоприятного исходов.

Качественный подход включает множество различных элементов, ориентированных на выявление положительных и отрицательных последствий реализации выбранной в ситуации риска альтернативы. Покажем суть качественной методики на ряде примеров. Осуществление экономической, управленческой, хозяйственной деятельности всегда требует выяснения ее нравственно-воспитательных последствий. Это связано с тем, что управленческим решениям наряду с другими присуща и воспитатель-

но-стимулирующая функция. Она направлена на выработку у трудящихся социально значимых нравственных качеств, формирование у них социальной предпримчивости, инициативы, ответственности за свое дело. Эта функция не может реализовываться автоматически. Если руководитель не учитывает нравственно-воспитательных последствий принимаемых решений с риском, то это приводит к ориентации работников на чуждые социализму действия, подобные припискам, к утаиванию резервов производства, к распространению пассивности, равнодушия, к атрофированию у них чувства хозяина. Выявление нравственно-воспитательных последствий управленческой деятельности предполагает необходимость видеть за сводками цифр человека с его желаниями, стремлениями, интересами, ставить преграду гипнозу цифр и процентов. Если, например, речь идет о выполнении плана, то правомерен при этом вопрос: какой ценой он выполняется для человека, коллектива? Приведенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что, когда в реальной жизни возникают противоречия между экономической целесообразностью и воспитательными последствиями реализуемых управленческих решений, обоснованными можно считать действия, которые предполагают отказ от выбора решений, являющихся целесообразными с точки зрения экономики или ведомственных интересов, но наносящих ущерб (с точки зрения общественных интересов) воспитанию людей.

В определенной мере содержание качественного подхода к выявлению социальной эффективности, оценке деятельности в ситуации риска раскрывает следующий пример. По некоторым расчетам, во всем мире из-за сорняков, вредителей и болезней растений теряется больше трети возможного урожая<sup>36</sup>. Для защиты растений широко используются химические вещества: зооциды против грызунов, инсектициды против насекомых, фунгициды, спасающие от грибковых заболеваний, гербициды, избирательно поражающие сорные травы и тем самым экономящие огромные затраты труда на прополку. Их применение постоянно расширяется. Например, в 1986 году в СССР на гектар пашни на обработанных химзащитой площадях пришлось в среднем по два килограмма пестицидов. К 1990 году это количество должно увеличиться вдвое. Уже сейчас есть районы, где их применение достигает 230 килограммов на гектар. Результаты массированного применения химических средств защиты растений разные специалисты оценивают неоднозначно. Количественно-экономический анализ показывает, что растет производительность сельскохозяйственного труда и сельское хозяйство нашей страны получает за счет пестицидов дополнительной продукции на несколько миллиардов рублей. Однако такие расчеты односторонни, ибо не опираются на серьезную социально-эколого-экономическую экспертизу, не принимают во внимание соотношение экономического эффекта и социально-экологического ущерба. Количественный подход не учитывает отрицательных долговременных последствий применения пестицидов для природы, здоровья человека и самого сельского хозяйства. Вот и получается, что учет только экономического эффекта широкого внедрения в сельское хозяйство химических средств защиты растений, без выяснения качественных последствий, оборачивается псевдоэкономией.

Качественная оценка предполагает необходимость сравнения вероятных практических выгод и возможных негативных, психологических,

нравственных, воспитательных, политико-идеологических, экологических, демографических и других как близких, так и отдаленных последствий, которые могут наступить при реализации содержащего риск решения. Вариант, учитывающий вероятность влияния принятого решения на качественную сторону жизни людей, можно считать обоснованным, если его осуществление не превышает социально приемлемого уровня отрицательных последствий для нравственного, психологического, физического состояния людей, их здоровья и при этом анализируются и выявляются различные пути, которые могут вести к отклонению от цели.

Если деятельность субъекта носит технократический характер, то тем самым постоянно воспроизводятся условия, препятствующие или затрудняющие учет степени влияния принимаемых решений на качественную сторону жизни людей. Основные причины такого положения связаны с недостаточным развитием экономических методов управления социальными процессами, со слабым распространением на практике такого важнейшего компонента современного мышления, как *вариантность*, со значительным удельным весом экстенсивных факторов развития, с отсутствием эффективных экономических, юридических, социально-психологических рычагов, создающих реальную заинтересованность практических работников в учитывании негативных последствий выбираемых в ситуации риска альтернатив, со слабой разработанностью различных санкций к лицам, вольно или невольно осуществляющим „технократическую” деятельность. В этих условиях внедрение в общественную жизнь условий, поощряющих выбор оптимальных решений, ставящих преграду „технократическим поползновениям в экономике”, способствует усилению социальной направленности принимаемых управленческих решений, распространению на практике новой концепции взаимосвязи экономики с социальной сферой.

Необходимость учета и выявления социальной эффективности в процессе осуществления любых видов деятельности, в том числе и рискованной, обуславливается действием объективных потребностей нынешнего этапа развития советского общества. Однако на практике этот процесс осуществляется сложно и противоречиво. Наиболее зримо это проявляется в сфере взаимодействия экономики и экологии. Например, уже сегодня химические моющие вещества можно сделать биологически разлагаемыми, но это не делается, так как в этом случае их производство станет значительно дороже. В результате современные моющие средства продолжают загрязнять окружающую среду. Происходит это, несмотря на то что природа и здоровье человека значительно дороже, чем деньги, золото, чисто экономические выгоды. Следует, однако, иметь в виду, что выбор между количеством и качеством, экономическими потребностями и здоровьем людей не всегда в силу объективных причин и обстоятельств может осуществляться в пользу сохранения качества природы, хотя этого, казалось бы, требуют элементарная логика и здравый смысл. Например, несколько десятилетий назад стал известен биологический вред использования в сельском хозяйстве ДДТ (4,4'-дихлордифенилтрихлорметилметан). Накопление ДДТ в организме птиц ведет к опасному истончению скорлупы яиц, а у млекопитающих может приводить к бесплодию. Применение ДДТ было запрещено во всех развитых государствах (в СССР — с 1974 года). Однако в ряде стран Африки и Южной Азии, в частности в Индии, условия другие. Воз-

ника альтернатива: либо продолжать использовать ДДТ, получать относительно высокие урожаи и примириться с его ростом в окружающей среде, в организме людей, хотя это может оказаться в дальнейшем губительным для здоровья, либо отказаться от применения ДДТ. Последнее в условиях Индии приведет к падению производства продовольствия и, следовательно, к голодной смерти тысяч и тысяч людей, то есть выбор альтернативы в данной ситуации не так прост, как может показаться на первый взгляд. Логика требует прекращения использования ДДТ в сельском хозяйстве, а объективные обстоятельства (возможный голод и гибель людей) пока обуславливают необходимость применения этого вещества. И глобальное загрязнение планеты продолжается. Заметное количество ДДТ обнаруживается в Арктике, Антарктиде, в снегах, выпадающих в Сибири, — ДДТ распространяется через высокие слои атмосферы.

Наряду с количественным и качественным анализом понятие „социальная эффективность” и оценка деятельности в ситуации риска дополняются *аксиологическим* подходом. Он вытекает из принципа социализма: „Все во имя человека, все для блага человека”. На практике эта безусловно благородная цель нередко сводится к убеждению, что главная задача социалистического общества — как можно лучше накормить людей, дать им качественную одежду, комфортабельное жилище. Споры нет, это задачи, обязательно требующие своего решения. Однако объявлять их высшей целью — значит не только ограничивать хозяйственную практику, но и исказить сущность социализма. Ориентация только на развитие производства и рост материальных благ приводит к потере самого главного — человека, к распространению в обществе бездуховности, вещизма, потребительской психологии. Если исходить из того, что главными ценностями общества являются человек, всестороннее развитие его интеллекта, творческие способности, изобретательности, инициативности и предприимчивости, то высшая цель социалистического общества — формирование творчески мыслящей, созидательно-активной, гармонично развитой личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство<sup>37</sup>. С этих позиций экономическая, политическая, духовная и другие виды деятельности при социализме должны осуществляться на основе учета высших человеческих ценностей, с позиций гуманизма, который строится на соединении личного и общественного.

Практическое применение аксиологического подхода к оценке путей, выбираемых в ситуации риска, сводится к решению вопроса: „Кому эта деятельность полезна, чьим интересам она отвечает?”, то есть в данном случае анализ социальной эффективности включает и оценочное отношение — „польза-вред” — или нравственное — „добро-зло”.

Соотнесение полезности выбираемого решения и возможного экономического, нравственного, идеологического, политического ущерба, к которому оно может привести, значимо для практики социалистического хозяйствования и управления. Инициатива, предприимчивость, смелые решения, неординарные действия хороши лишь тогда, когда они приносят общественную пользу. С этой точки зрения увеличивают, например, риск вредных социально-политических и нравственных последствий действия руководителей ряда районов, которые, выступая за экономию и бережливость, добивались отключения в вечернее и ночное время суток электроэнергии в сельских домах. И жители долгими зимними вечерами вынуждены были

по старинке сидеть при свете керосиновых ламп. Или: если в летний сезон почти половина сотрудников организации трудится вне ее стен, оказывая шефскую помощь селу, то целесообразна ли такая необходимость?

Погоня за сиюминутными экономическими результатами, пренебрежение нормами социалистической жизни под предлогом благих намерений, игнорирование нравственно-политических, идеологических последствий выбираемых решений, неумение или нежелание некоторых руководителей серьезно задумываться об их полезности и вредности оборачиваются непоправимым ущербом всему обществу.

Аксиологический подход к анализу деятельности в ситуации риска реализуется, в частности, при рассмотрении проблемы соотношения индивидуальных, групповых, коллективных и общественных интересов. На любом этапе развития социалистического общества, и особенно в условиях кардинальных его преобразований, между этими видами интересов существуют определенные различия и противоречия. Они имеют объективную и субъективную основу и проявляются во взаимоотношениях людей, коллективов, учреждений, организаций. Поэтому оценка управленческих, хозяйственных, политических решений, принимаемых в ситуации риска, должна учитывать характер соотношения территориальных и отраслевых, ведомственных и государственных, индивидуальных и коллективных, коллективных и общественных, групповых и народнохозяйственных интересов. Если субъект, принимающий решения, должным образом учитывает соотношения различных видов интересов, если ведомственный интерес имитируется общенародным, коллективный превращается в корпоративный, а личный — в частный, то это усиливает хаотичность общественного развития, стихийность социальных процессов, создает объективную основу для возрастания риска непредвиденных экономических, нравственных, психологических, идеологических последствий. В этом одна из причин того, что проблема изучения различных видов интересов, поиска эффективного механизма устранения противоречий между ними приобрела ныне особую актуальность.

Один из аспектов этой проблемы связан с рассмотрением взаимосвязи группового и общественного интересов. По критерию соотношения этих видов интересов групповые интересы можно разделить на несколько основных типов<sup>38</sup>. У коллектива первого типа групповой интерес по своей социальной направленности совпадает с общественным или близок к нему. Для такого коллектива решение задач управления в их нормативной народнохозяйственной постановке первично. Практика показывает, что добиваться такой целевой установки у коллектива в современных условиях хозяйствования и управления достаточно сложно. К числу экономических мер, способствующих формированию данной установки, относится внедрение полного хозяйственного расчета, развитие самостоятельности, расширение бригадного, арендного, семейного и других видов подрядов. Согласованность интересов коллектива первого типа с общественными создает реальные условия для минимизации риска негативных последствий в процессе осуществляемой деятельности.

У коллектива второго типа групповой интерес может значительно отклоняться от общественного, в связи с тем что первичным в их деятельности является стремление выполнять и перевыполнять плановые задания по оценочным показателям. Такая целевая установка часто

приводит к тому, что коллективы идут на нарушение установленных ограничений.

Отклонения группового интереса от общественного у коллективов третьего типа могут происходить на основе того, что они не только нарушают ограничения в постановке и реализации управленческих задач, но и идут на подмену целевой функции и критериев решаемой задачи. Если коллективы второго типа добиваются удовлетворения групповых интересов через максимизацию оценочных показателей, то коллективы третьего типа ради этого идут на снижение оценочных показателей. Целеустремленность этих коллективов, направленная на удовлетворение своих личных или групповых интересов, как правило, далека от руслу общественных интересов. Такая ситуация обладает реальными возможностями для превращения группового интереса, например, в корпоративный, что создает предпосылки для увеличения риска негативных последствий в деятельности коллективов данного типа.

Несовпадение коллективных и других видов интересов с общественными, преобладание групповых, ведомственных, местных интересов над государственными, частичных устремлений над общими усиливает вероятность возникновения экономического, социального ущерба, что в целом наносит вред общественному развитию. Примеров тому множество. Вот один из них. Для выполнения установленных Министерством путей сообщения норм простоя вагонов в мелких цехах „Союзторчермета” с грузооборотом до 5 вагонов, где организовано круглосуточное дежурство рабочих для погрузки или выгрузки (а вдруг вагоны будут поданы), требуется дополнительно 12 миллионов рублей фонда заработной платы с экономией при этом около 800 тысяч рублей от сокращения простоя вагонов<sup>39</sup>. Однако довольно часто сэкономленные таким образом вагоно-часы потом превращаются в простои вагонов, но уже „у себя”, на станциях примыкания. Решать этот вопрос с точки зрения экономии народнохозяйственных затрат МПС не согласно. Ему с ведомственных позиций видны только 800 тысяч рублей, а 12 миллионов никоим образом не сказываются на эффективности работы министерства.

Согласование личных интересов с коллективными, коллективных с общественными — одно из главных направлений пробуждения инициативы и общественной активности широких слоев трудящихся, важнейший резерв эффективного развития социально-экономической жизни социалистического общества и снижения уровня риска негативных последствий, которые могут проявиться в результате реализации альтернатив, выбранных в ситуации риска.

Перспективной формой, позволяющей в той или иной степени снижать уровень такого риска, добиваться народнохозяйственной экономической и социальной выгоды, преодолевать несогласованность действий различных ведомств, обеспечивать приоритет общегосударственного интереса в экономической деятельности, является применение программно-целевого метода планирования и управления.

Один из возможных вариантов его использования связан с тем, что на основе методики построения „дерева целей” создается соответствующая программа развития предприятия, организации. Например, вершина „дерева” может быть представлена показателями комплексного плана экономического и социального развития коллектива. К ней ведут „ветви” —

основные разделы плана: развитие производства, науки, реконструкция, техническое перевооружение, повышение качества продукции, снабжение и экономия ресурсов, социальное развитие, совершенствование организации управления. По каждому из разделов определяются соответствующие показатели на тот или иной период по организации в целом и отдельным ее подразделениям<sup>40</sup>. Программно-целевой метод планирования деятельности на основе методики построения „дерева целей” помогает увязывать творческие усилия конкретного работника с устремлениями всего коллектива, оптимизировать процесс принятия управленческих решений в условиях неопределенности и ситуации риска.

Одной из новых форм, соединяющих региональные и отраслевые интересы путем совершенствования методов изучения и прогнозирования спроса на товары народного потребления и структуры управления предприятиями отраслей, производящих эти товары, является региональная система формирования потребностей и спроса на товары народного потребления, а также входящая в нее региональная комплексная система изучения и прогнозирования спроса<sup>41</sup>. Важной предпосылкой ее формирования служит непрерывное получение информации, помогающей принимать в условиях неопределенности и ситуации риска обоснованные управленческие решения по вопросам планирования объемов и ассортиментной структуры производства товаров народного потребления, розничного товарооборота и т. д. При этом прогнозирование спроса должно быть составной частью процесса управления производством и реализации товаров. Эффективная работа служб изучения и прогнозирования спроса может быть достигнута в рамках единой системы – регионального центра изучения конъюнктуры и спроса. Деятельность такого центра увязывается с основными хозяйственными функциями организаций и предприятий торговли и промышленности и построена на хозрасчетной основе. Предприятия отраслей, производящих товары народного потребления, объединяются в отраслевые территориально-производственные комплексы. Их функционирование позволяет оптимизировать сочетание отраслевых и региональных интересов в обеспечении сбалансированности рынка товаров народного потребления, снизить уровень риска негативных последствий, возникающего вследствие дефицита товаров, несбалансированности их выпуска, низкого качества товаров широкого потребления и т. д.

Результатом практического применения программно-целевого метода, обеспечивающего соединение различных видов интересов, снижение уровня неопределенности научно-технического развития, повышение обоснованности принимаемых в ситуации риска решений, являются территориально-отраслевые программы интенсификации производства на основе комплексной автоматизации, внедрения робототехники, гибких производственных систем, роторных и роторно-конвейерных линий. Одна из таких программ, носящая название „Интенсификация-90”, разработана и осуществляется в Ленинграде. Она начиналась с того, что в Ленинградском обкоме КПСС, советских городских и областных органах изучили подготовленные – в рамках общесоюзных программ – проекты развития города. Предусматривались широкое техническое перевооружение, реконструкция и модернизация производств, внедрение современной техники, позволяющие обеспечить повышение качества продукции, производительности труда. Однако при этом главным образом учитывались интересы определенной отрасли,



мало внимания обращалось на техническую оснащенность, условия труда на предприятиях других отраслей. В рамках города это могло создать предпосылки для неоправданной текучести кадров, других негативных последствий. Анализ складывающейся ситуации показал, что преодоление ведомственного подхода к решению экономических и социальных задач возможно через внедрение мер, позволяющих соединять региональные, отраслевые и общегосударственные интересы. По этому пути и пошли в Ленинграде. К анализу положения и выработке дополнительных мероприятий были привлечены ученые Ленинградского научного центра Академии наук СССР, специалисты 336 предприятий и организаций города, 99 министерств и ведомств. В результате в дополнение к отраслевым перспективам технического перевооружения предприятий родилась встречная комплексная территориально-отраслевая программа „Интенсификация-90”. Основные цели этой программы – ускорение в двенадцатой пятилетке научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства на основе широкого применения вычислительной техники, повышение производительности труда, существенное сокращение численности промышленно-производственного персонала в отраслях материального производства и обеспечение рабочей силой всех отраслей инфраструктуры за счет внутреннего перераспределения работников в регионе, резкое сокращение доли тяжелого труда, повышение престижности инженерно-технического труда, а также ряда рабочих профессий в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и в сфере обслуживания. Программа обеспечивает лучшую сбалансированность планов и заданий союзных, союзно-республиканских и местных отраслей народного хозяйства с региональными ресурсами. Ее реализация в двенадцатой пятилетке позволила создать несколько крупных автоматизированных производств, более 400 автоматизированных цехов, участков и линий, свыше 5000 единиц робототехнического оборудования, свыше 800 автоматизированных систем управления производством, технологическими процессами, проектированием и научными исследованиями<sup>42</sup>.

Общее руководство работой по реализации программы „Интенсификация-90” возложено на Совет экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса при Ленинградском обкоме КПСС. Научно-координационный центр этого совета вел работу по научному обеспечению программы. Исходя из того что с каждым новым научно-техническим изобретением возрастает возможность новых комбинаций, последствия которых часто трудно предсказуемы, координационный центр стремился снизить уровень непредсказуемости последствий научно-технического прогресса, то есть уменьшить неопределенность и возможные негативные последствия риска. Такой подход себя оправдывает, ибо на исправление просчетов, особенно широкомасштабных, приходится тратить значительно больше средств, чем на полное изучение сути явлений и прогнозирование последствий. В этих целях совет организовывал и проводил экспертные оценки представленных материалов, искал наиболее эффективные варианты тех или иных научно-технических направлений как фундаментальных поисковых, так и отраслевых научных разработок. Научно-координационный центр уточнял сроки проведения разработок, возможности их реализации, обеспечивал единство технической политики в регионе, взаимодействие научных, проектных, конструкторских и произ-

водственных коллективов города и области, представлял свои рекомендации в президиум совета и обком партии.

Главные особенности программы „Интенсификация-90” состоят в ее направленности на комплексное использование внутренних резервов производства, получение экономического и социального эффекта не только в регионе, но и в народном хозяйстве страны, обеспечение оптимального сочетания отраслевого и территориального управления хозяйством. Вместе с тем комплексные целевые программы требуют совершенствования, поскольку их выполнение зачастую тормозится на стыке отраслей. Новшеству здесь пробиться особенно трудно, но необходимо, поскольку в преодолении отраслевых барьеров и кроются самые крупные резервы. Эффективнее использовать эту „ничейную полосу” помогает новая форма интеграции науки, техники и производства – межведомственные научно-технические комплексы (МНТК). Они призваны, подчеркивалось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР „О создании межведомственных научно-технических комплексов и мерах по обеспечению их деятельности”, сократить процесс от разработки идеи до ее широкого применения, обеспечить резкое ускорение на магистральных путях научно-технического прогресса.

Итак, с точки зрения *количественной* оценки (критерием является количественная мера учтенной неопределенности) риск предстает в нескольких видах – от минимального до максимального. Использование *интегративного* подхода, включающего в себя совместный количественный, качественный и аксиологический анализ рискованной деятельности (критерием является обоснованность выбора, учет качественных характеристик вероятности), позволяет выделить риск обоснованный (рациональный) и необоснованный (нерациональный).

Как же соотносятся между собой виды риска, выделяемые на основе чисто количественного и интегративного подходов? Уже говорилось о том, что часто приходится сталкиваться с мнением, согласно которому наилучшими являются решения с минимальным риском. Такой взгляд правомерен, если риск оценивается только количественно и при этом отождествляется лишь с возможной опасностью, неудачей. Однако если применительно к ситуациям социального характера отказать от односторонней трактовки риска, то можно убедиться в том, что реальная жизнь полна ситуациями, когда рациональным может быть решение с любой степенью риска – от минимальной до максимальной. Так, действия пожарных на четвертом реакторе Чернобыльской АЭС происходили в условиях максимального для их здоровья риска. Тем не менее они были обоснованными. С другой стороны, если, например, принимаются решения, связанные с внедрением новых технологий, то они должны исходить из принципа минимального риска для здоровья и жизни людей, минимизации опасных последствий при условии достижения нужной цели.

Таким образом, чисто количественная и интегративная оценки предполагаемых результатов риска и его степени не всегда совпадают. Практика показывает, что постоянная ориентация в управленческой, социально-экономической, политической деятельности на минимальный риск обычно приводит к значительным издержкам, расточительному расходованию материальных, финансовых, трудовых и других ресурсов и, что самое главное, к замедлению темпов социального и научно-технического развития пред-

приятия, региона, страны. Сегодня все чаще не только от теоретиков, но и от практических работников можно услышать, что риск является одним из важнейших элементов хозяйствования и управления. Генеральный директор Ивановского станкостроительного производственного объединения имени 50-летия СССР Герой Социалистического Труда В. П. Кабаидзе в одном из своих интервью обращал внимание на то, что „успех при работе в новых условиях будет определяться во многом и таким качеством, как склонность к риску. Его следует не подавлять, а всемерно поощрять“<sup>43</sup>. Заведующий отделом теоретических проблем управления народным хозяйством Института экономики АН СССР доктор экономических наук Б. Мильнер справедливо говорил о том, что, „если мы не хотим погрязнуть в серости, пороках, извращениях социализма, нужны новаторство, подвижничество, риск“<sup>44</sup>. *Теоретически* многие руководители стремятся к принятию решений с обоснованным риском. Например, данные упоминавшегося опроса на тему „Риск и его роль в практической управленческой деятельности“ показывают, что 33 человека (73,3% из принявших участие в этом опросе) считают целесообразным выбирать альтернативы с рациональным риском.

Однако в силу различных объективных и субъективных причин, вытекающих из особенностей экономического и политического развития, и прежде всего хозяйственного механизма, представляющего собой своеобразный симбиоз старых и новых форм, на практике в настоящее время распространена хозяйственная, управленческая деятельность, ориентированная либо на минимальный риск, либо на то, чтобы избежать риска вообще. Из опроса, проведенного автором, явствует, что в реальных ситуациях руководители ориентируются следующим образом: 10 человек (22,2%) — на решения, исключающие риск; 13 (28,8%) — на решения, содержащие минимальный риск.

На риск чаще всего идут тогда, когда этого требуют внешние обстоятельства. Такую деятельность иногда называют пассивной деятельностью с элементами риска<sup>45</sup>. В этом случае на риск идут не в расчете получить большую прибыль, а для того, чтобы избежать потерь. Боязнь возможных потерь, связанных с принятием рискованных решений (и, как правило, обязательным наказанием за это), десятилетиями выработанная привычка не проявлять несанкционированных инициатив сегодня у многих руководителей настолько велики, что из множества альтернатив предпочтение отдается проверенным прошлым опытом вариантам. Это часто ведет к осознанному или неосознанному отказу от более динамичного развития, выбору более медленного, но и более надежного пути. Такая позиция, как „лучше пусть я мало выиграю, но зато и немного проиграю“, отражает негибкую и неделовую хозяйственную политику.

Наряду с управлением общественными процессами, предполагающим отказ от риска или выбор решений с минимальным риском, в реальной управленческой практике встречаются и решения, содержащие максимальный риск. Эту разновидность можно назвать азартным или авантюрным риском. В определенных, как правило экстремальных, ситуациях такие решения могут быть оправданными. Однако в большинстве случаев ориентация на максимальный риск связана с волонтаризмом и субъективизмом в деятельности по управлению общественными процессами. Этими терминами обычно характеризуются социально-экономическая и социально-

политическая практика, которая не считается с законами исторического процесса, связана с забеганием вперед, игнорированием объективных условий, реальных возможностей, принятием произвольных технократических решений, абсолютизацией тех или иных сторон, черт, свойств объекта, по отношению к которому осуществляется выбор альтернативы.

Таким образом, ориентация в управленческой, хозяйственной деятельности, связанной с учетом интересов, потребностей людей, коллективов, социальных групп и воздействием на них, на минимальный или максимальный риск в большинстве конкретных ситуаций не целесообразна. Подобная ориентация тормозит общественный прогресс, не позволяет быстро и эффективно решать задачи, обеспечивающие ускоренное развитие социально-экономической жизни страны и научно-технического прогресса.

В основе социальной деятельности, осуществляемой в условиях неопределенности и направленной на быстрое продвижение вперед, качественное преобразование общественных структур, должен лежать риск рациональный (обоснованный).

Феномен рационального риска представляет собой часть более общей проблемы, терминологически фиксируемой как „рациональная человеческая деятельность”. Элементом такой деятельности является принятие решений. Естествен вопрос: „Какая из выбранных в ситуации риска альтернатив (решение, действие, поступок и т. д.) будет с рациональным риском?” Ответ на него требует прежде всего выявления содержания понятия „рациональное” и выяснения того, в каком значении оно может быть использовано применительно к понятию „риск”.

На этом пути существует немало трудностей, ибо рациональное всегда относительно и конкретно-исторично. Например, изменение условий функционирования процесса или объекта может привести к выявлению в них нерациональных черт. Совершенствование рациональной деятельности может означать, в частности, преодоление присущих ей элементов нерационального. Формы рациональности, переставшие соответствовать новым историческим условиям, утрачивают свою рациональность, подвергаются отрицанию. Связь между такими противоположностями, как рациональное и нерациональное, диалектична. Рациональное и нерациональное объективны и не существуют вне человеческой деятельности. Понятия „рациональное” и „нерациональное” меняются также в зависимости от конкретных форм деятельности; они различны в разных системах. Так, рациональность в процессе познания отличается от рациональности в медицине, понятие рациональности в социальной сфере не совпадает с представлением о рациональности в естествознании, к системе здравоохранения неприменимы критерии, являющиеся рациональными в системе управления транспортом.

Объективно существующие трудности в определении категории „рациональное”, ее многозначность обуславливают наличие в марксистской литературе различных подходов к выявлению сущности этого понятия и определению сфер действительности, к которым оно приложимо. Например, понятие „рациональное” используется для описания тех или иных состояний общественного сознания, анализа философского содержания бытия и мышления, теоретического познания, человеческой деятельности в целом. Одни авторы понимают рациональное как метод познания действительности, который основывается на разуме, другие — как некую структуру,

имеющую внутренние законы и закономерности, третьи – как атрибутивное свойство цивилизации, того или иного общественного строя. Встречается и термин „субъективная рациональность”, трактуемый как рациональность, в которой исходным пунктом оценки является не объективная задача, сформулированная тем или иным субъектом, а субъективное представление об этой задаче. В соответствии с этим рациональным будет выбор, который максимизирует целевую функцию решающего на множестве альтернатив, закодированных в представлении о задаче с риском<sup>46</sup>.

Дискуссионным является и вопрос о формах рациональности. О ней говорят в отношении к научному познанию, искусству, морали, мифу, труду, религии и т. д.

Применительно к проблеме социального риска содержание понятия „рациональное” может рассматриваться как свойство человеческой деятельности, основывающейся на познании общественных и природных законов и закономерностей. Атрибуты такой деятельности – целесообразность и целеполагание. Рациональным является действие (решение, выбор), адекватно использующее знание объективного состояния дел, условий, в которых должно происходить действие, основных, главных свойств, закономерностей явления, процесса, по отношению к которым осуществляется выбор. Решение (действие, выбор) не может быть рациональным без нахождения соответствующих обстановке конструктивных, социально-полезных целей, методов и средств их реализации, без учета психологических и социально-психологических особенностей субъекта, делающего и реализующего выбор. При решении вероятностных задач, когда существуют неопределенность и случайные переменные с известными вероятностями распределения, субъект „вторгается” в зону риска. И здесь вступают в силу закономерности осуществления рискованной деятельности, которая в одних случаях может быть рациональной, а в других – нерациональной.

Таким образом, обоснованный риск является составной частью рациональной человеческой деятельности в условиях неопределенности. Интегративная оценка риска, как отмечалось ранее, связана с выявлением степени обоснованности решения (действия, выбора и т. д.), принятого в ситуации риска. Это позволяет сформулировать вывод о том, что рациональным будет риск, содержащийся в выбранном в условиях неопределенности оптимальном решении (действии, поступке). Поскольку содержание рационального (обоснованного) риска раскрывается через оптимальность, то целесообразно выяснить, какое социальное решение будет оптимальным.

Содержание оптимального варианта решения составляет совокупность и взаимодействие элементов, являющихся общими при поиске оптимального действия в любых ситуациях и обстоятельствах, присущих лишь процессу решения задач вероятностного характера в условиях неопределенности. К их числу относятся следующие.

Во-первых, оптимальным в ситуации риска будет решение, которое обеспечивает для данных условий достижение нужного результата при минимальных затратах. На эту сторону в процессе поиска оптимальных альтернативных вариантов применительно к различным сферам общественной жизни обращалось внимание на многих партийных форумах. Например, в материалах XXVII съезда КПСС отмечалось, что ускорение социально-

экономического развития предполагает обязательный перевод всех отраслей на оптимальные рельсы хозяйствования, повышение эффективности на всех участках работы, достижение при наименьших затратах более высоких рубежей<sup>47</sup>.

Однако на пути широкого распространения в практической экономической жизни принципа достижения максимума общей результативности при минимуме затрат для данных условий существуют препоны. Затруднения реализации одного из основных принципов оптимальности обусловлены имеющим место сосуществованием старого и нового хозяйственного механизма, „поклонением” стоимостным показателям, продолжающейся на разных уровнях планирования и управления „гонкой за валом”. Все это снижает заинтересованность предприятий, организаций в уменьшении затрат.

В массовом сознании, да и во многих научных работах, доминируют представления о том, что принцип „минимизации затрат” применим лишь к сфере экономики. Вместе с тем принцип оптимальности безусловно применим к процессу воспитания и образования, духовной, политической и другим видам деятельности. Примеры такого подхода мы находим в теоретическом наследии В. И. Ленина. Рассуждая об оптимальности революционной борьбы, он говорил о необходимости „способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты”<sup>48</sup>.

Во-вторых, оптимальность выбираемого решения зависит от времени, затрачиваемого на выбор данного варианта. Такая потребность возникает в связи с существованием в каждый конкретный момент объективно необходимого времени, которое уже нельзя сократить при выборе рискованного решения (действия). Иначе возникает угроза появления ошибок из-за недостаточности информации. Если нехватка времени порождает поспешность, принятие необоснованных решений, то значительное увеличение времени, затрачиваемого на выбор варианта, требует дополнительных затрат, ведет к замедлению темпов общественного развития, внедрения новой техники и т. д. Таким образом, процесс выбора вариантов в ситуации риска обусловлен возможными потерями, связанными с преждевременным принятием решения (риск принятия решения), например, из-за неполноты информации об объекте, и потерями, возникающими в связи с задержкой решения (риск непринятия решения). Эти два вида ожидаемых потерь требуют сравнения. В пределах вероятных потерь, возможных в результате преждевременного или запоздалого принятия решения, и лежит оптимальный временной интервал, который рассчитывается с помощью специальных количественных и качественных методов и обеспечивает социально-экономическую эффективность при минимуме потерь, которые могут наступить.

В условиях кардинальных преобразований системы управления социальными процессами, планирования экономики, хозяйственного механизма особую роль приобретают выработка стимулов, поощряющих экономию времени, разработка и внедрение в практику материальных, правовых и моральных санкций к руководителям, трудовым коллективам, упускающим время, не использующим имеющихся возможностей для выбора оптимального решения (действия). Это понятно, ибо время, как писал К. Маркс, мерило общественного богатства.

В-третьих, поскольку в конкретных производственных отношениях, в политической, духовной и других сферах общественной жизни существуют различные интересы, наличие которых обусловлено отношениями собственности, различиями в содержании и характере трудовой деятельности, неодинаковым экономическим, социально-политическим положением различных групп, то процесс принятия решений включает в себя и такой элемент, как *учет особенностей интересов субъектов*, участвующих в выработке, выборе и реализации решения (плана действия).

Оптимальным с этих позиций является вариант, позволяющий обеспечивать синхронность интересов индивидов, групп, коллективов, социальных организаций, рационально согласовывать личные, коллективные, групповые, организационные интересы с общественными; вариант, учитывающий экономические, социально-политические, идеологические, нравственные и другие последствия осуществляемого решения, его воздействии на интересы субъектов социального действия в различные моменты будущего. Важно при этом умение соединить общенародный интерес с интересами новаторов, первопроходцев, „прорабов” перестройки.

Обеспечить эффективное соединение различных видов интересов с общенародным – одна из сложнейших проблем, над решением которой уже многие десятилетия бьется социалистическая теоретическая мысль и общественная практика. Но лишь последние годы все меньшее сопротивление вызывает очевидный вывод – без учета интересов, без воздействия на интересы, управления ими и через них невозможны качественные преобразования общественной жизни.

Практика показывает, что на протяжении длительного времени общенародные интересы часто подменялись ведомственными, местническими, а коллективные, групповые, личные интересы отождвнялись на второй план и не получали эффективных демократических, экономических, социально-политических форм и условий реализации. Нередко происходило преувеличение или преуменьшение личной, коллективной и общегосударственной значимости того или иного интереса.

Современная общественная ситуация создает более благоприятные условия для гармонизации многообразных интересов общества, которые при развитии хозяйственного расчета, самостоятельности низовых производственных звеньев, экономических методов управления и планирования приобретают более четко выраженную количественную и качественную определенность. Но такая оптимистическая позиция обязана учитывать и существующие здесь трудности – объективно управлять интересами и через интересы несравненно сложнее, чем опираться в условиях сохраняющихся ныне командно-административных методов управления на беспрекословное подчинение силе приказа, инструкции. Противоречивость сложившейся ситуации требует разработки и внедрения в практику управления методик, обеспечивающих выбор в ситуации риска альтернатив, которые гармонизируют интересы субъектов, чьи действия связаны с данным решением.

В-четвертых, определение оптимальности альтернативы, выбираемой в условиях неопределенности, предусматривает выявление вероятности ее воздействия на решения, которые будут приняты в ближайшем и более отдаленном будущем. Указанный аспект применительно к теории принятия решений используется преимущественно в динамических задачах, содержа-

щих риск. „Решающий, который выбирает какой-то вариант деятельности на данном этапе, не принимая во внимание отдаленных последствий своего выбора, во многих случаях принимает ошибочные решения”<sup>49</sup>.

На теоретическом уровне такая постановка вопроса у большинства участников процесса принятия решений не вызывает возражений. Однако практика обильна ситуациями, когда при выборе альтернативы не учитывается экономическая, экологическая, социально-политическая обстановка, которая сложится в результате ее реализации. Один из таких примеров приводится в статье „Журавль в небе”<sup>50</sup>, рассказывающей, как в конце 70-х годов по инициативе первого секретаря обкома партии увеличение объемов производства зерна в Актюбинской области стало осуществляться путем интенсивного расширения площадей. В начале 80-х годов, получив звание Героя Социалистического Труда, секретарь ушел на пенсию, предложив другим искать выход из сложившегося к этому времени в области экономического тупика. Пренебрежение агрономическими законами обернулось резким снижением плодородия земли, засорением полей, засолением земель, недобором зерна, резким повышением его себестоимости, угрозой падения темпов развития животноводства и т. д. План действий, принесший на первых порах успех — количество производимого зерна вначале возросло, с перспективной точки зрения оказался неоптимальным, отражающим достаточно распространенную на практике позицию — „план любыми средствами”. Рациональная же программа действий основывается на оптимизации последовательности решений и создании возможности для получения, не просто сиюминутной, а совокупной экономической и социальной выгоды.

И наконец, в-пятых, альтернатива, выбираемая в ситуации риска, должна оцениваться с позиций вероятности достижения предполагаемого результата и возможного отклонения от поставленной цели в данных конкретных условиях. Оптимальным с этой точки зрения будет решение, которое совместно с указанными выше условиями предполагает обоснованную (с позиций интегративного подхода) оценку вероятности риска. Современная практика принятия решений не может похвастаться тем, что такой подход стал распространенным, хотя призывы к этому можно найти в ряде работ В. И. Ленина, относящихся к 1919 — 1920 годам, в которых он сопоставлял риск, содержащийся в различных вариантах, и учитывал риск от непринятия в данный момент нужных решений. Оценивая роль и значение концессий в трудное для Советской Республики время, В. И. Ленин подчеркивал: „Концессии, это — известный риск; концессии, это — убыток; концессии, это — продолжение войны. Это — несомненно, но эта война нам выгоднее. Когда известный минимум средств производства, паровозов и машин мы получим, тогда мы экономически не будем тем, чем были до сих пор, и тогда империалистические страны будут еще менее нам опасны”<sup>51</sup>.

Рассуждая об одном из способов получения для военной работы сразу большого числа специалистов, Ленин считал возможным „идти на такой риск, чтобы многие из сильно сокращаемых учреждений (или отделов учреждений) оставлять на время *без единого коммуниста*, сдавать их на руки работников исключительно буржуазных”<sup>52</sup>. Оценивая степень такого риска, В. И. Ленин отмечал, что „этот риск невелик, ибо речь идет только об учреждениях, не безусловно необходимых, ущерб от ослабления их



(наполовину приостановленной) деятельности будет, но он будет невелик, он нас ни в коем случае не погубит. А недостаток энергии для усиления военной работы... нас погубить может"<sup>53</sup>.

Таким образом, альтернатива с рациональным риском представляет собой вариант, выбранный в оптимальные временные сроки, предполагающий обоснованную вероятность достижения цели при минимальных затратах в конкретных условиях и вероятность его воздействия на решения, которые будут приняты в будущем, обеспечивающий гармоническое сочетание интересов субъектов, участвующих в выработке, выборе и реализации данного решения (действия), с общественными интересами.

Идея целесообразности внедрения в реальную управленческую, хозяйственную жизнь решений с рациональным риском разделяется не только теоретиками, но и практическими работниками. Об этом свидетельствуют и ранее приводимые примеры. В данном случае хотелось бы сослаться на слова директора НИИтяжмаша производственного объединения „Уралмаш” Г. Башилова: „Вовсе не хочу представить нашу работу в розовом свете, оправдать любой риск. У нас есть недостатки, мы еще далеки от рубежей, указанных машиностроителям XXVII съездом КПСС. Для их завоевания нужен опять же разумный, обоснованный риск. А на него идут не все наши сотрудники"<sup>54</sup>.

Если выбор не отвечает вышеизложенным требованиям, если он лишен достаточных оснований, в той или иной мере противоречит объективным тенденциям развития общественных процессов, то он превращается в необоснованный риск, часто связанный с авантюрой. Последняя, как разновидность степени риска, нередко встречается в реальной жизни, преимущественно в политической, экономической, военной, финансовой сферах деятельности. Под авантюрой обычно понимается рискованное, сомнительное предприятие, дело, начатое без учета реальных сил, условий, возможностей, в расчете на случайный успех и в большинстве случаев обреченное на провал<sup>55</sup>. При авантюризме рациональность, оптимальность выбора равны или почти равны нулю, то есть вероятность достижения предполагаемого результата минимальна или вообще невозможна. Эта форма риска объективно содержит значительную вероятность невозможности осуществления задуманной цели, хотя субъект, принимающий решение, этого может и не осознавать. Риск неудачи, отклонения от предполагаемой цели при этом настолько велик, что предпринятое дело, начинание практически не имеет шансов на успех.

Итак, один из возможных и основных способов оценки риска в ситуациях социального характера, в процессе выбора в условиях неопределенности экономических, политических и других решений, затрагивающих индивидуальные, коллективные, общественные интересы, основывается на интегративном подходе, позволяющем выявлять не только количественные, но и качественные аспекты социальной эффективности. Выработка общих требований к оптимизации рискованной деятельности носит отвлеченный характер, если обоснование сущности рационального риска не включает в себя специфику действий конкретного субъекта. Поэтому дальнейшее рассмотрение концепции обоснованного риска предусматривает целесообразность анализа особенностей и своеобразия деятельности конкретных субъектов социального действия в ситуации риска.

### §3. Особенности деятельности субъектов в ситуации риска

Изучение смысла и содержания социального риска, его роли в общественной жизни предполагает выявление специфики деятельности субъектов в ситуации риска. Эта проблема исследуется с разных позиций и точек зрения. Не претендуя на исчерпывающую полноту ее рассмотрения, выделим три аспекта, суть которых можно зафиксировать в форме вопросов:

– каковы особенности риска в зависимости от *конкретного субъекта*, осуществляющего рискованную деятельность?

– в чем и как проявляется своеобразие риска в зависимости от *сферы*, в которой *реализуются* действия субъекта?

– как социальные, психологические и социально-психологические факторы влияют на *выбор* конкретным субъектом рискованных альтернатив?

Ответ на первый вопрос целесообразно начать с выяснения содержания категории „субъект социального действия”. В советской философской литературе встречаются разные подходы к пониманию термина „субъект”<sup>56</sup>. Одни философы относят понятие „субъект” только к человеку, находя у животных „зачатки” субъективности, другие распространяют сферу действия этого понятия на биологическую активность, третьи говорят о „субъекте” применительно не только к человеку, но и к созданным им и употребляемым орудиям труда.

Мы будем исходить из представления о субъекте как носителе предметно-практической деятельности и познания, источнике активности, направленной на объект<sup>57</sup>. Из такого понимания категории „субъект” *применительно к рассматриваемой проблеме* можно выделить следующие основные разновидности субъектов социального действия:

1. *Индивид* – в той мере, в какой он является носителем определенных социальных, психологических и социально-психологических качеств и свойств.

2. *Группа* – представляет собой относительно немногочисленную общность людей, находящихся в личном общении и взаимодействии.

3. *Коллектив* – социальная общность, объединяющая людей, осуществляющих совместную деятельность, занятых решением конкретной общественной задачи. В соответствии с видом деятельности различают производственные, трудовые, научные, учебные, военные, спортивные, бытовые и другие коллективы.

4. *Социальная группа* – относительно устойчивая совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности, – классы, социальные слои, этнические общности, возрастные группы и т. д.

5. *Общество*.

6. *Человеческая цивилизация* (человечество) как реальная целостность.

В последние годы общественные науки уделяют значительное внимание категории „интерес” как причине действий, свершений, стоящей за непосредственными побуждениями участвующих в этих действиях индивидов, групп, коллективов и других видов общностей. Исследования, проведенные в этой области, позволяют расширить понятие „субъект”, дополнив его элементом *социальной организации*, которая представляет

собой институционализированные объединения различных типов (партия, предприятие, учреждение, общественная организация, „неформальное” объединение и т. д.), реализующие определенную программу или цель на основе совместных и координированных действий.

Специфика отношения социальных субъектов к деятельности с элементами риска детерминруется рядом обстоятельств. Одно из них сопряжено с принадлежностью такого субъекта к *различным иерархическим уровням системы управления и руководства* общественными процессами. Так, предпосылки для неодинакового поведения членов руководящего коллектива и исполнителей, в частности, создаются тем, что первые принимают решения, определяющие цели подсистемы исполнителей, составляют программу развития необходимых управленческих механизмов для регулирования их деятельности. Кроме того, руководящий коллектив может являться организатором, стимулятором исполнителей в реализации соответствующих программ. На отношении к принятию решений с той или иной степенью риска оказывают влияние различия в социальном статусе — у руководящего коллектива он, как правило, выше, чем у исполнителей. Это дает ему определенные экономические, административные, психологические и нравственные преимущества. Если руководящий коллектив, будь то министерство, главк, исполком или партийный комитет, строит свою деятельность на принципах администрирования, то это ограничивает инициативу исполнителей, их возможности принимать решения с риском. В этой ситуации исполнитель должен выполнять приказ и инициатива может быть проявлена лишь в лучшей реализации установок „сверху”. Введение в хозяйственную практику Закона о государственном предприятии (объединении), развитие самостоятельности, внедрение хозрасчета вносят принципиально новые моменты во взаимоотношения коллективов-руководителей и коллективов-исполнителей. Об этом, в частности, свидетельствуют публикации, в которых рассказывается о том, что тот или иной завод, предприятие, объединение отказывается от навязываемых „сверху” волевыми методами необоснованных министерских планов<sup>58</sup>.

Ограничения в возможности собственной инициативы на нижестоящих уровнях управления, как правило, приводят к различным негативным последствиям. Если взять, например, проблему ускорения научно-технического прогресса, осуществление которой всегда сопряжено с риском, то ясно, что при отсутствии заинтересованности низовых научных и производственных коллективов эту проблему одними централизованными мерами не решить. Отдельные новинки можно внедрять сверху, используя административные рычаги или разовые материальные стимулы. Но такие единичные акты не могут сформировать общественную ситуацию, в которой трудовые коллективы сами, без подталкивания извне, постоянно искали бы эффективные пути внедрения новой техники и технологии, идя для этого на обоснованный риск.

Особое значение в условиях перестройки приобретает проблема риска применительно к такому субъекту социально-политической жизни, как *партия*. Хотелось бы отметить, что если в хозяйственную и управленческую практику идея обоснованного и правомерного риска, хотя и с большими трудностями, „пробивает себе дорогу”, то теоретическая и особенно практическая постановка вопроса о целесообразности учета риска в деятельности партийных комитетов и организаций, за редким исключением (ис-

ходя из опыта общения автора с партийными работниками), вызывает сомнение, недоверие, усмешки и даже полное неприятие, поскольку воспринимается как нечто нарушающее традиционные каноны в понимании роли и места партии в структуре современной общественной жизни. Такие рудименты прошлых веяний наносят ущерб результативности и снижают эффективность деятельности партийных комитетов и организаций. Новые условия и задачи требуют отказа от отслужившего багажа старых идей, которые долгое время считались неизблемыми. Не только целесообразность, но, на наш взгляд, и необходимость пристального изучения специфики риска применительно к партийно-политической, идеологической работе — важная задача как социологов, психологов, историков, философов, так и ученых, профессионально занимающихся вопросами партийного строительства, а также практических партийных работников.

Наметим лишь некоторые моменты, касающиеся этой новой для советской обществоведческой литературы проблемы. Один из них сопряжен с анализом взаимосвязи исползуемых партийными комитетами методов работы и риска. Недостаточное развитие принципа коллективности руководства, критики и самокритики, неумение работать в условиях развертывающейся демократии, медленное освоение новых методов управления экономикой и решения социальных задач, тяготение к привычным технократическим и командно-административным подходам в деятельности партийных органов объективно создают почву для принятия решений с необоснованным риском, являются почти непреодолимым барьером на пути проникновения идеи рационального риска в практику партийной работы. Убежденность в том, что партийное руководство — некий „указующий перст“, беспепелляционные указания сверху вниз, ориентация на приказ и „силовое“ давление ставят преграду самостоятельности мышления и действий людей, трудовых коллективов, экспериментам и риску даже во имя результативной работы, суживают зону инициативы, снижают предприимчивость и ответственность трудовых коллективов и их руководителей. Такие „перекосы“ часто объясняются опытом прежней деятельности или гипертрофированными волевыми качествами того или иного партийного работника. Однако это лежащее на поверхности суждение мало что объясняет. Преобладание администрирования со стороны партийных комитетов связано прежде всего с несовершенством хозяйственного механизма (старый еще действует, а новый только формируется), а также с сосуществованием в системе управления экономикой *централизма бюрократического* и *централизма демократического*. Ведомственные подходы к управлению экономикой, наблюдавшиеся в деятельности отраслевых штабов, нередко создают барьеры между предприятиями, организациями, учреждениями, принадлежащими к разным министерствам. В условиях существования централизованной системы распределения материальных ресурсов, несбалансированности производства и снабжения, разделенности системы управления ведомственными перегородками партийные комитеты, отвечающие за обстановку на местах, объективно поставлены в такую ситуацию, когда они вынуждены выполнять несвойственные им функции, стремясь жестким „диспетчерским“ вмешательством восполнить изъяны планирования и управления. Одно из последствий этого — создание и расширение отраслевых отделов комитетов, которые в силу своего назначения и организационного строения подменяют хозяйст-

венные и советские органы в решении их собственных проблем. Необходимость выполнения партийными комитетами „компенсирующей” функции ведет к тому, что искусство партийного руководства развивается преимущественно как способность партийных работников принимать различные хозяйственные и организационные решения и твердо проводить их в жизнь. В результате далеко не все партийные работники четко представляют различие между политическими и административно-волевыми методами воздействия на экономику и развитие социальной жизни.

Если условия для включения в деятельность трудовых коллективов и других субъектов различных уровней управления идей обоснованного риска, многовариантности мышления и формирования чувства нового, понимаемого как умение обоснованно определять перспективу развития, складываются в результате перехода от административных методов к экономическим, то такие же возможности для работы партийных комитетов и организаций сопряжены прежде всего с заменой командного стиля демократическими и политическими методами партийного руководства.

Назовем некоторые из них, получающие в последние годы более или менее широкое распространение: коллегиальность в выработке и выполнении задач и выборе альтернативных, в том числе и рискованных, решений; анкетирование выборного актива, трудовых коллективов по проблемам перестройки методов партийной работы; использование в трудовых коллективах и микрорайонах по месту жительства таких форм, как „прямой телефон”, „день открытого письма”, информационные конференции, беседы за „круглым столом”, вечера вопросов и ответов и т. д.; регулярное объективное информирование коммунистов, трудящихся о деятельности партийных и общественных организаций, их выборных органов, о положении дел на предприятиях и в организациях; систематическое заслушивание на заседаниях бюро, пленумах партийных комитетов, партийных собраниях отчетов коммунистов-руководителей, возглавляющих службы быта, здравоохранения, культуры, спорта, охраны окружающей среды и т. п.; внедрение в практику работы трудовых коллективов мер, стимулирующих активность человеческого фактора; исключение из повестки дня собраний, заседаний партийных комитетов сугубо хозяйственных вопросов, дублирующих формулировки производственных сообщений.

В соответствии с установками XIX Всесоюзной конференции КПСС в стране началась реорганизация структуры партийного аппарата, направленная на устранение параллелизма, дублирования и подмены советских и хозяйственных органов, создание реальных возможностей направить усилия партийного аппарата на решение политических, организационных, воспитательных задач, организацию выполнения принятых постановлений. Так, например, на бюро Московского ГК КПСС было принято решение упразднить в горкоме и райкомах отраслевые отделы, укрепить подразделения, занимающиеся вопросами организационно-партийной, кадровой, идеологической работы. Изменились функции вновь созданных социально-экономических отделов. В результате преобразований общее число отделов горкома уменьшилось с 17 до 7. На 30% сократились штаты МГК КПСС, третья часть высвободившихся ставок передана в райкомы партии<sup>59</sup>.

Существуют различия в отношении к риску и в зависимости от того, какой субъект — индивид или группа — принимает решение, сопряженное

с риском. Процессу группового принятия решений по сравнению с индивидуальным присущи некоторые отличительные особенности: коллективные решения, как правило, менее субъективны и связаны с большей вероятностью осуществления. В ходе экспериментального изучения процессов группового принятия решений были обнаружены явления *сдвига риска* (сдвига к риску) и *групповой поляризации*, свидетельствующие о том, что групповые решения несводимы к сумме индивидуальных, а выступают специфическим продуктом группового взаимодействия. Феномен сдвига риска означает, что после проведения групповой дискуссии возрастает уровень рискованности групповых или индивидуальных решений по сравнению с первоначальными решениями членов группы.

Открытие этой закономерности в начале 60-х годов было неожиданным. На уровне обыденных представлений считалось, что групповые решения обычно более консервативны и осторожны. Однако опытным путем удалось установить, что человек, действующий в группе, как правило, готов принять решения с большим уровнем риска, чем индивид, действующий в одиночку. Для изучения явления сдвига риска проводились различные эксперименты. В ходе одного из них испытуемым предлагалось 12 гипотетических ситуаций, в которых шансы на успех разнились от  $\frac{1}{10}$  до  $\frac{9}{10}$ <sup>60</sup>. Склонность к риску участника испытания определялась в зависимости от выбора им соответствующего решения. Эксперимент строился таким образом, что вначале испытуемые принимали решения индивидуально, затем проводилось групповое обсуждение этих гипотетических ситуаций, после чего участники вторично сообщали о своих решениях. Затем сравнивалась рискованность индивидуальных решений до и после групповой дискуссии. Несколько иная процедура эксперимента описана в статье „Принятие риска в группах как функция группового давления”<sup>61</sup>. После предварительных испытаний было организовано три типа малых групп. В группах первого типа большинство участников выбирали наиболее рискованные решения, группы другого типа состояли из людей, большинство из которых выбирали наименее рискованные решения, и в группах третьего типа не было ярко выраженного большинства. После принятия участниками самостоятельных решений, содержащих различные шансы на успех, они были вовлечены в групповую дискуссию по обсуждению других возможных вариантов. Результаты показали – групповое давление в обоих случаях играет значительную роль в изменении уровня рискованности принимаемых решений, и риск на индивидуальном уровне в силу различных причин, связанных с особенностями группового поведения, отличается от группового риска.

Выводы, вытекающие из исследований, посвященных изучению сдвига риска, указывают на необходимость при практическом использовании методик принятия групповых, коллективных решений учитывать психологические, нравственные и другие факторы, характеризующие взаимодействие между членами этих социальных образований. Такие, например, как подражание, составительность, чувство зависти, уважение и т. д.

Открытие явления сдвига риска поставило перед исследователями вопрос о том, почему решения, принимаемые в группе, связаны с большим риском, чем индивидуальные. В ходе обсуждения этой проблемы было сформулировано несколько гипотез, объясняющих сдвиг риска в группе. К ним относятся прежде всего гипотезы диффузии ответствен-

ности, ознакомления, лидерства, изменения полезности и риска как ценности.

Гипотеза диффузии (разделения) ответственности исходит из того, что групповая дискуссия порождает эмоциональные контакты между членами группы и приводит к тому, что индивид будет испытывать меньшую ответственность за рискованные решения, поскольку они вырабатываются всей группой<sup>62</sup>. Групповая дискуссия ослабляет тревожность членов группы в ситуациях риска. Следовательно, если предполагаемые рискованные решения приведут к неудаче, индивид будет нести ответственность не один — она распространится на всех членов группы.

Таким образом, согласно гипотезе диффузии ответственности, группа принимает решение более высокого уровня риска потому, что ответственность за него распределяется между всеми членами группы и это уменьшает страх перед неудачей.

Гипотеза ознакомления предполагает, что сдвиг риска не является собственно групповым эффектом, а представляет собой „псевдогрупповой эффект”, то есть хотя и возникает в группе, но фактически к последствиям группового воздействия не относится. Согласно этой гипотезе, любая процедура, усиливающая знакомство с проблемой, включающей риск, побуждает участников эксперимента к большему риску относительно данной проблемы. Таким образом, сдвиг риска — это не продукт групповой дискуссии, а результат смелости, рискованности, проявляющийся по мере все большего знания проблемы, „вхождения” в нее во время дискуссии.

Гипотеза лидерства построена на изучении качеств членов группы, которые воспринимаются группой как лидеры. Данная гипотеза утверждает, что люди, первоначально (то есть до дискуссии) более склонные к выбору рискованных решений, стремятся к лидерству и в групповой дискуссии. Поэтому окончательная степень группового риска может быть результатом влияния лидера группы. В какой-то мере эти рассуждения подтверждаются, например, особенностями действий групп правонарушителей. Исследования показывают, что примерно 54 — 56% преступлений подростки совершают не в одиночку, а группами. Примерно 30% из обследуемых групп имели ярко выраженного лидера. И характерно, что преступления, если они совершались под руководством такого вожака, более рискованны, решительны и общественно опасны.

Гипотеза полезности исходит из того, что в результате обмена информацией в ходе дискуссии происходит изменение полезности, которую члены группы, принимающие решения, приписывают имеющимся альтернативам. В результате группового взаимодействия изменяется также и полезность риска, связанная с тем, что субъективные значения ценности, которые приписываются риску отдельными членами группы, становятся сходными.

В настоящее время наиболее распространена интерпретация „сдвига риска” с помощью гипотезы риска как ценности. Она впервые была предложена Р. Брауном<sup>63</sup>. Гипотеза исходит из идеи, согласно которой люди ценят риск и в групповой ситуации многие из них, в том числе и так называемые осторожные индивиды, стремятся принимать более рискованные решения, чтобы повысить свой статус в группе. Поэтому в условиях групповой дискуссии они меняют свои оценки в сторону большего риска с целью создать о себе представление как о людях решительных, способных и умеющих рисковать. Таким образом, данная гипотеза исходит из того,

что люди стремятся рисковать не меньше, чем другие члены коллектива. Если у конкретного члена группы уровень предпочтения риска оказывается значительно ниже среднего для группы, то это может вызвать у него беспокойство и опасения по поводу того, как к этому отнесется группа. В связи с этим люди часто готовы принять групповое решение, которое обладает более высоким уровнем риска, чем решение, которое они приняли бы в одиночку.

Однако не все исследователи разделяют точку зрения о том, что риск всегда является ценностью и что групповые решения всегда более рискованны, чем решения, принятые членами этой группы в одиночку. В частности, против этих положений выступал американский ученый Д. Картрайт, который в ряде своих работ обосновывал суждение о том, что мнение о большей рискованности принимаемых группой решений по сравнению с индивидуальными далеко не всегда подтверждается<sup>64</sup>. Он ставит здесь по крайней мере три проблемы: не известно, в какой степени экспериментальные данные и факты приложимы к индивидам и группам „реального мира”; вызывает сомнение используемая экспериментальная процедура; отсутствует надежная теоретическая основа. Выход из этой ситуации Д. Картрайт видит в создании теории, которая основное внимание сосредоточила бы не на объяснении механизма изменения рискованности принимаемых решений, а на выявлении эффектов групповой дискуссии.

Анализ основных гипотез, рассматривающих явление „сдвига риска” при принятии групповых решений, позволяет сделать вывод о том, что, хотя ни одна из них не охватывает всех опытных данных, полученных в ходе проводимых экспериментов, каждая из этих гипотез имеет определенную объяснительную ценность. Дополняя друг друга, они в целом иллюстрируют, почему в процессе групповых обсуждений принимаются решения с большим уровнем риска.

Как уже отмечалось, особенности проявления риска связаны не только с тем, какой конкретно субъект реализует рискованную деятельность, но и с тем, какова *сфера* приложения этой деятельности.

Деятельность, рассматриваемая как человеческая форма отношения к окружающему миру, как процесс целесообразного преобразования человеком природной и социальной действительности, является общеродовым понятием по отношению к конкретным сферам деятельности, различающимся по объекту, на который они направлены. Поскольку риск рассматривается как специфический вид деятельности в условиях неопределенности, то из предложенного понимания категории „деятельность” следует, что существует риск хозяйственный, педагогический, спортивный, политический, профессиональный, творческий и т. д. Рассмотрим некоторые разновидности риска.

Особенность *профессионального риска* по сравнению с социальным заключается в том, что он выступает в форме возможной опасности, то есть человек, осуществляющий ту или иную профессиональную деятельность, постоянно находится в ситуации „неизбежного” риска. Из освоенных в настоящее время людьми более двух тысяч профессий<sup>65</sup> каждая обладает определенной долей риска. Несчастные случаи при различных видах профессий, смерть, наступающая в результате профессиональных заболеваний, — конкретное проявление вероятной опасности той или иной профессии. Количественной мерой профессионального риска смерти может быть при-



нята вероятность гибели человека за единицу времени, например за год<sup>66</sup>. Риск смерти в сфере профессиональной деятельности колеблется от  $1 \times 10^{-4}$  на человека в год (безопасные профессии) до  $1 \times 10^{-2}$  (особо опасные профессии). Наиболее низкий риск смерти в швейной, обувной, текстильной, пищевой и бумажной промышленности, более высокий – в химической, на транспорте, в строительстве, сельском хозяйстве. К особо опасным профессиям относится, например, работа верхолазов-монтажников (в 10 раз выше приемлемого уровня риска), летчиков-испытателей (в 40 раз), летчиков-истребителей (в 65 раз). Социально неприемлемыми для общества видами деятельности современного человека следует считать особо опасные профессии, связанные с риском смерти (более  $10^{-2}$  на человека в год). Таким образом, опасность профессии зависит от объективно присущей ей величины риска. Вот, например, перечень обладающих высокой степенью риска трюков высшей категории в работе каскадеров: падение в воду с высоты более 15 метров в одежде с оружием; съемка в горящей одежде без защитного костюма; езда в горящем транспорте; прыжки в автотранспорте через пропасть; катастрофы с загоранием или взрывом транспорта; переворот полный, на 360 градусов, автофургона на ходу и т. д. Некоторые исследования свидетельствуют, что повышенной степенью риска могут обладать и безопасные с точки зрения здравого смысла профессии. Одно из таких исследований, проведенное в Бразилии, показало, что, судя по количеству выплаченных страховок, наибольший риск получить увечья угрожает футболистам. Далее в списке идут водители автотранспорта, агенты брачных бюро, полицейские, боксеры, журналисты и железнодорожные контролёры.

Какие практические выводы могут быть сделаны из упомянутых выше особенностей профессионального риска?

1. Научно организованная *система профессиональной подготовки* может снижать риск в конкретных ситуациях для данного человека. Возьмем, например, систему подготовки летчиков – их буквально „натаскивают“, чтобы научить, как действовать в разного рода экстремальных ситуациях, и опыт, мастерство, приобретаемые в результате этого, повышают вероятность успеха, снижая возможность неудач. Однако, скажем, с подготовкой водителей автомобилей дело обстоит иначе. Опыт они приобретают, как правило, в процессе практической работы. За рабочую смену на долю водителя на дороге выпадает от 7 до 15 ситуаций повышенного риска<sup>67</sup>, а существующие способы подготовки водителей этого почти не учитывают. Без внимания подобные факты часто остаются и при подготовке специалистов других профессий.

2. На выработку нужных данной профессии готовности и склонности к риску, отваге могут оказывать влияние занятия спортом. Нередко от смелых людей слышишь – привыкнуть к риску мне помог спорт. В подтверждение этого целесообразно привести поучительный пример. Один из ленинградских специализированных трестов, в котором готовили монтажников-высотников, терпел бедствие. Дело в том, что людей обучали несколько месяцев, они овладевали сложными операциями, инструментами. Но приходило время работать, и многие, поднимаясь на высоту 20 – 30 метров, буквально теряли себя. Ни уговоры, ни материальная заинтересованность не помогали. Люди уходили с этой работы. Что только не делали в тресте, чтобы „вылечить“ своих учеников! Вводили аутотренинг, заставляли ходить

по гимнастическому бревну, прыгать с парашютной вышки. Все напрасно: на высоте у новичков появлялся страх, неуверенность в движениях. Тогда руководители треста обратились во ВНИИ профтехобразования. Специалисты из этого института, изучив ситуацию, дали заказчику совет, который поначалу не был принят всерьез. Ученые предложили ввести у будущих монтажников занятия по борьбе. Этот вид спорта, в котором одна из главных заповедей – устоять, позволил монтажникам приобрести устойчивость, выработать координацию, привыкнуть к риску, с которым связана их будущая профессия. После этого ситуация изменилась – отсев значительно сократился.

3. При подборе и подготовке специалистов целесообразно учитывать, что более хладнокровно принимают риск люди компетентные, эрудированные, те, кому присуще стремление к новому, желание активного участия в переменах.

4. На отношение к профессиональному риску оказывает воздействие длительность времени выполнения определенной деятельности. Некоторыми исследованиями установлена зависимость – чем дольше человек выполняет данные профессиональные обязанности, тем меньше им воспринимается риск, сопутствующий этой деятельности, по сравнению с действительным риском. Например, водолазы, монтажники-высотники, опытные водители автомобилей, альпинисты оценивают опасность, сопряженную с их профессиональными действиями, ниже, чем люди, которые никогда не выполняли действий, связанных с этими профессиями.

В разных профессиях риск имеет свои отличительные особенности<sup>68</sup>. Врач-хирург нередко рискует во имя жизни оперируемого, и осознание возможной ошибки может создавать особое психологическое и физическое напряжение.

Некоторые профессии связаны с риском для государственных интересов. Например, ошибка со стороны экспертов, заключающих контракт с зарубежными фирмами, может привести к напрасной трате значительных государственных средств.

Присутствует риск и в работе торговых организаций: недостаточный учет модных тенденций, другие просчеты при запуске в серию определенных фасонов и моделей могут привести к тому, что они не будут пользоваться спросом.

Наличествует риск и в работе руководителей всех рангов: они рискуют материальными ресурсами, доверием коллектива, вышестоящего начальства, коллег с предпрятий-смежников.

На риск при выполнении профессиональных обязанностей люди могут идти по самым различным причинам: из-за ложно понятого самолюбия, из опасения подорвать собственный престиж в глазах окружающих, ради славы или материального поощрения. А вот пример, когда человек пошел на риск ради чувства долга, престижа предприятия, коллектива. В статье „Звездный час“ (Новый мир. 1986. № 10) В. Красильщиков описывает следующий случай. Во время строительства Норильска в середине 30-х годов понадобилось перебросить со стройплощадки ТЭЦ в рудный карьер двухсоттонный экскаватор. Но мост через водовод из реки Норилка не внушал доверия. Разбирать экскаватор и переправлять по частям? Можно, но на это уйдет много времени. И главный инженер В. И. Полтава забрался под мост, измерил балки, опоры, посчитал на линейке и скомандовал

экскаваторщику: „Пошел”. Однако машина не тронулась. И тогда В. И. Полтава вновь стал под мост: „Пошел, говорю!” На глазах окаменевших строителей экскаватор переполз по внешне хлипкому мосту, под которым стоял человек, и вскоре заработал в карьере. Человек ради дела рисковал техникой и даже своей жизнью, но этот риск был основан на трезвом расчете, профессиональной уверенности, а не на слепой вере (как это нередко бывает на практике) в удачу и везение.

Такая разновидность риска, как *спортивный риск*, также обделена вниманием со стороны специалистов. Он фрагментарно рассматривается в редких книгах на эту тему, в заметках, очерках и статьях<sup>69</sup>. В спортивном риске присутствует как профессиональный, так и любительский риск, степень которых обычно рассчитывается на основе статистических данных. Граница между безопасными и опасными видами спорта составляет примерно 1 ер/час\*. Так, уровень риска для велосипедного спорта оказывается около 0,3 ер/час, для бокса — 0,5, для горных лыж — 0,7, для охоты — 0,7 ер/час. Все эти виды спорта можно отнести к категории относительно безопасных. В категорию опасных попадает гребля — 10 ер/час. Это даже выше, чем для мотоциклетного спорта, где уровень риска составляет около 7 ер/час. Высокий уровень риска, сопоставимый с самыми высокими профессиональными уровнями, связан с занятиями альпинизмом — 27 ер/час. Рекордно высокие уровни риска относятся к такой спортивной специальности, как скачки, — 100 ер/час — и в особенности к скачкам с препятствиями — 500 ер/час<sup>70</sup>.

Таким образом, занимаясь даже любительским спортом, человек перекрывает диапазон уровней риска, различающихся более чем в тысячу раз.

Один из аспектов спортивного риска связан с изучением отношения личности спортсмена к риску. Действительно, почему один баскетболист, футболист, легкоатлет, фигурист и т. д. постоянно стремится к риску, идет на исполнение элементов высшей сложности, а другой, стремясь добиться победы, уклоняется от риска, использует более простые композиции? Ответить на этот вопрос можно однозначно: без риска и смелости трудно (или даже невозможно) рассчитывать в спорте на значительный успех. Однако дело не только в этом. Риск для многих спортсменов выступает в качестве наслаждения, эмоционального стимула, особой формы физического подъема, которую создает жизнь на грани опасности. Тяга к риску может обуславливаться также желанием взять верх над силами природы и над собой (как, например, в альпинизме), одержать победу над соперником. Эти моменты и дают возможность изучать не только связь между тем или иным видом спорта и риском, но и взаимодействие его с такими компонентами спортивной деятельности, как скорость, сила, физическая мощь и т. д.

Проблема *педагогического риска* в настоящее время актуализируется в связи с осуществляемой в стране перестройкой средней и высшей школы, системы профтехобразования. В условиях жесткой регламентации школьной жизни, подавления со стороны чиновников „вольномудства” учительской мысли и инициативы педагогов рассуждать о педагогическом риске

\* ер (единица риска) — вероятность смертности для занимающихся спортом в единицу времени, например за час — ер/час.

можно было лишь на примере немногочисленных и к тому же преследуемых бюрократическим аппаратом новаторов-педагогов, которые на свой страх и риск внедряли инициативные формы обучения и воспитания. Бюрократическое управление школой породило педагогического чинушу, исполнительного, равнодушного, начисто лишённого инициативы, сформировало пренебрежительное отношение к новаторскому поиску и опыту, оно противилось внедрению в педагогическую практику нового и передового, сужая тем самым зону проявления таланта, новаторства и риска\*. Педагогическая бюрократия, активно осваивая лексикон перестройки, перекраивая на свой лад предлагаемые новшества, стремится сохранить свои позиции. Однако общественная ситуация меняется — расширяются возможности для развития педагогического творчества, развёртывания новаторства, возвращения общественной инициативе значения одного из ведущих факторов функционирования просвещения. Все это создает реальные предпосылки для включения в педагогическую практику идеи разумного, обоснованного риска.

Проблема своеобразия различных разновидностей риска и особенностей деятельности субъектов в зависимости от сферы, в которой осуществляются рискованные действия, поступки, решения, недостаточно разработана в марксистской литературе. Ждут своей очереди исследования по социальным аспектам политического, научного, спортивного, педагогического риска. Определённую практическую значимость имеет изучение вопросов о том, в чем суть отличий мужских и женских способностей к профессиональному риску. Есть ли существенные различия в профессиональном риске для мужчин и женщин? В чем своеобразии творческой деятельности женщин в ситуации риска, когда необходимо проявить инициативу, реализовать новые идеи, преодолеть те или иные препятствия?\*

Разработка научно обоснованных рекомендаций по названным и другим проблемам, касающимся специфики разновидностей риска, могла бы повысить результативность и эффективность деятельности по подготовке кадров, профориентации, воспитательной работы с различными группами и слоями населения.

Третий срез выявления особенностей деятельности социальных субъектов в ситуации риска предполагает анализ основных факторов, оказывающих влияние на субъект при выборе того или иного рискованного варианта и обуславливающих принятие им определённой степени риска или отказ от него.

Изучение этой проблемы связано с решением одного из социальных вопросов, который выдвинулся в настоящее время в центр общественного внимания, — вопроса о роли человеческого фактора в перестройке и ускорении социально-экономического прогресса. Человек, действуя в системе объективных условий, влияющих на линию его поведения, обладает определёнными психологическими и социально-психологическими качествами,

\* В ряде публикаций 60 – 80-х годов теоретически обосновывалась мысль о том, что риск применительно к воспитанию и обучению детей недопустим – нужно следовать устоявшимся правилам, выработанным педиатрами и педагогами (см., напр.: Этика и психология семейной жизни. М., 1984. С. 227).

\*\* О том, какое внимание этим вопросам уделяется в западных странах, свидетельствует, например, ежемесячный выпуск с 1982 года специального журнала „Риск в предпринимательстве для женщин-руководителей“ („Risk management for executive Women“).

которые играют немаловажную роль в определении направленности и содержании выбора. Последний включает в себя оценку альтернатив, принятие решений, анализ совокупности внешних и внутренних условий общественной жизни, выявление имеющихся противоречий. Вот почему знание основных параметров, обстоятельств, воздействующих на выбор субъектом линии поведения, альтернативы, связано с определением реального места личности в системе общественных отношений и выявлением ее роли в процессе принятия экономических, хозяйственных, политических, социальных и других решений.

По вопросу о влиянии тех или иных факторов на процесс выбора существуют различные точки зрения. Рассмотрим основные из них:

1. Первая – *субъективистская* – разрабатывалась некоторыми буржуазными психологами и весьма распространена и популярна в обиходном сознании. Ее суть в следующем: в подавляющем большинстве ситуаций решения, которые выбирает человек, обусловлены его стабильными личностными свойствами и качествами, такими, например, как темперамент, степень страха, сила воли, способности и т. д. „Субъективистская” позиция придает значение социальным факторам в процессе принятия решений и исходит из того, что главенствующая роль здесь принадлежит психологической и социально-психологической структуре личности.

На наш взгляд, столь односторонняя методология в подходе к выявлению роли личности в процессе управления общественной жизнью, выбора альтернатив лежит в основе известного лозунга „Кадры решают все”. Достаточно, мол, на руководящие должности подобрать людей с определенными психологическими и социально-психологическими качествами, знаниями – и все проблемы будут решены. Реализация в кадровой политике столь упрощенного принципа ведет, как показывает практика, к серьезным экономическим, политическим и нравственным упущениям.

2. Другая точка зрения – ее называют *ситуационной* (или „инвайронментализм” – от английского environment – среда) – предполагает, что поведением людей в ситуации выбора преимущественно управляет и манипулирует внешняя среда – организационная структура предприятий, учреждений, организаций, средства массовой информации, экономика и рыночная ситуация, средства сообщения, институты образования и здравоохранения и т. д.<sup>71</sup> Абсолютизация фактора внешней среды и принижение (а иногда и игнорирование) структуры личности, ее свойств приводят к тому, что процесс выбора альтернативы детерминируется только внешними обстоятельствами: поведение человека изменяется главным образом лишь под воздействием изменений внешней среды.

„Субъективистский” и „ситуационный” подходы представляют собой типичные образцы упрощенного, схематичного понимания диалектики процесса выбора субъектом линии поведения. Первый из них вырывает человека из контекста реальной и противоречивой общественной жизни. Другой принципиально недооценивает роль человеческого фактора, поскольку прикрывается ссылкой на объективные обстоятельства. Односторонность и метафизичность этих двух позиций приводит к непреодолимым затруднениям в объяснении постоянства и изменчивости человеческих решений, динамичности и противоречивости самого процесса их принятия.

3. Исходная посылка следующей, разделяемой автором точки зрения основывается на признании целесообразности различать среди факторов,

влияющих на выбор той или иной рискованной альтернативы или на отказ от риска, *социальные, психологические и социально-психологические*, которые диалектически взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга.

Определяющими среди них являются факторы социальной среды, поскольку они в конечном счете детерминируют структуру и содержание психологических и социально-психологических факторов. Утверждая это, нельзя, естественно, умалять значения активности субъекта (индивида, группы, коллектива, социальной организации), осуществляющего выбор альтернативы. Он не является пассивным объектом внешних воздействий. Хотя социальные факторы и доминируют в процессе выбора, однако механизм их воздействия на процессы принятия рискованных альтернатив исследован в марксистской социологической литературе недостаточно: значительно больше работ (естественно, они различаются по своей научной ценности и методологии исследования), посвященных анализу воздействия социально-психологических и особенно психологических факторов на процессы принятия решений.

Структура *социальных факторов*, влияющих на выбор субъектом линии поведения, альтернативы, тех или иных решений, имеет сложную иерархию.

Особое место здесь принадлежит явлениям, которые можно назвать общесоциологическими. К ним прежде всего относятся исторически определенная организация общества, его социально-экономическая и социальная структура, уровень развития и качественное состояние производительных сил, система политической, государственной власти и т. д. Они создают реальный фон деятельности индивидов, групп, коллективов, социальных организаций, различных общностей и оказывают опосредованное воздействие на процессы выбора решений, рискованных альтернатив, принятие той или иной степени риска. Эта зависимость выявляется из анализа многих конкретных фактов и явлений, отражающих специфику развития советского общества.

Так, например, преобладание в системе управления и руководства административно-командных методов, возвеличивание руководителей на различных уровнях руководства, ограничение демократии, гласности, критики на протяжении длительного времени создавали специфическую общественную ситуацию, в которой изживалось чувство хозяина, большинству отводилась роль послушных исполнителей. В этих условиях в общественном и индивидуальном сознании, психологии и общественном мнении в широких масштабах сформировалось негативное отношение к творческой инициативе, предприимчивости, новаторству, стало нормой избегать выбора нестандартных, неординарных, рискованных альтернатив.

Социальная предрасположенность индивида, группы, коллектива к принятию риска или, наоборот, к отказу от него во многом зависит от сложившейся управленческой структуры, организационной среды, в которой они действуют, норм и законов, регламентирующих их деятельность, специфики распространения информации, системы планирования и финансирования, кредито- и ценообразования и т. д. Алогичное на первый взгляд выражение „мало быть умным, чтобы умно поступать” достаточно точно и емко отражает эту зависимость.

Дело не только в личности руководителя, его знаниях, психологических и социально-психологических качествах, коль скоро он, работая

директором крупного объединения, боролся за новый тип хозяйственного расчета, а став ответственным работником министерства, уже через несколько месяцев выступал против предоставления предприятиям отрасли широких прав и самостоятельности.

Если система планирования ориентирована прежде всего на количественные показатели, вал, „темпоманию” и основана на администрировании, то объективно создается ситуация, которую хозяйственники характеризуют следующими словами: „Внедряешь, то есть рискуешь, — прогораешь”. Очевидно, немного найдется смельчаков в таких условиях идти на риск. Благоразумнее отказаться от рискованных, хотя и более перспективных, действий, проектов, решений. К этому же принуждают консервативные способы финансирования научных исследований, формально-административные методы их оценки. Таким образом, склонность к риску — это не просто личностное качество. Оно неодинаково проявляется в разных условиях. Если в организации обоснованный риск считается нормой, то здесь работники будут значительно чаще принимать смелые, инициативные, неординарные решения по сравнению с коллективом, где риск считается „социальным злом”. Там, где руководители умеют отличать хорошие (плохие) решения от хороших (соответственно плохих) результатов, допускают оправданный риск, и сотрудники чаще будут браться за решение новаторских проблем<sup>72</sup>. И наоборот, там, где каждая неудача вследствие принятия рискованного решения или проведения эксперимента сопровождается взысканиями, наказаниями со стороны начальства, рядовые работники всегда будут предпочитать стандартные, безопасные альтернативы, исключая принципиально новые решения. Это и понятно: система „поощрения” наказанием за риск отбивает охоту рисковать еще раз.

По наблюдению американских консультантов по управлению Т. Питерса и Р. Уотермена, написавших вызвавшую массовый интерес книгу „В поисках эффективного управления”, среда, которую создает на производстве, в институте, организации ориентация на успех, продуктивную работу и новаторство, отличается такой особенностью, как терпимость к неудачам. Нельзя быть новатором, подлинно творческим работником, если нет готовности мириться с возможными ошибками.

От чего зависит способность предвидеть и учитывать как положительные, так и негативные экономические, нравственные, политические, идеологические последствия принимаемых рискованных решений? Распространенный ответ — от личностных качеств, умения и компетентности руководителя — едва ли можно считать удовлетворительным. Если система управления, планирования объективно не предусматривает такую необходимость, то большинство руководителей не будут учитывать внеэкономические эффекты реализуемых решений. В последние годы приняты широкие меры по предоставлению хозяйственным руководителям всевозможных прав. Тем не менее их деятельность, и особенно деятельность руководителей структурных подразделений предприятий и объединений, ограничена различными инструкциями и предписаниями. Такая мелочная опека мешает хозяйственным кадрам оперативно и плодотворно решать задачи ускорения, сковывает их инициативу, ослабляет уверенность в своих силах.

Изменение поведения субъекта социального действия, выбор им рискованных альтернатив или отказ от них обуславливаются также степенью

ориентации системы управления, организации, руководителя и т. д. на административные запреты, запугивание опасностью, „силовое” давление с целью вынудить человека, группу или коллектив выбрать заранее определенную без их участия альтернативу. Такая практика весьма распространена в реальной жизни. Создается впечатление, что лица, берущие ее на вооружение, совершенно игнорируют истину, заключенную в известном утверждении „Запретный плод сладок”. Запреты, запугивание предполагаемой опасностью очень часто бывают источниками склонности к необоснованному, неоправданному риску. Не только некоторые исследования<sup>73</sup>, но и наблюдения в практической жизни свидетельствуют, что в связи с запретами привлекательность исключаемых внешними обстоятельствами альтернативных решений, действий, поступков для человека, как правило, значительно возрастает. И наоборот, насильственное ограничение свободы выбора, связанное с внешним давлением со стороны официальных или неофициальных органов, уменьшает привлекательность рекомендуемой альтернативы и способствует возрастанию желания у субъекта отбросить навязываемое решение. Поэтому на практике давление, оказываемое на человека, группу или коллектив, для того чтобы вынудить их принять утвержденное на более высоком уровне управления решение, запугивание возможными последствиями часто приводят к противоположным результатам.

К факторам социального характера, оказывающим влияние на формулировку цели, выбор решения в условиях неопределенности, относятся находящиеся в распоряжении людей конкретные материальные, финансовые, людские, природные и другие ресурсы и резервы. Иногда бытует мнение, что, чем больше средств для достижения цели, тем меньше величина риска, возможность отклонения от этой цели и неудача в процессе ее достижения. Трудно назвать такую точку зрения истинной. Ранее уже говорилось, что деятельность, основанная на рациональном риске, предполагает наличие не максимальных, а оптимальных ресурсов. Однако крайне редко в практической жизни складываются ситуации, когда выбор осуществляется при наличии всех необходимых ресурсов и предпосылок для получения желаемого результата. Поэтому на выбор конкретного решения, степень его рискованности оказывают влияние административные, юридические и другие полномочия, которыми обладает субъект, принимающий решение.

Качество и направленность выбора субъектом конкретной альтернативы, ориентация при этом на риск или неприятие его детерминируются не только влиянием внешней среды. Выбор всегда в той или иной степени несет на себе печать индивидуальности, темперамента, психологического склада, зависит от мотивов и относительно устойчивых свойств личности. Таких, например, как оригинальность мышления, гибкость ума, интеллектуальные возможности человека, уровень тревоги, самостоятельность, решительность, экстравертность или интровертность, эгоизм или альтруизм и т. д.<sup>74</sup> Проиллюстрируем это утверждение примером, позволяющим показать значение, которое имеют в процессе выбора альтернативы в ситуации риска такие стабильные волевые качества, как *решительность и осторожность*.

Решительность — это способность человека самостоятельно принимать решения и реализовывать их, умение субъекта смело брать на себя ответ-



ственность за выбранное решение, своевременность действия. Такое качество, как решительность, особо необходимо в сложных ситуациях, когда возникают неожиданные трудности, требуются действия, связанные с риском, и выбор из нескольких альтернатив. Осторожность — антипод решительности, как бы ее обратная сторона. Индивид, у которого доминирует это качество постоянно и который чуль ли не по любому поводу долго и мучительно взвешивает все „за” и „против”, стремится узнать при выборе точку зрения начальства, чтобы получить указание, в каком направлении решать данный вопрос и как действовать в трудных условиях.

Решительный человек более склонен к выбору рискованных решений, поступков, действий, нежели осторожный, который, как правило, будет избегать риска. Отсюда не следует, однако, делать вывод о том, что решительность — это всегда благо. Абсолютное преобладание решительности (так же как и осторожности) тоже „не подарок”. Люди такого типа обычно считают себя компетентными во всех аспектах своей деятельности, верят в свою непогрешимость и не находят нужным выяснять чье-либо мнение. Критические замечания по поводу принимаемых решений обычно вызывают у них раздражение. Стиль работы таких руководителей подавляет инициативу подчиненных, воспитывает в них осторожность и нерешительность, наносит ущерб психологическому климату коллектива.

Степень принимаемого субъектом в процессе выбора решения риска зависит и от того, какие действия предстоит совершить человеку; это могут быть действия как с добровольным риском — спорт, альпинизм, курение, так и с недобровольным — хирургия, гражданская авиация. В ряде исследований установлено, что люди склонны принимать решения с добровольным риском в сотни и тысячи раз рискованнее по сравнению с действиями, связанными с риском недобровольным<sup>75</sup>.

Существенное влияние на выбор той или иной альтернативы оказывают также субъективное представление о величине риска и относящиеся к риску предпочтения. Субъекты, осуществляющие выбор из нескольких возможных решений, обычно принимают во внимание определенную вероятность и определенную дисперсию\*. В связи с этим выделяются предпочтения, относящиеся к вероятности, и предпочтения, относящиеся к дисперсии. Некоторые экспериментальные данные свидетельствуют о том, что люди могут предпочитать разные вероятности при решении тех или иных задач. Например, У. Эдвардс установил, что для многих людей привлекательны лотереи, в которых вероятность выигрыша равна 0,5. Одновременно они избегают вероятности выигрыша, равной 0,75<sup>76</sup>. Г. Ван дер Меер обнаружил, что существует предпочтение вероятностей выигрыша 0,5, 0,7 и 0,8 при негативном отношении к вероятностям 0,6 и 0,9<sup>77</sup>.

Значительное влияние на привлекательность выбора может оказывать дисперсия. Так, в работах А. Фишера, К. Кумбса, Д. Груйта, Г. Ван дер Меера высказываются суждения о том, что для каждого человека можно определить идеальную дисперсию, которая для него наиболее привлекатель-

\* Под дисперсией обычно понимается отклонение от средних значений. Это мера рассеивания (отклонения) от среднего (см.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 90; Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 395).

на. Установлено, что более высокие и более низкие дисперсии этот человек будет считать менее выгодными. На основе экспериментальных исследований лиц, принимающих решения, можно классифицировать дисперсии по предпочтениям, относящимся к ним. Примерно одно и то же количество людей предпочитают высокие, низкие и средние дисперсии. Однако, говоря о роли предпочтений, связанных с риском, следует иметь в виду, что явления предпочтения, относящиеся как к вероятности, так и к дисперсии, зависят от структуры задач с риском, то есть в одних случаях они проявляются, в других играют сравнительно небольшую роль.

Наряду с социальными и психологическими на направленность выбора и отношение субъекта к риску оказывают определенное влияние и *социально-психологические* факторы. К ним относятся: принадлежность личности к той или иной социальной и референтной группе, борьба мотивов, возникающая в процессе принятия решений, специфика взаимодействия между членами группы, ее организационная структура, степень согласованности у членов группы, коллектива личных, групповых, коллективных и общественных интересов и т. д.

Таким образом, специфика деятельности субъектов социального действия зависит от того:

- кто является „действующим лицом” (индивид, группа, коллектив, социальная организация);
- где (в какой сфере) осуществляется рискованная деятельность;
- что (какие факторы) и как оказывают влияние на выбор рискованных альтернатив либо на отказ от риска.

Изучение особенностей действий субъектов в ситуации риска имеет не только теоретико-методологический, но и практический интерес, ибо знание механизма, влияющего на поведение субъектов в ситуации выбора и на степень рискованности выбираемой альтернативы, позволяет внедрять в жизнь адекватные методы отбора и обучения людей, деятельность которых связана с принятием решений, создавать реальные условия, открывающие простор инициативной, новаторской деятельности, стимулирующие развитие творческого потенциала личности.

#### **§ 4. Взаимосвязь риска с некоторыми философскими и социологическими категориями**

Процесс развития социально-философского знания, с одной стороны, сопровождается постоянным появлением новых конкретных проблем и уходом на „периферию”, даже исчезновением ряда тем из поля зрения науки, с другой – связан с углублением и обогащением категорий. Кроме того, этот процесс характеризуется и включением в его содержание новых понятий.

В предыдущих параграфах была предпринята попытка через анализ объективного и субъективного в риске, его структуры, сущности и детерминации, особенностей деятельности субъектов в ситуации риска и т. д. показать социально-философское содержание понятия „риск”. Тем самым обосновывалось суждение о том, что риск в современных условиях раз-

виятия научного знания постепенно приобретает статус социально-философской категории\*.

Возможность „зачисления” общенаучного понятия „риск” в ранг социально-философской категории зависит от того, в какой степени оно отвечает критериям, позволяющим относить то или иное понятие к разряду философских категорий. Существует несколько таких критериев<sup>78</sup>:

1. Философская категория обладает универсальностью, которая обнаруживается в системе субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений, определяющих место человека в мире.

2. Чтобы стать философской категорией, универсальное понятие должно приобрести мировоззренческое значение.

3. Философские категории обладают рефлексивностью, то есть они должны служить основой для определенного общего объяснительного принципа, с помощью которого можно было бы анализировать парадигмы, регулирующие субъектно-объектные и субъектно-субъектные отношения.

4. Если понятие формулируется как взаимосвязь каких-то философских категорий, то и само оно должно выступать в качестве философской категории.

Понятие „социальный риск” с этих позиций может рассматриваться как социально-философская категория, ибо оно отражает некоторые общие черты, присущие человеческой деятельности, общественной жизни, познанию, в той или иной степени обладает универсальностью, рефлексивностью, мировоззренческим значением. Помимо этого сущность и содержание риска описываются с помощью некоторых философских понятий.

Изучение взаимосвязи риска с категориями диалектического и исторического материализма открывает новые возможности для теоретических исследований, позволяет ввести в поле зрения философского знания те аспекты и нюансы социальной действительности, человеческой деятельности, которые трудно усмотреть, не опираясь на понятие „риск”, создает предпосылки для углубления содержания содержания уже известных категорий, анализа взаимоотношений человека с окружающей его вероятностной и альтернативной реальностью.

Очевидно, что далеко не все философские понятия одинаково существенны для конкретизации природы социального риска. Поэтому возникает вопрос об *основаниях выбора* из философских категорий таких, которые являются важными для более глубокого осмысления содержания понятия „риск”.

Автор исходит из предположения о *вариативности* системы классификации, соподчиненности, логической последовательности социального риска и других категорий, то есть в зависимости от цели исследования, конкретных задач, решаемых здесь, могут быть использованы различные

\* Данное утверждение не носит характера однозначного вывода, ибо автор принял одну из первых попыток социально-философского анализа риска и для решения этой проблемы нужны дальнейшие исследования, то есть окончательный ответ может дать лишь будущее развитие философского и общенаучного знания. Заметим также, что поскольку специфика философии состоит в изучении предельных субъектно-объектных отношений, то риск, как и любая философская категория, дает лишь один или особый „срез” действительности, который отражает общий, абстрактный уровень, а остальные „срезы” изучают частные науки.

основания и способы группировки категорий, выявления из всего их многообразия таких, которые позволяют реализовывать поставленные в ходе данного анализа задачи.

Понятие „риск”, как подчеркивалось ранее, отражает особый срез социальной деятельности и общественной жизни в целом. Поэтому в качестве основания одного из вариантов отбора категорий для рассмотрения их взаимосвязи с риском можно принять наличие многообразия аспектов, в которых выступает проблема социального риска в философии.

Во-первых, риск представляет собой специфическую форму активного отношения субъекта к окружающей действительности. С этой точки зрения целесообразно выяснение взаимосвязи риска с категориями „субъект социального действия”, „деятельность”, „выбор”, „свобода воли”, „свобода выбора”, „цель”, „целесолагание”, „прогнозирование”.

Во-вторых, социальный риск обычно проявляет себя в продуктивной деятельности. Эта сторона риска раскрывается в содержании понятий „новое”, „инициатива”, „творчество”, „интуиция”.

В-третьих, риск как форма деятельности в условиях неопределенности имеет количественные и качественные характеристики и в практической деятельности подвергается оценке со стороны субъекта. Этот аспект риска раскрывается через анализ его связи с категориями „вероятность”, „возможность и действительность”, „необходимость и случайность”, „определенность и неопределенность”, „социальный детерминизм”.

Выделение этих аспектов носит достаточно условный характер, поскольку они связаны друг с другом. И тем не менее, на наш взгляд, обозначенные три стороны момента риска могут быть использованы в качестве основания для выбора из огромного числа философских и социологических категорий таких, которые позволяют детализировать и углубить характеристику риска.

Частично связь риска с категориями „деятельность”, „субъект социального действия”, „детерминизм”, „неопределенность”, „вероятность” уже анализировалась. В третьей главе применительно к процессам перестройки, происходящим в нашей стране, будет показана взаимосвязь инициативы, творчества и риска. С учетом этого и рассмотрим сформулированную в названии данного параграфа проблему.

Поскольку социальный риск представляет собой деятельность субъекта в условиях неопределенности и отсутствия полной уверенности в достижении поставленной цели, то он связан с отдельными сторонами деятельности, которые, в частности, в современных условиях выдвигаются на первый план и приобретают новое звучание. К ним относятся проблемы повышения качества и эффективности инициативной, новаторской, экспериментальной, прогностической деятельности, разработки и внедрения в практическую жизнь способов и методов их количественной и качественной оценки. Риск специфично проявляет себя также в деятельности, направленной на преобразование природной, социальной реальности и деятельности, ориентированной на изменение субъектом самого себя. Оба этих направления представляют собой активность субъекта, выступающую в форме процесса, который включает ряд различных временных этапов. Наконец, социальный риск (наряду с общими моментами) неодинаково проявляет себя в деятельности по созданию идей, теорий, других продуктов духовного производства и в практической деятельности, результатом которой

является создание материальных благ, воспроизводство и изменение социально-экономических условий.

Исследование взаимосвязи риска и деятельности позволяет углубить структуру, конкретно-историческое содержание этих категорий. К основным компонентам рискованной деятельности относятся субъект деятельности\*, ее цель, средства, результат, система управления и самоуправления деятельностью<sup>79</sup>. Представляя собой активную, целесообразную, сознательную форму преобразования окружающей действительности и внутреннего мира человека, рискованная деятельность проявляется, в частности, в таких элементах, как цель, целеполагание, выбор, свобода воли, свобода выбора, и других.

С помощью цели, задач осуществляется управление любыми формами человеческой деятельности. Они не только представляют собой субъективное образование, но и, поскольку опираются на объективные факторы, реализуются в виде противоречивого отражения общественных и природных закономерностей, объективных потребностей и интересов субъектов социального действия. Таким образом, цель предстает как единство объективного и субъективного, проявляющееся в человеческой деятельности. Результат целесообразной деятельности зависит от объективно существующих стихийных, случайных факторов, элементов неопределенности, которые придают этому процессу вероятностный, статистический, неоднозначный характер. Здесь и заложена связь целеполагания, цели и риска.

Другой аспект этой взаимосвязи вытекает из понимания цели как способ идеального предвосхищения результатов деятельности и путей их реализации с помощью определенных средств. Взаимодействие риска, цели и целеполагания в этом контексте обнаруживается в таких категориях, как предвидение, социальное прогнозирование. Социальные прогнозы не тождественны цели, однако они могут выступать в качестве теоретической основы для установления той или иной цели. Постановка цели предполагает выбор из различных вариантов, разработка которых требует прогнозов цели, путей, средств и ресурсов их осуществления. Статистический характер общественных явлений, вероятностность наших знаний о будущем, множественность возможностей осуществления целеустановки и обуславливают существенно-содержательную сторону механизма взаимосвязи риска с целеполаганием и прогнозированием. Изучение этого вопроса является предпосылкой повышения уровня обоснованности процесса постановки целей и социального прогнозирования.

Роль риска в прогнозировании меняется в зависимости от *сфер*, в которых оно осуществляется. В связи с этим различают прогнозирование развития науки и техники, экономического развития, социальных явлений и процессов. Своеобразие учета риска здесь во многом зависит от применяемых методов прогнозирования. В настоящее время насчитывается около ста методов технологического прогнозирования, которые условно можно назвать „субъективными” и „объективными”. Широкое распространение, в частности, получил метод, созданный корпорацией „Рэнд”, — „Дельфы” (его относят к „субъективным” методам прогнозирования). Он построен на том, что к определенным ученым, исследователям, специа-

\* См. об этом в параграфе „Особенности деятельности субъектов в ситуации риска” (глава первая).

листам обращаются, письменно или устно, с просьбой дать, скажем, перечень открытий и изобретений через 10 – 50 лет, а также указать две наиболее вероятные крайние (минимальные и максимальные) даты их появления. Чтобы получить более объективные оценки и суждения по интересующим вопросам, каждому из специалистов сообщаются ответы других, разрешается пересматривать свое суждение. В конечном итоге приходят к совокупности субъективных прогнозов на уровне группы опрошенных лиц.

„Объективные” методы в отличие от „субъективных” устанавливают статистические закономерности, например, времени существования технологических явлений или процессов, и на этой основе делается прогноз о времени их замены. „Объективные” и „субъективные” методы обладают разными возможностями учета риска. Предпочтение здесь имеют методы „объективные”.

Иногда при прогнозировании некоторых элементов социальной жизни, которые отличаются регулярностью циклов, значительной инерционностью во времени, существует возможность относительно точного, выраженного в количественной форме определения вероятности прогноза, степени его достоверности. В таких случаях в практике прогнозирования целесообразно принимать во внимание и вероятность противоположного события, называемого коэффициентом риска. Он выражает вероятность недостаточности ресурсов и резервов для обеспечения реализации предполагаемой цели на каком-то будущем этапе и вероятность неправильности прогностической гипотезы<sup>80</sup>. Если, например, вероятность достоверности конкретно прогноза составляет 95%, то вероятность того, что он не оправдается, – 5%. Соответственно и коэффициент риска будет равен 5%.

Специфика учета риска зависит от видов прогноза. По функциональной классификации их можно, например, подразделить на *исследовательские* – выявляют и формулируют новые возможности и перспективные направления общественной системы; *программные* – базируются на познанных социальных потребностях, тенденциях и закономерностях развития, а также данных, полученных исследовательским прогнозом; *организационные* – формулируют обоснованную гипотезу предполагаемого развития, дают оценку ресурсам, перспективам будущего функционирования объекта. Наибольшую ценность для практики представляет организационный прогноз, так как он наиболее точен, детализирован и в его рамках неопределенность и риск могут быть учтены в большей степени, чем в первых видах прогнозов.

Своеобразие оценки риска обуславливается также типом прогноза, который может быть определен временным интервалом. Обычно выделяют три основные формы таких прогнозов: краткосрочные (до 5 – 7 лет), среднесрочные (до 15 – 20 лет) и долгосрочные (до 50 лет и более). В зависимости от типа прогноза меняется степень неопределенности и риска, которые возрастают по мере удаления в будущее. С увеличением периода долгосрочного прогнозирования снижается степень его достоверности и уменьшается поле количественных характеристик, уступающих место качественным.

Величина риска в прогнозах зависит также от опорных показателей. Если прогноз строится на одной гипотезе, то единственность связана с большим риском. Но это не означает, что менее рискованный прогноз (с точки зрения нежелательных последствий) предполагает множество опорных

показателей. Ведущим принципом здесь может быть, видимо, соотношение — минимум опорных показателей при максимуме обоснованности каждого из них.

Уменьшение или увеличение степени риска при осуществлении прогнозов зависит также от того, насколько в процессе прогнозирования выясняется характер противоречия того явления, которое становится объектом прогнозирования. Количественная величина негативных последствий риска снижается, а его обоснованность повышается, если учитываются движущий характер и тормозящий эффект этих противоречий, роль внешних противоречий, которые могут препятствовать, тормозить или направлять в другую сторону развитие данного явления, а возможно, и уничтожить его на каком-то этапе функционирования. Обоснованность риска зависит от умения предусмотреть этап, когда количественные изменения явления приведут к появлению нового качества. Развитие объекта прогнозирования в будущем не может носить постоянно линейный характер. На определенном этапе возникают качественные преобразования, скачок, время и содержание которых целесообразно, по мере возможностей, учитывать в прогнозах.

Поскольку процесс целеполагания имеет свою детерминацию, постольку возникает вопрос о связи риска с понятиями свободы воли и выбора. Свобода воли в постановке и реализации цели определяется уровнем познания объективной необходимости, носящей вероятностный характер, при выборе решений в ситуации риска. В практической деятельности важно иметь в виду, что на процесс определения цели влияют не только законы, но и различные объективные факторы — потребности, интересы действующих в обществе субъектов, наличие ресурсов и т. д.

Важнейшим элементом свободы воли является выбор. Такой подход позволяет дополнять проблему свободы избирательной активностью субъекта, его правом выбора из нескольких имеющихся альтернатив, рассматривать свободу воли в том числе и как свободу выбора<sup>81</sup>. Выбор целей, средств, решений, выступая необходимым сущностным элементом свободы личности, в определенных ситуациях, как подчеркивалось ранее, связан с риском. Интерес в этом плане представляет анализ проблемы взаимосвязи риска и морального выбора, имеющей множество аспектов: критерии негативных и позитивных вероятностей в процессе морального выбора; способы нравственно-оценочного отношения к ситуации риска; сущность риска в нравственной деятельности; свобода морального выбора, моральная ответственность и риск; нравственный конфликт и риск и т. д. Многие из этих вопросов имеют не только теоретическое, но и практическое значение для повышения эффективности нравственного воспитания, разработки методов и средств управления его процессом.

Своеобразие риска в моральном выборе состоит прежде всего в том, что он имеет волевое содержание, которое связано с волевым содержанием нравственного поступка или действия. Моральный выбор совершается в пределах добра и зла, чести и бесчестия, нравственного и безнравственного. Здесь осознаются альтернативы, предполагается вероятность достижения выбранной нравственной цели, оценивается возможность отрицательных, нежелательных последствий. Выявление допустимости нравственных рискованных альтернатив оказывает, наряду с другими факторами, существенное влияние на решение, выбираемое человеком. Более того — без нравст-

венного критерия риск, видимо, не может выступать регулятором надлежащего поведения, ибо тогда он приводит к поступкам безнравственным.

В ряде случаев риск при моральном выборе бывает связан с совершением не только дозволенного обществом поведения, но и поступка высоконравственного. Наиболее отчетливо это проявляется в такой форме человеческого поведения, как героизм, который в нравственном отношении может представлять собой, например, подвиг. Выбор такого поступка требует от человека предельного напряжения сил и воли, связан с преодолением препятствий или трудностей. А общественно полезный результат его превосходит по своим масштабам результаты обычных действий. Эти действия могут быть отнесены к явлениям так называемого сверхморального риска, суть которого состоит в том, что в основе выбираемых поступков лежит деятельность, основывающаяся на альтруистических соображениях, исключающих эгоистические, корыстные и другие подобного рода мотивы.

Кроме того, риск в реальной действительности может реализовываться в форме „внеморального” и „аморального”. Элементы „внеморального” риска могут быть свойственны, например, подростку с изъянами нравственного воспитания или людям так называемого практического склада, которые, чтобы (как они считают) быстрее включиться в ту или иную ситуацию, начинают действовать (совершать определенные нравственные поступки), не выработав плана поведения и не имея достаточных средств для достижения поставленной цели. „Аморальный” риск может выступать в форме выбранных моральных альтернатив, которые противоречат сложившимся в обществе нравственным или правовым нормам.

Моральный выбор в ситуации риска может осуществляться в форме морального конфликта. Специфика последнего состоит в том, что человек, делая выбор, фиксирует в своем сознании реально существующее противоречие. Смысл его заключается в том, что реализация любого выбранного плана действий, поступков во имя какой-либо нравственной нормы одновременно ведет к нарушению другой нормы, которая представляет для данного человека определенную моральную ценность. В этом случае риск будет связан с выбором одной и отказом от другой моральной ценности для реализации своих нравственных целей. На первый взгляд кажется, что любая система морального выбора конфликтна, поскольку необходимо предпочесть одну альтернативу другой. Однако не все ситуации морального выбора ведут к столкновению противоположных нравственных ценностей и к необходимости принесения в жертву одной из них.

Риск в нравственной деятельности не должен отождествляться с опасностью. Он представляет собой этическую оценку выбранных и реализуемых нравственных альтернатив с точки зрения их соответствия моральным нормам, требованиям, правилам. В этом плане риск в определенных ситуациях выступает регулятором морального поведения. Это регулирование реализуется как возможность нравственного выбора, стремление субъекта, опираясь на свои знания, расчет, интуицию, выяснить вероятность как позитивных, так и отрицательных нравственных последствий выбора, поступка, действия.

Далее, риск связан с психикой индивида, осознанием им своего поведения, его последствий и в данном случае выступает психологическим регу-



латором поведения. Одновременно это регулирование основано на объективных предпосылках. Поэтому риск характеризуют как субъективные, так и объективные моменты. Риск как сознательно-волевая деятельность субъекта, этическая категория означает проявление со стороны субъекта активности и стремления добиться положительного, оптимального результата, в том числе превзойти то, что ожидалось и предполагалось<sup>82</sup>.

Характеристика риска дополняется анализом его взаимодействия с вероятностью, возможностью и действительностью, определенностью и неопределенностью, необходимостью и случайностью.

Человеческая деятельность, развитие социальной реальности в общем виде представляют собой процесс превращения возможности в действительность. В каждый конкретный момент наличествуют несколько возможностей, обладающих разной степенью осуществимости. Превращение в действительность какой-либо возможности делает невозможным (для данного явления, объекта и в данное время) такое превращение других. Многообразие возможностей — характерная черта прежде всего общественных процессов, реализуемых через сознательную деятельность людей. При отсутствии многих возможностей человеческая деятельность, общественное развитие носили бы однозначный характер, осуществлялись бы по заранее намеченному плану. Целеполагающая деятельность в этом случае была бы бессмысленной. Признание наличия борьбы разных возможностей за „право” превратиться в действительность, необходимости в каждый конкретный момент выбора той или иной альтернативы приводит к выводу о том, что каждая из имеющихся возможностей обладает неодинаковой степенью риска.

Вероятность обычно понимается как *количественная* мера возможности появления некоторого события при определенных условиях. Такое математизированное понимание вероятности, вполне приемлемое в анализе некоторых природных процессов, исследовании массива статистических данных, сталкивается со значительными трудностями при анализе деятельности социальных субъектов в условиях неопределенности. Данная позиция неизбежно приводит к односторонним оценкам общественных процессов, забвению качественных и абсолютизации количественных показателей и в конечном счете ведет к „технократизму” в управлении, руководстве экономической, политической и духовной жизнью. Включение в механизм взаимосвязи действительности, возможности и вероятности понятия риска в определенной мере помогает преодолевать отмеченную односторонность в подходе к исследованию социальных процессов, детализировать способ соизмерения „спектра” возможностей. Если вероятность выступает мерой возможности, величиной ее основания, характеризующей „близость” или „отдаленность” превращения данной возможности в действительность, то риск позволяет рассматривать возможность с точки зрения вероятных негативных и позитивных следствий, отклонения от желаемой цели, которые могут наступить, когда субъект в условиях неопределенности стремится превратить возможность в действительность. В данном случае социальный риск выступает не только как количественная (в широком смысле этого термина, а не просто в виде числовых или частотных показателей), но и как качественная оценка возможности, то есть понятие риска в практической деятельности позволяет рассматривать возможность в единстве ее количественных и качественных характеристик, показывает

специфику определения вероятностей в общественной жизни по сравнению, например, с выявлением вероятности природных процессов.

Сказанное применимо (хотя и в несколько другой плоскости) не только к объективному, но и к субъективному содержанию риска, поскольку мера „успеха-неуспеха” реализации данной цели зависит также и от степени субъективной уверенности, убежденности в правильности выбранной возможности. Уместно в связи с этим вспомнить слова В. И. Ленина: „Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса”<sup>83</sup>.

Анализ связи понятий возможности, действительности, вероятности с риском имеет определенное познавательное и практическое значение. Оно, в частности, проявляется в том, что субъект в процессе своей деятельности стремится устранить неблагоприятные (например, не соответствующие его потребностям и интересам) возможности и претворить в жизнь реальные желаемые возможности. Выбирая ту или иную возможность, социальный субъект действует обычно либо в ситуации неопределенности, либо в ситуации риска. В последнем случае возникает потребность количественно и качественно оценивать вероятные сиюминутные и долгосрочные последствия выбранной и реализуемой альтернативы. Знание способов выявления реальных и оптимальных для данного случая возможностей, методов оценки вероятности в ситуации риска имеет прямое отношение к практической деятельности людей, ибо позволяет рационализировать процесс выбора возможных альтернатив, путей и средств достижения того или иного результата, мобилизовать усилия на реализацию возможности, обеспечивающей поступательное развитие общественной жизни.

Не следует в практической деятельности сбрасывать со счетов и то, что оправданный и обоснованный риск — эффективный инструмент превращения возможности в действительность, ибо он является одним из условий внедрения в реальную жизнь новых способов и методов работы, планирования, управления, достижения различных социально-политических, экономических, производственных целей. Поясним это примером. Что сделать, чтобы продукция постоянно соответствовала спросу покупателей? В поисках решения этого вопроса коллектив и руководство Оршанской опытно-экспериментальной фабрики (БССР), выпускающей верхнюю одежду для детей, пошли по принципиально новому, не испробованному еще никем пути. В договоры, заключаемые с торговыми партнерами, был, в частности, внесен следующий пункт: „В случае если тридцать и более процентов изделий любой модели не будут реализованы в срок до восьми месяцев, торговый партнер вправе вернуть их на фабрику. Фабрика обязуется оперативно заменить продукцию. Все расходы по обмену и дальнейшей реализации возвращенных изделий ложатся на фабрику”. Коллектив этого предприятия пошел на риск, поставив себя в полную зависимость от спроса, но это был риск обоснованный, продуманный, обеспеченный организационно и экономически, и он позволил желаемую цель (возможность) превратить в действительность. После реорганизации производства, перестройки системы управления положительные результаты не замедлили сказаться — продукция фабрики пользуется повышенным спросом у населения. При этом резко возросло количество осваиваемых моделей.

Социальный риск сопряжен со случайностью, которая выступает одной

из причин, детерминирующей существование риска, и инструментом превращения возможности в действительность, при котором в данных условиях имеется несколько различных возможностей, способных превратиться в действительность. С риском связана и необходимость, которая в реальной общественной практике осуществляется как вероятностный процесс. Этот вывод следует из обоснования того, что необходимость в социальной жизни выражается как статистическая закономерность и реализуется людьми в ходе их сознательной деятельности неоднозначно. Кроме того, сам исторический процесс не предопределен и не запрограммирован — он вероятностен. В частности, его вероятностная природа проявляется в многовариантности развития<sup>84</sup>. Вопросы своеобразия взаимосвязи риска с необходимостью и случайностью требуют специальных исследований, выясняющих своеобразие проявления риска и его учета в различных видах необходимости и случайности, особенности понимания формулы „Свобода — это деятельность на основе осознанной необходимости или осознанной возможности”.

## Основные теории риска в марксистской и буржуазной обществоведческой литературе

В первой главе была предпринята попытка дать характеристику риска как формы деятельности, осуществляемой субъектом в условиях неопределенности, ситуации неизбежного выбора и объективной возможности при этом оценить вероятность результата реализации выбранных решений. Поскольку риск как социальное явление изучается различными общественными науками, то возникает потребность показать специфику и своеобразие риска в конкретных областях научного знания, и прежде всего тех, в которых проблема риска активно разрабатывается. К ним относятся право, психология, экономика, социальные вопросы оценки технологий. Ретроспективно оценивая проводимые в мировой литературе исследования, посвященные риску, можно, хотя и с некоторой долей условности, утверждать, что происходило это в следующей последовательности: правовые, затем экономические науки, психология и социальная психология. В конце 70-х — начале 80-х годов появляются работы, рассматривающие технологический риск как объект социальных исследований. Указанная временная логика и выбрана в качестве условия, определившего последовательность параграфов данной главы.

### § 1. Правовой аспект риска

В правовой литературе обращается внимание на то, что понятие „риск” имеет длительную историю — его применяли к отдельным институтам еще римские юристы, упоминаемая, например, о „риске кредита”, „об отсрочке за чей-то риск”<sup>1</sup>. Однако активно юридический аспект риска стал исследоваться с конца XIX — начала XX века в связи с разработкой проблем страхования<sup>2</sup>, и особенно концепции объективной ответственности за причинение. Ее смысл состоит в том, что риск должен нести тот, кто

действовал определенным образом, извлекал выгоду или рассчитывал на нее. К теориям, разработанным на принципе объективной ответственности за причинение, можно отнести: теорию „интегрального риска”, в рамках которой не различаются обстоятельства, усугубляющие или смягчающие вину причинителя; представителей „исторической школы”, считающих, что право по мере развития общества меняется (это ведет к возрастанию различий между гражданской и уголовной ответственностью, и поэтому нельзя возлагать ущерб только на того, кто лишь плохо действовал); теории „риска — необычайных действий” и „риска-выгоды”; теорию „профессионального риска”<sup>3</sup>.

Довольно широкое распространение в буржуазном праве получили теории „экономического риска”, „принятия риска” или „добровольного риска”, различные модификации теории „производственного риска”<sup>4</sup>.

Современная буржуазная юриспруденция использует понятие риска в гражданском, уголовном и торговом праве, в системе страхования, при осуществлении банковских и биржевых операций. В частности, в буржуазном праве „рисковый договор” предполагает, что сторона, рассчитывающая на получение выгоды, рискует тем, что произведенные ею затраты могут не окупиться.

В буржуазной криминологии термин „риск”, например, употребляется в связи с анализом понятия „дефективный делинквент”. К этой категории относят лиц дефективных в интеллектуальном отношении или эмоционально неуравновешенных, продемонстрировавших преступное или устойчивое антисоциальное поведение. Это делает необходимыми их изоляцию или осуществление определенных мер воздействия до тех пор, пока их освобождение не будет рассматриваться как разумный риск для общества.

В советской правовой науке юридический аспект риска имеет своеобразную историю. Категория „риск” широко использовалась в истолковании действующего права в 20-е годы в связи с распространением представлений о том, что ответственность по гражданскому праву должна строиться на началах „причинения”. В 30-е годы в правовую науку активно входит принцип „ответственности за вину”. Концепция объективной ответственности, основанная на причинении, содержала в себе элементы буржуазной теории „профессионального риска”, сущность которой сводилась к частнопредпринимательской формуле: „Чья прибыль — того и риск”<sup>5</sup>. Это оказало существенное влияние на то, что категорию „риск” объявили „буржуазным понятием”, чуждым советскому гражданскому праву, и таковым оно считалось примерно до конца 50-х — начала 60-х годов, то есть советское право несколько десятилетий игнорировало категорию „риск”. Затем это понятие постепенно отвоевывает „место под солнцем” в немногочисленных теоретических работах, включается в правовые отношения хозяйственной и экономической практики.

Анализ правового аспекта риска осложняется тем, что в юридической литературе и законодательстве термин „риск” используется для обозначения разных правовых явлений. Кроме того, многогранность этой категории, ее различное этимологическое значение вызывают к жизни обилие многочисленных и зачастую противоречивых толкований риска.

Основные разногласия между юристами сводятся к следующим вопросам: по отношению к каким правовым явлениям целесообразно приме-

нять термин „риск“ и какой категорией (объективной или субъективной) он является?

Сторонники объективной концепции риска сводят содержание этого термина преимущественно к возможной опасности; угрозе благам; возможному ущербу; возложению убытков; явлениям, приводящим к материальным потерям. В рамках объективной концепции предлагается различное понимание сущности риска: одни под риском подразумевают правомерное опасное действие или возможность нежелательной случайности<sup>6</sup>; другие — „опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет“<sup>7</sup> или возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий в силу случайных обстоятельств<sup>8</sup>; третьи — определенные явления, наступление которых содержит возможность материальных потерь<sup>9</sup>. Встречаются суждения о том, что риск — это объективная реальность и представляет собой неблагоприятный социальный результат, не столько возможный, сколько вероятный вред<sup>10</sup>, или риск — это случайная опасность уменьшения блага, с которой закон связывает определенные последствия<sup>11</sup>. Анализ различных определений риска, встречающихся в литературе, посвященной вопросам страхования, дает болгарский юрист И. Кацаров<sup>12</sup>.

Субъективная концепция правового риска нашла обоснование в работах С. Н. Братуся, В. А. Ойгензихта, Л. К. Терещенко и других юристов<sup>13</sup>. Смысл данной концепции состоит в том, что риск рассматривается как субъективная категория, которая характеризует психологическое отношение субъекта к результату собственных и чужих действий. Риск представляет собой детерминированный выбор поведения в ситуации, не исключающей достижения нежеланного результата, регулирование поведения в необходимом направлении, сознательное допущение этого преимущественно случайного результата и возложение связанных с ним отрицательных последствий<sup>14</sup>.

Высказываются также суждения о том, что две основные концепции правового риска не противостоят, а дополняют друг друга, то есть наряду с субъективной концепцией риска в определенных случаях и применительно к некоторым явлениям имеет право на существование и объективная концепция риска<sup>15</sup>.

Наряду с различиями в понимании природы риска идут споры и по поводу того, к каким правовым явлениям применимо это понятие. Так, В. А. Ойгензихт считает, что риск является основанием ответственности в тех случаях, когда деятельность сама по себе неправопозна (противоправности в деятельности источника повышенной опасности нет), но может сопровождаться нарушением субъективных прав другого лица. Риск как осознанное допущение в результате случайных обстоятельств отрицательных имущественных последствий для других лиц означает принятие этих последствий для субъекта деятельности, то есть для того, кто рискует. В. А. Ойгензихт различает риск, являющийся основанием ответственности при случайных, но противоправных обстоятельствах, и риск как основание принятия (возложения, распределения) убытков, когда нет противоправности при объективно случайных обстоятельствах или когда потери допущены в результате правомерных действий субъектов<sup>16</sup>. Критерием разграничения этих двух видов риска выступает противоправность.

О. В. Красавчиков считает, что значение правовой категории риска не исчерпывается, как утверждают некоторые юристы, отношениями по подряду и страхованию. Она распространяется на все важные виды имущественных гражданско-правовых связей и отношений. Он исходит из того, что если нет вины, то нет и ответственности. Основой возникновения обязанности возмещения вреда, так же как и при страховании, является система риска. Это иное, чем ответственность, гражданско-правовое начало возмещения вреда. В связи с этим О. В. Красавчиков выделяет в гражданском праве категории общего и специального риска<sup>17</sup>. Общий риск означает, что на определенном лице в силу закона или договора лежит обязанность принимать на себя невыгодные имущественные последствия, которые могут иметь место из-за субъективно-случайных (невиновных) и объективно-случайных обстоятельств. Несение риска – это несение предусмотренной законом обязанности „принять на себя” убытки, которые могут возникнуть в силу случайных обстоятельств. Такого рода риск присущ, например, подрядчику в части выполнения им предусмотренных договором работ, продавцу – до передачи имущества покупателю. О. В. Красавчиков считает, что нормы общего риска могут применяться тогда, когда в силу того, что вред возник случайно, не наступает ответственность и нет оснований для применения норм специального риска. Последний предполагает, что человек обязан принять на себя невыгодные имущественные последствия, которые появляются в результате субъективно-случайных (невиновных) обстоятельств. Например, организация, осуществляющая хранение имущества, должна возместить возникшие потери, кроме случаев, когда происходит объективно-случайный вред.

Некоторые авторы рассматривают риск как основание защиты имущественных интересов граждан – участников дорожно-транспортных происшествий (ДТП) и показывают его значение для объяснения безвиной ответственности<sup>18</sup>. В. Е. Агапеев и Д. Н. Розанцева, в частности, считают неправомерной классификацию риска как самостоятельного (наряду с виной) субъективного основания безвиной ответственности, в том числе и для индивидуальных владельцев транспортных средств. Заслуживает интереса высказываемая авторами статьи мысль о том, что категория „риск” в гражданском праве – инструмент, позволяющий своевременно и эффективно регулировать имущественные отношения, возникающие вследствие превращения возможной опасности в действительность. Такой подход позволяет практически использовать категорию риска благодаря применению ее в сфере защиты интересов граждан – участников дорожно-транспортных происшествий. Риск как основание защиты участников ДТП требует принятия государством эффективных мер для предохранения прав и интересов граждан от последствий наступления опасности в результате дорожно-транспортных происшествий. Практическое применение риска как основания защиты предполагает необходимость внедрения, совершенствования и развития страховых способов, разработки правом таких мер защиты, которые бы наиболее полно предохраняли интересы владельцев автотранспортных средств.

Понятие „риск” частично используется на практике при осуществлении операций, связанных со страхованием, в юридических отношениях между учреждениями, организациями, предприятиями, например при железнодорожных, автомобильных или авиационных перевозках, товарно-складских

операциях, учитывается в структуре правовых отношений, возникающих в связи с обязательствами как договорного, так и внедоговорного характера<sup>19</sup>.

Даже краткий анализ юридической литературы о риске позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, риск юристами рассматривается как категория либо объективная, либо субъективная. Во-вторых, сущность правового аспекта риска состоит в том, что он может выступать предметом правового регулирования между людьми, организациями и учреждениями. В-третьих, риск может выступать актом поведения субъекта правовых отношений, выраженным в действии или бездействии. И наконец, основным элементом риска, с точки зрения многих представителей правовой науки, является возможность наступления нежелательных последствий для субъекта, вступающего в правовые отношения, в результате действия непредвиденных, случайных факторов или неблагоприятных обстоятельств.

## § 2. Экономические науки и риск

В условиях преимущественно экстенсивного развития народного хозяйства экономические науки развивали в основном детерминистские представления, в рамках которых преимущественно и объяснялась специфика развития социалистических общественных отношений, решались задачи оптимизации планирования и управления. Постулат жесткой детерминированности экономических процессов неизбежно исключает из социалистических отношений элементы неопределенности, поскольку плановый орган якобы обладает полной информацией о каждом хозяйственном объекте и может точно прогнозировать его поведение и развитие. В этом случае трудно привести сколько-нибудь убедительные аргументы против целесообразности управления экономикой преимущественно административными методами. Кроме того, детерминистский подход к пониманию развития экономических процессов порождает иллюзию возможности всеобъемлющего „машинного” планирования экономики. Все дело заключается в этом случае лишь в вычислительной сложности проблемы. И наконец, в рамках детерминистской концепции не остается места риску, поскольку она игнорирует наличие в общественных процессах социалистического производства элементов неопределенности.

Коренные изменения, происходящие в последнее десятилетие в экономике большинства социалистических стран, способствовали отказу от постулата детерминированности экономических процессов и распространению идей их вероятностного характера, стохастичности хозяйственного развития<sup>20</sup>. Поскольку логика развития экономической, хозяйственной жизни настойчиво требует учета элементов случайности и неопределенности в общественном развитии, то из этого объективно вытекает потребность изучения экономического аспекта риска. Это понятно: социалистическая экономика вырастает из прежних „одежек”, и ей необходимы новые формы.

Многие экономисты-марксисты, анализирующие вопросы управления, планирования, производственной деятельности предприятий, соотношения спроса и предложения, специфики научно-технического прогресса в усло-



виях социализма в связи с проблемой риска, высказывают обоснованные суждения о том, что в настоящее время без обстоятельного учета риска при принятии управленческих, хозяйственных и технических решений трудно обойтись. Риск становится необходимым элементом принятия решений в социалистической экономике. Признание вероятностного характера развития экономических систем, осознание того, что запланированный экономический рост подвержен влиянию случайных факторов, которые могут задержать наступление ожидаемого результата или изменить его содержание, ставят на повестку дня проблему экономического риска. Теория и особенно практика показывают, что игнорирование риска становится тормозом научно-технического прогресса, развития социалистического общества. В связи с этим уместно вспомнить слова В. В. Куйбышева о том, что „вопрос о „риске” — один из злободневнейших и актуальных вопросов, и от разрешения его в значительной степени будут зависеть сохранение принятых нами темпов развития и выполнения планов нашего хозяйственного развития. Для всех должно быть, наконец, совершенно ясно, что там, где нет опыта, где нет эксперимента, где нет известной доли риска, там не может быть того проявления инициативы... которую мы вправе ожидать и без которой мы не сумеем революционизировать надлежащим темпом наше производство”<sup>21</sup>. Это было сказано в начале 30-х годов.

В социалистических странах, и прежде всего в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии, СССР, в последние полтора-два десятилетия появился ряд работ, в которых анализируются различные аспекты хозяйственного риска. Прежде всего здесь можно выделить статьи и книги, в которых исследуется роль и значение риска в структуре социалистической экономики<sup>22</sup>. Проблема хозяйственного риска обстоятельно обсуждалась в 1978 году в Болгарии на национальной партийной конференции<sup>23</sup>. Вопрос о риске в связи с развитием акционерной формы экономики затрагивался в отчетном докладе на XIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 1987 году<sup>24</sup>.

Характерно, что в большинстве работ обращается внимание на то, что категория риска необоснованно исключается из большинства экономических построений и что нецелесообразно содержание риска сводить только к ущербу, связанному с реализацией выбранного решения. Такое одностороннее понимание риска существенно ограничивает его использование в экономической жизни социалистического общества.

К числу общих признаков хозяйственного риска при социализме некоторые авторы, в частности, относят субъекты — социалистические организации и их подразделения; сферу действия — социалистическую экономику; выбор вариантов поведения и принятие нестандартных решений, адекватных конкретной экономической обстановке; допустимость ответственности за принятие решений. При этом экономический риск представляет собой „вызванное конкретной ситуацией и направленное на достижение оптимальных результатов принятие социалистическими организациями и их подразделениями хозяйственных решений в условиях вероятности наступления непредвиденных факторов, полностью или частично исключающих целесообразность принятых ранее решений”<sup>25</sup>.

Наряду с решением общеметодологических проблем в ряде работ выявляются различные аспекты хозяйственного риска применительно к тем или иным сферам экономической жизни. Например:

— как должны решаться финансовые задачи в условиях риска при заключении внешнеторговых, кредитных и других сделок<sup>26</sup>;

— что такое валютный риск, каковы формы его проявления в международной кредитно-расчетной практике и способы защиты от риска изменения курсов валют и их инфляционного обесценивания<sup>27</sup>;

— каковы особенности риска директора при внедрении нововведений<sup>28</sup>;

— в чем специфика риска при разработке проблем научно-технического развития<sup>29</sup>.

Некоторые специалисты обращают внимание на то, что существуют принципиальные различия в оценке экономического риска в социалистических и капиталистических странах. Так, например, директор Института экономики и организации промышленного производства, член-корреспондент АН СССР А. Г. Гранберг считает, что для нашей практики характерна *асимметрия экономического риска*<sup>30</sup>. Имеется в виду, что на внедрении научно-технических достижений можно сильно проиграть, но почти невозможно крупно выиграть. Хозяйственник приучен к тому, что если он получит большой реальный эффект от технического нововведения, то прибыль у него отнимут путем ее изъятия, снижения цен и т. п. В то же время невыполнение плана на один-два процента из-за трудностей освоения нового изделия или технологии часто ведет к серьезным санкциям. В этом одна из причин, которые отбивают у руководителя желание в таких условиях хозяйствования идти на риск.

Таковы некоторые моменты экономического аспекта риска, называемого в марксистской экономической литературе „хозяйственным“, „производственным“ или „производственно-хозяйственным риском“\*.

Широко обсуждается проблема риска в буржуазной экономической литературе. Риск при этом исследуется в основном в связи с коммерческой, управленческой деятельностью, биржевой игрой, прибылью и т. д. Только в англоязычных странах издается около десятка специальных журналов о риске. Например: „Risk“, „Risk analysis“, „Risk abstracts“, „Risk management“, „Risk management news“, „Risk measurement service“ и др.

Один из вариантов применения понятия риска к капиталистической экономике связан с именем Дж. М. Кейнса<sup>31</sup>. Он обосновывает идею о том, что в стоимость должны входить возможные затраты, вызванные непредвиденными изменениями рыночных цен, чрезмерным износом оборудования или разрушениями в результате катастроф. В связи с этим Кейнс говорит об „издержках риска“, которые необходимы для покрытия возможного отклонения действительной выручки от ожидаемой. Он считает, что в экономической жизни целесообразно учитывать три основных вида риска.

Во-первых, это риск предпринимателя или заемщика, который возникает ввиду сомнения насчет того, удастся ли действительно получить ту перспективную выгоду, на которую он рассчитывает. Этот вид риска возникает тогда, когда человек пускает в ход только свои деньги.

Во-вторых, это риск кредитора. Он возникает там, где практикуются кредитные операции, под которыми Кейнс понимает предоставление ссуд

\* Применяемые в марксистской литературе понятия риска: „производственный“, „хозяйственный“, „экономический“, „производственно-хозяйственный“ — имеют другое содержание и употребляются в ином смысле, чем в буржуазных теориях.

под реальное или личное обеспечение. Этот риск может быть связан с сомнением насчет обоснованности оказанного доверия, то есть с опасностью намеренного банкротства или других попыток должника уклониться от выполнения обязательств (в том числе и легальными способами), а также с возможной недостаточностью размеров обеспечения, то есть с опасностью невольного банкротства из-за того, что расчеты заемщика на получение дохода не оправдались.

Третий вид риска связан с возможным уменьшением ценности денежной единицы. Исходя из этого, Кейнс считал, что денежный заем в известной мере менее надежен, чем реальное имущество. Этот вид риска, как и первые два, также требует предварительной оценки.

В рамках буржуазной экономической науки особое место занимают классическая и неоклассическая теории риска.

При исследовании предпринимательской прибыли такие представители классической теории риска, как Милль, Сениор, различали в структуре предпринимательского дохода процент (как долю на вложенный капитал), „заработную плату капиталиста” и плату за риск (как возмещение возможного риска, связанного с предпринимательской деятельностью). В классической теории экономического риска последний отождествляется с математическим ожиданием потерь, которые могут произойти в результате реализации выбранного решения. Риск здесь не что иное, как ущерб, который наносится осуществлением данного решения. Такое одностороннее толкование его содержания вызвало резкие возражения даже у части буржуазных экономистов, что повлекло за собой выработку иного понимания риска.

В 20–30-е годы XX столетия экономисты А. Маршалл и А. Пигу разработали основы неоклассической теории экономического риска. Эта теория включает в себя следующие основные моменты. Предприятие, которое работает в условиях неопределенности и прибыль которого является величиной случайно-переменной, должно руководствоваться в своей деятельности двумя критериями: размерами ожидаемой прибыли и величиной ее возможных колебаний<sup>32</sup>. Поведение предпринимателя, согласно неоклассической теории риска, обуславливается концепцией предельной полезности. Это означает, что если нужно выбрать один из двух вариантов капиталовложений, дающих одинаковую предполагаемую прибыль, то выбирается такой вариант, в котором колебания этой прибыли меньше. Из неоклассической теории риска следует: верная прибыль имеет большую полезность, чем прибыль того же ожидаемого размера, но связанная с возможными колебаниями. Отсюда А. Маршалл делает вывод о том, что невыгодно держать пари, играть в лотереях и вообще участвовать в азартных играх. Однако нашлись и противники такой точки зрения, считавшие, что в этой рекомендации не учитывается удовольствие, которое получают люди, участвующие в азартных играх. В частности, на роль „склонности к азарту” в деятельности капиталистических предприятий обратил внимание Дж. М. Кейнс<sup>33</sup>. Дополнение неоклассической теории фактором удовольствия от риска привело к заключению о том, что ради большей ожидаемой прибыли предприниматель может пойти на больший риск.

В буржуазной экономической литературе отмечается, что одной из сложных проблем предпринимательской деятельности является выбор оптимального варианта вложения капитала. Предприниматель в этом случае

сталкивается с различными разновидностями неопределенностей. В своей совокупности они образуют так называемую критическую неопределенность, при которой вступает в действие элемент риска. Поэтому перед предпринимателем возникает непростая задача – определить степень риска, учитывая рыночную конъюнктуру и влияние других факторов.

Знакомство с экономической литературой, в которой рассматриваются проблемы риска, позволяет обозначить некоторые моменты, составляющие специфику экономического аспекта риска. В ряде случаев риск отождествляется с возможным материальным ущербом, связанным с реализацией выбранного хозяйственного, организационного, технического решения, с авариями, стихийными бедствиями, банкротством предприятия, уменьшением ценности акций, денежной единицы и т. д. В некоторых работах высказываются суждения о том, что риск представляет собой возможность отклонения от цели, ради достижения которой принималось экономическое решение. Причем такое отклонение может приобретать форму возможной неудачи или вероятности получения большей, чем ожидалось, прибыли.

### § 3. Психологический аспект риска

Существует мнение, что к концу XX столетия главенствующее место среди всех наук займет психология. От ее достижений, от умения применять их в практической деятельности темпы развития многих сторон общественной жизни будут зависеть не меньше, чем от прогресса в технике, технических и естественнонаучных дисциплинах. Даже если не разделять оптимизма по поводу превращения психологии в скором будущем в лидера наук, следует признать, что внедрение в практику результатов научно обоснованных психологических исследований значительно повышает эффективность различных видов деятельности. В определенной мере это относится и к проблеме риска.

В психологии риск исследуется преимущественно в рамках теории *мотивации достижения*, *теории решений* и концепции *надситуативной активности*. Разные подходы предполагают и различное понимание феномена „риск”. Выделим основные из них.

Риск в психологии может означать „обращение к деятельности при отсутствии уверенности в достижении ее цели”<sup>34</sup>.

Под риском подразумевается действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено для человека с элементами опасности, угрозой потери, неуспеха (проигрыш, травма, заболевание, смерть и т. д.)<sup>35</sup>.

Сочетание этих двух подходов создает предпосылки для того, чтобы рассматривать риск как ситуативную характеристику деятельности, которая включает неопределенность исхода и возможные неблагоприятные последствия в случае неуспеха<sup>36</sup>.

Иногда риск предстает как мера ожидаемой неудачи, неблагоприятия при неуспехе в деятельности. Эта мера определяется соотношением вероятности неуспеха и степени неблагоприятных последствий, которые могут наступить в этом случае.

В некоторых исследованиях под риском понимается ситуация неизбеж-

ного выбора между несколькими вариантами действия: менее привлекательным, но более надежным и более привлекательным, но менее надежным. Исход второго варианта всегда проблематичен и связан с возможными неблагоприятными последствиями. Такой подход к пониманию риска позволяет в рамках концепции мотивации достижения объяснять проявление у личности тенденции к риску в условиях свободного выбора задач различной трудности, выяснять связи между чертами и качествами человека, его темпераментом, мотивами поведения, с одной стороны, и повышенной или пониженной склонностью к риску – с другой.

Психология стремится исследовать причины, условия, обстоятельства, которые заставляют одних людей избегать риска, а других – добровольно ставить себя в нелегкие ситуации. Последние вполне могли бы не подвергать себя опасному риску, ходить в определенный час на работу и в определенный час возвращаться домой, в одно и то же время завтракать, обедать и ужинать. Но почему-то им это не нравится. Им больше по душе мерзнуть в суробах на Крайнем Севере, изнывать от зноя в пустыне, пробиваться под проливным дождем, борясь с назойливыми комарами, в джунглях тайги. Вот всего лишь один пример из жизни „любителей приключений”. Вулканолог В. Андреев и кинооператор В. Иванченко, прекрасно понимая, что они весьма и весьма рискуют, вызвались добровольно заснять момент извержения Ключевского вулкана. Прихватив с собой палатку, кинокамеру, приборы, они поднялись почти на 5 тысяч метров, шли по склону, с которого сносило пепел и газы, обморозили пальцы и щеки: у подножия было плюс 20, а на вершине – около минус 40 градусов. Сделанные с 10 – 15 метров кадры стремительно несущейся магмы, фонтанов брызг, клубов пара, образующихся от соприкосновения раскаленной лавы с ледником, уникальны. Заснятый материал помог разгадать некоторые тайны каменного факела. Но ведь не каждый человек намеренно поставит себя в такую рискованную для жизни ситуацию в целях получения научных знаний.

Аналогичные ситуации нередко и становятся предметом исследования применительно к рассмотрению риска в рамках *концепции мотивации достижения успеха*, которая изучает мотивационную сферу человека, отражающую стремление личности к наилучшему выполнению деятельности в ситуации достижения. Рассмотрим подробнее содержание этой теории.

Человек в профессиональной, учебной, спортивной и других видах деятельности часто сталкивается с ситуациями, которые характеризуются наличием двух условий: задачи, которую необходимо выполнить, и стандарта качества выполнения этой задачи. Такие ситуации называются ситуациями достижения. В реальной жизни не существует одинаковых людей и характеров, но тем не менее по отношению к опасности и по форме поведения в сложных, экстремальных ситуациях их условно можно разделить на два основных типа. Одни, добиваясь осуществления той или иной цели, стремятся к тому, чтобы достичь успеха, чтобы ценой даже больших усилий получить желаемый результат. Такие люди решительны, инициативны, деловиты, испытывают постоянную тягу к риску, причем как к разумному, так иногда и к неоправданному. Эти качества особенно ярко проявляются в сложных ситуациях, когда поступки связаны с риском и необходимостью выбора из нескольких: альтернатив.

Если первый тип можно назвать „типом смельчака”, часто рискующего

в расчете на счастливую случайность, то второй — это осторожный человек. Для него главное — избежать неудачи, неуспеха при выполнении тех или иных действий, достижении различных целей. Он, как правило, проявляет сдержанность при виде опасности, которая могла бы угрожать ему неприятными последствиями. Такой человек направляет свои усилия преимущественно на то, чтобы уклониться от участия в деятельности, связанной с риском. При этом целесообразно иметь в виду, что отношение к риску у людей первого и второго типов в различных ситуациях может быть неодинаково. Например, в зависимости от структуры окружающей среды один и тот же человек может либо избегать риска, либо стремиться к нему. Как справедливо заметил Ю. Козелецкий, „известно, что многие директора и руководители предприятий, которые не отваживаются на принятие какого-либо новаторского и смелого профессионального решения, могут в то же время разогнать свой автомобиль до скорости, граничащей с безрассудством”<sup>37</sup>. Однако в целом можно сделать вывод о том, что в ситуациях достижения в деятельности личности проявляются две противоположно направленные тенденции: стремление достичь успеха и стремление избежать неудачи.

Вывод о том, что при выборе решений, содержащих риск, наряду с объективными условиями обстановки важное значение имеют определенные черты человека, идущего на риск, предполагает необходимость учитывать в ходе воспитания, обучения, осуществления профессионально-ориентационной работы особенности мотивов достижения, которые наиболее интенсивно формируются в детстве. Одновременно важным является применение тестов, проведение исследований, ориентированных на выявление склонности данного человека к риску, поскольку это имеет, например, непосредственное практическое значение для выбора профессии<sup>38</sup>, ибо в разных видах деятельности тот или иной тип поведения приводит к различным результатам и последствиям.

Определенную положительную роль играют и рекомендации по развитию в ситуации риска трудовой деятельности. В этих целях может быть использован или игровой, или творческий путь. Проиллюстрируем их различия на примере работы водителя автомобиля. Представим ситуацию, в которой человек обучается вождению автомашины. Он испытывает волнение от ошибок, неудач и в то же время радость от успехов. По истечении какого-то времени у него вырабатываются необходимые навыки управления автомобилем. Он выполняет многие операции автоматически, не особенно задумываясь над своими действиями. Порой это приводит к тому, что интерес к освоению деятельности начинает падать. Для поисков источников удовлетворения осуществляемой деятельностью человек может стать на путь преднамеренного ее усложнения. Это делается с целью повышения эмоциональной привлекательности работы. Например, водитель получает радость от того, что способен успешно выполнить обгон не только на широком участке дороги, как он обычно делал, но и на узком. Отмеченная тенденция свойственна *игровой* деятельности, которая применительно к рассматриваемому случаю означает, что водитель стремится ввести в свою трудовую деятельность элементы игры. Такой путь для некоторых профессий и видов деятельности чреват негативными последствиями. Дело в том, что человек постепенно привыкает и к опасным маневрам. Чтобы таким способом поддерживать интерес к труду, требуется постоянно усложнять

условия „игры”, то есть создавать все более рискованные ситуации. И не исключена возможность, что это рано или поздно приведет к несчастью, аварии.

Но для поддержания интереса к повседневному труду существует и более разумный путь, связанный с внесением в трудовой процесс элементов творческой деятельности. Например, шофер стремится вести машину так, чтобы меньше расходовать горючего, уменьшить износ шин, находиться в такой позе, в которой меньше устаешь, и т. д. Творческий путь поддержания интереса к повседневному труду в большинстве случаев оказывается более целесообразным и продуктивным, чем игровой. Но практика показывает, что многим молодым людям свойственно предпочтение именно игрового пути. Одна из причин этого — в том, что творческий путь требует выдержки, упорства, терпения. Другая связана со склонностью большинства молодежи к риску. Поэтому часто и получается, что молодому рабочему легче, приятнее пойти по игровому пути поддержания интереса к своему труду, создавая при этом как оправданные, так и неоправданные ситуации риска. Эту закономерность развития трудовой деятельности необходимо учитывать, занимаясь профориентационной работой.

В условиях научно-технической революции значительно возрастает роль эмоционально-волевых компонентов деятельности. Поэтому в целях повышения эффективности профессионально-ориентационной работы психологи разрабатывают различные тесты для диагностики отношения человека к принятию риска. Например, в лаборатории профессиональной психодиагностики НИИ психологии УССР создан аппаратный тест, моделирующий ситуацию риска в деятельности оператора и предназначенный для целей профориентации и профотбора<sup>39</sup>. В данном исследовании риск рассматривается как вероятность того, что осуществление определенного поведения повлечет за собой — прямо или косвенно — различные неблагоприятные последствия для субъекта. При этом под степенью риска (R) подразумеваются функции вероятности неблагоприятных последствий (p) и их величины (x):  $R=f(p, x)$ . Поведение, сопряженное с некоторой степенью риска, называется рискованным, а наличие „безопасной” альтернативы связывается с выбором того или иного поведения самим субъектом. На основе исходных данных, раскрывающих различное отношение людей к принятию рискованного поведения, и был разработан диагностический тест, реализуемый при помощи специально сконструированного аппарата „Психодиагност”. Предлагаемая методика может быть использована для отбора курсантов в летные училища гражданской авиации; кроме того, ее авторами высказывается предположение, что она имеет достаточную прогностическую ценность и для определения профпригодности авиадиспетчеров, диспетчеров энергосистем и некоторых других операторских профессий.

В психологических исследованиях риск рассматривается иногда как ситуация выбора между двумя возможными вариантами действия. При этом обычно выделяют ситуации, при которых неуспех влечет за собой наказание (физическая угроза, болевое воздействие, социальные санкции) и ситуации, в которых успех и неуспех оцениваются в зависимости от того, к достижению целей какой сложности считает человек себя способным. Если субъект стремится к повышению самооценки в условиях свободного выбора степени трудности очередного действия, то это ведет к появле-

нию противоборства между двумя основными тенденциями — тенденцией повысить притязания, чтобы иметь максимальный успех, и тенденцией снизить притязания, чтобы избежать неудачи. Снижение трудности избираемой цели после успеха или ее повышение после неудачи свидетельствует о нереалистическом уровне притязаний, то есть о неадекватной самооценке. Люди, обладающие реалистическим уровнем притязаний, отличаются уверенностью в своих силах, настойчивостью в достижении цели, критичностью в оценке достигнутого. Неадекватность самооценки может приводить к завышенным или заниженным притязаниям. В поведении это проявляется в выборе слишком трудных или слишком легких целей, в неуверенности в своих силах, в тенденции избегать ситуации риска, соревновательности, в некритичности при оценке достигнутого, в ошибочности прогнозов<sup>40</sup>.

Уровень притязаний — важная характеристика личности, которую необходимо учитывать при воспитании людей, осуществлении кадровой политики, ибо соответствие уровня притязаний возможностям человека — одно из основных условий гармоничного его развития. И наоборот, их несоответствие становится причиной возникновения конфликтов индивида с другими людьми, с самим собой, что может приводить к нежелательным нравственным, психологическим отклонениям в развитии личности.

Выявление своеобразия поведения людей в ситуациях оправданного и неоправданного риска позволяет сформулировать некоторые практические выводы, связанные с особенностями воспитательного воздействия, в частности, на молодежь. Для самоутверждения и самопроверки подростки часто совершают рискованные поступки, в том числе и опасные для жизни. Многим из них, как правило, свойственна тяга к неоправданному риску. Эту особенность поведения молодежи подметил еще английский философ-просветитель Дж. Локк, который утверждал, что молодые люди в определенном возрасте обязательно делают „скачки в сторону” и все, что мы можем пожелать, — чтобы эти скачки происходили на наших глазах. Воспитательное воздействие, направленное на подростков, должно считаться с этим своеобразием их психологии и поведения, учитывать, что воспитание, построенное в основном на запретах, дает противоположный эффект. Поэтому важное значение имеет разъяснение молодым людям в ненавязчивых формах различий между оправданным риском и ложной бравадой, использование мер и способов, помогающих развивать у них „страховочные механизмы” — сдержанность, рассудительность, сознательность, формировать разные полезные навыки. Одновременно необходимы ситуации, в которых подростки имели бы возможность проверить свои силы на трудном деле, сложных работе или задании. Иначе может произойти непоправимое: „человек, с малолетства лишенный возможности рисковать, совершать самостоятельные ошибки, заботиться о ком-то, вдруг в какой-то момент утрачивает признаки субъекта, превращается в объект, проще говоря, в марионетку, послушную, удобную для управления, но вряд ли способную на самостоятельную (счастливую, полноценную!) жизнь”<sup>41</sup>. А ведь многие органы воспитания, и прежде всего школа, в реальности функционируют так, что стремятся выхолостить самостоятельность, смелость, решительность в поступках детей и подростков. Инициативных ребят часто объявляют трудными. И это понятно, ибо гораздо проще работать с абсолютно послушными, легкоуправляемыми детьми, пусть



это поверхностное и даже лицемерное послушание. Такие методы породили не одно поколение демагогов и начетчиков.

Наряду с анализом риска в рамках теории мотивации достижения, с разработкой практических исследований, ориентированных на изучение отношения людей к риску, в психологических дисциплинах риск рассматривается также и как *элемент процесса решений*, который обычно связывается с измерением вероятности ошибки или успеха того или иного выбора в ситуации с несколькими альтернативами. Значимы при этом исследования, в которых понятие „риск” используется для анализа принятия решений в проблемных ситуациях<sup>42</sup>, которые, по мнению В. Д. Рудашевского, реализуются через противоречие между разнообразием внешней среды и набором установок субъекта, ограничивающих это разнообразие. От успеха разрешения данного противоречия зависит оптимальность принимаемого решения. В содержание проблемной ситуации входят компоненты, которые связаны с ее „информационным контуром”. Поскольку психологические детерминанты решения меняются от характера, объема и качества информации, то к числу информационных параметров проблемной ситуации относятся риск, конфликт и неопределенность. Существует две разновидности неопределенности: „закономерная” и „случайная”. „Закономерная” разновидность неопределенности связана с опережающим эффектом субъекта, с диалектическим противоречием превращения вероятного следствия, которого еще нет, в следствие осуществленное. „Случайная” — сопряжена с получением информации, которой оперируют принимающие решения субъекты. В соответствии с общими представлениями о риске, конфликте и неопределенности как информационных компонентах процесса принятия решений делается предположение о том, что „закономерная” разновидность неопределенности связана с конфликтом, а „случайная” — с риском. Суждения о взаимосвязи риска, конфликта и неопределенности подтверждаются экспериментальными данными, полученными на основе соответствующим образом организованной имитационной игры с группой научных сотрудников<sup>43</sup>. Полезность и необходимость таких исследований не вызывает сомнений. Анализ детерминирующей роли в процессе выбора решений таких компонентов проблемной ситуации, как риск, конфликт и неопределенность, способствует углубленному пониманию психологических механизмов, которые оказывают влияние на процесс принятия решений.

Около полутора десятилетий проблема риска в советской психологической литературе разрабатывается также и в рамках *надситуативной активности*<sup>44</sup>. В большинстве работ по психологии риска он рассматривается как прагматическая тенденция, связанная с расчетом шансов на успех. Это риск мотивированный, целесообразный. Он всегда рассчитан на ситуативные преимущества. Это риск для чего-то: ради самоутверждения, денег, карьеры и т. д. Вот один из экспериментов, раскрывающих сущность мотивированного риска. На вертикальной доске вырезан круг. По окружности с постоянной скоростью бегают огонек. Часть круга закрыта, и огонек то в зоне видимости, то скрыт. В закрытой части есть еще „запретная зона”, обозначенная красной штриховкой. Перед испытуемыми ставится задача: когда огонек скрывается — угадать, где он находится, и с помощью специальной кнопки вовремя его остановить, пока он не попал в „запретную зону”. Если он все-таки туда попадает, испытуемому в наушники подается резкий,

неприятный звук — „наказание”. Условия этой игры таковы: чем ближе к „запретной зоне” остановишь огонек, тем больше получишь очков. Рисковали в этих условиях почти все, и стимулом была возможность получить дополнительные очки.

В. А. Петровским, сформулировавший гипотезу о существовании „надситуативного” риска, экспериментально доказывает, что момент риска способен выступать не только в виде характеристики цели деятельности, реализующей ее мотив, внешний по отношению к самому риску, но и в виде самостоятельного мотива деятельности, то есть наряду с „разумным”, „целесообразным”, „мотивированным” риском существует и „бескорыстный” риск, „риск ради риска”, риск, очищенный от посторонних мотивов. „Надситуативный” риск как особая форма проявления активности субъекта связан с существованием „надситуативной активности”, представляющей собой способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Надситуативная активность выступает в явлениях творчества, познавательной, интеллектуальной активности, „бескорыстного” риска, сверхнормативной активности и позволяет субъекту преодолевать внешние и внутренние ограничения („барьеры”) деятельности. Наличие „бескорыстного”, „надситуативного” риска экспериментально наблюдается, в частности, в ситуациях, содержащих момент угрозы<sup>45</sup>. Определенные категории людей предпочитают опасные варианты действия безопасным при отсутствии внешнего побуждения к риску и идут на риск, не извлекая при этом каких-либо видимых ситуативных преимуществ. Проводимые эксперименты (а в них в отличие от приведенного выше не было никаких стимулов, никаких очков) показали, что усиление опасности (например, сильный, труднопереносимый звук, подаваемый в наушники) у некоторых людей значительно обостряет склонность к риску. Существование „надситуативного” риска подтверждают данные о том, что около половины всех испытуемых выходили в зону риска, хотя ни содержание экспериментальной интерпретации, ни введенный экспериментатором критерий успешности действия сами по себе не могли побуждать к риску. В ходе проводимых В. А. Петровским исследований была установлена связь между профессиями испытуемых и тенденцией к „надситуативному” риску. Так, представители опасных профессий (электрики-монтажники высоковольтных сетей, пожарные, некоторые группы спортсменов) рискуют значительно чаще и с более высокой степенью риска, чем другие испытуемые. Имеются также зависимости между успешностью профессиональной деятельности и склонностью к „надситуативному” риску.

Существование немотивированного риска связано с наличием у людей механизма самоподражания: чтобы освоить и осуществить любое действие, человек его сначала мысленно „проигрывает”. Это один из способов нашей психики осваивать новое. Когда складываются навыки, то предварительное моделирование ситуации в уме „сворачивается”, происходит мгновенно — человек действует уже как бы автоматически. Меняется ситуация, и, чтобы освоить новое действие, снова начинается работа психики по предварительному проигрыванию предстоящих операций. Механизм связи самоподражания и риска построен на следующей особенности человеческой психики — когда мысленно прикидывается будущее рискованное действие, то может возникать страх, поскольку представляются не только возможные выгоды.

но и неудачи, опасности. Страх может резко ослабить самоконтроль, вырабатываемый по мере взросления человека. Возникает усиленное, навязчивое самоподражание – подражание своим представлениям. И совершается рискованный немотивированный поступок. „Опасность притягивает, манит, а на самом деле притягивает, манит мысленное действие, которое мы на фоне страха не можем повторить. Поэтому, когда нам не только запрещают что-то делать, но еще и запугивают нас последствиями, часто добиваются как раз противоположного”<sup>46</sup>. Представим, что будет, если человеку сказать: „Смотри только в эту точку, а вон в ту смотреть нельзя” – и особым прибором фиксировать движения глаз. Обычно у испытуемых возникает неосознанное желание поглядывать в запрещенную точку. Взрослые могут противостоять такому искушению. А вот дети далеко не всегда. Если ребенку до трех-четырёх лет сказать: „Не бросай шарик”, он наверняка его бросит. Его наказывают за это, и, по всей видимости, напрасно. Он бросил шарик не из вредности. Он мысленно представил себе это действие, а не повторить его в реальности он пока не может, потому что мысленный и действительный планы у ребенка еще слишком слиты. Здесь раскрывается механизм освоения ребенком запрета. Он делает это, совершая запрещенное действие. И только на десятый или сороковой раз он сможет представить – и не сделать. Возможно, в связи с этим целесообразно дать ребенку в игре освоить то или иное действие, а потом уже запретить его.

Изучение „риска ради риска”, то есть риска как самоценности, как действия немотивированного, позволяет с новых позиций подходить к тайнам творческой деятельности, интуиции, воспитанию (особенно детей и подростков), разрабатывать конкретные рекомендации для тех работников, профессии которых связаны с повышенной степенью риска, способствует углубленному изучению механизма надситуативной активности, играющей важную роль в жизни человека.

Психологический аспект изучения риска открывает новые возможности изучения причин существования вредных привычек, объяснения некоторых особенностей поведения людей. Абстрагируясь в данном случае от экономических, социальных, политических, нравственных причин, связанных с названными явлениями, остановимся только на психологическом факторе, сопряженном с риском. Что может объединять склонность определенной части подростков и молодежи к алкоголю, наркотикам, токсическим веществам, курению, участию в неформальных группах, деятельность которых носит асоциальный характер? Это общее заложено, в частности, в объективном существовании повышенной склонности к риску, которая может проявляться в виде *мотивированного* и *немотивированного* риска. Максимализм, стремление к рискованным поступкам – черты, свойственные значительной части молодежи, и нередко приобщение к спиртному, наркотическим и токсическим веществам – своего рода бравада, самопроверка, метод общения. Любый подросток в смысле таящейся в нем энергии – это Везувий. И куда эта энергия выльется, зависит от многих факторов. Риск, отождествленный с опасностью для своего здоровья, предполагаемым наказанием из-за нарушения запрета, часто рассматривается только как победа над самим собой, как преодоление страха. Но для одного таковым является прыжок с десятиметровой вышки, а для другого – приобщение к наркотику или появление в общественных

местах с „экзотической” прической и в „эксцентричной” одежде. В подобного рода случаях риск, как правило, мотивирован, то есть это риск самоутверждения ради завоевания авторитета среди сверстников и т. д.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но к подобным результатам приводит не только риск мотивированный, но и „риск ради риска”, хотя механизм, определяющий путь такого рода действий, иной. Завершившийся успешно рискованный поступок обычно вызывает чувство удовлетворения от преодоленной опасности. Однако для одного такой опасностью может быть штурм сложной вершины в ненасть, а для другого, при отсутствии достаточно развитых нравственных, психологических „страховочных механизмов”, — квартирная кража. И в первом и во втором случае формируется своего рода привычка к опасности, но к опасности уже пройденной. Чтобы вкусить удовольствие, насладиться радостью победы, нужна новая и более сильная опасность. Так у человека может усиливаться склонность к риску, и он для него становится самоцелью. Этот риск может проявиться в занятиях альпинизмом, водно-моторным, авто- или горнолыжным спортом. Но может он найти свое выражение и в приобщении к курению, алкоголизму, токсикомании, наркомании, в различных становящихся не только лично, но и общественно опасными асоциальных действиях.

Отсюда вытекает естественное требование — система мер воздействия на молодежь должна учитывать, что их поведение определяется, наряду со многими другими обстоятельствами, мотивированным или немотивированным риском. Оба вида риска могут быть связаны как с сильной, так и со слабой волей. Высказываются суждения о том, что человеку со слабой волей чрезвычайно трудно устоять перед тягой к самоподражанию, особенно если оно усилено опасностью. Его тянет на опасность, как бабочку на огонь. Человек с сильной волей способен подавить стремление к самоподражанию и поэтому значительно чаще, чем в первом случае, может отказываться от рискованного действия, и прежде всего от неоправданного, неразумного. Но он может пойти на риск и сознательно. Таким образом, механизм самоподражания как бы подталкивает (в первом случае) человека идти на риск неосознанно; при наличии сильной воли (во втором случае) рискованное решение, как правило, принимается осознанно.

Анализ психологической литературы о риске позволяет сделать некоторые выводы. Существуют две основные разновидности риска — мотивированный и немотивированный. Степень принимаемого рискованного решения изменяется в зависимости от субъекта (индивид или группа), участвующего в выборе рискованной альтернативы. Мотивированный риск обычно отождествляется со следующими чертами и элементами: эмоциональным ожиданием неуспеха при достижении желаемой цели; мерой ожидаемой неудачи в случае неблагоприятного исхода деятельности или вероятностью наступления при осуществлении определенного действия неблагоприятных последствий для человека, идущего на риск; отсутствием уверенности в достижении поставленной цели; вероятностью достижения поставленной цели; выбором между несколькими вариантами действий: менее привлекательным, но более надежным и более привлекательным, но с меньшей степенью надежности.

#### § 4. Социальные аспекты оценки технологического риска

В 70-х — начале 80-х годов нынешнего столетия возникает новое направление исследований риска — „оценка технологического риска” или „анализ риска”. Оно представляет собой междисциплинарную область современной науки и основано на сотрудничестве специалистов различных профилей: экономистов, социологов, психологов, биологов, физиков, химиков, практических работников, занимающихся управленческой деятельностью. Причины появления исследований по оценке технологического риска связаны прежде всего с реальными процессами, сопровождающими развитие науки и техники в современных условиях. Научно-технический прогресс способен обострять противоречия, порождаемые внутренней разнородностью системы „человек — техника — природа”. Масштабы развития НТП обнаружили его сильные и слабые стороны: техника и технологии, принося людям блага, давая средства для решения материальных и социальных проблем, одновременно приносят в мир новые трудности и опасности, оказывают негативное воздействие на состояние природной среды, здоровье человека, становятся источником катастроф, аварий, то есть создают определенный фон риска. Высокую потенциальную опасность представляют собой крупные гидротехнические сооружения, мощные энергокомплексы, химические комбинаты по производству и переработке ядерного топлива. Свою лепту в этот процесс вносит возрастание плотности транспортных коммуникаций в воздухе, на земле и на воде, энерговооруженности оборудования, температур, давлений, скоростей и т. д. Отрицательные последствия распространения атомной энергетики, ядерного оружия, использования различных ядохимикатов, рекомбинации ДНК, стимуляторов роста при создании продуктов питания, новшеств фармакологии, проблема хранения отходов химического производства стали беспокоить и специалистов, и общественность, поскольку привели к реальному росту опасности для жизни отдельного человека и человечества в целом. Целесообразность изучения проблем оценки технологического риска и управления последним вытекает из признания большинством специалистов факта неустрашимости (по крайней мере на нынешнем этапе развития цивилизации) риска именно технологического происхождения. Ситуация в этой области близка к парадоксальной: усилиями специалистов непрерывно увеличивается надежность каждого агрегата, вводятся новые технические и организационные средства защиты и человека, и окружающей среды, однако при некотором улучшении отдельных показателей, например уменьшении числа аварий на тысячу работающих или единицу стоимости выпускаемой продукции, абсолютное количество подобных происшествий растет. Так, в США с 1950 по 1980 год число аварийных ситуаций при нефтепереработке увеличилось в 2,6 раза, почти в 6 раз возросло количество жертв и в 11 раз — экономический ущерб. Статистика обнаруживает в целом неблагоприятную тенденцию: при уменьшении вероятности каждого отдельного негативного события (катастрофа на транспорте, авария гидротехнического сооружения, химического производства или АЭС) масштабы последствий, если это событие происходит, как правило, заметно вырастают. Кроме того, нередко появление новых видов человеческой деятельности приносит и новые опасности.

Невозможность создания сегодня среды обитания, свободной от риска, расширение зоны негативных последствий научно-технического прогресса приковывают внимание различных специалистов к оценке технологического риска. Основная цель этих научных исследований — выработка точных и эффективных средств контроля, оценок степени и характера отрицательного влияния техногенных факторов на организм человека, состояние окружающей среды, прогнозирование возможных альтернатив, анализ экономических, социальных, юридических, политических, психологических и других оценок как сегодняшних, так и перспективных научно-технических достижений.

Поскольку риск из современной жизни принципиально неустраним, не может быть сведен к нулю, а внедрение новейших технологий в той или иной степени связано с вредными для человека последствиями, постольку и получила в последнее десятилетие развитие новая область научного знания, занимающаяся изучением риска научно-технического прогресса. Анализ советской и зарубежной литературы позволяет показать специфику социального аспекта оценки технологического риска, содержание и методы этих исследований, то есть представить, что же именно является объектом изучения специалистов и каким образом это делается.

В Советском Союзе вопросы оценки технологического риска стали активно разрабатываться в 70-е годы прежде всего в связи с проблемами безопасности при создании и внедрении новой техники и выяснением степени влияния на отдельных людей, все население или его часть радиационного излучения и нерадиационных факторов, таких, например, как тепловые электростанции, газ в быту, выхлопные газы автомобилей, пестицидная опасность и т. д.<sup>47</sup>

В ряде работ проблема технологического анализа риска затрагивается в связи с прогнозированием технических, экономических, психологических, социальных параметров новой техники<sup>48</sup>. При этом прогнозирование необходимо не только для выявления новых видов технологий, поиска вероятностных путей их развития, но и для того, чтобы определить, когда и где эти виды технологий могут появиться.

Интерес к вопросам анализа и контроля технологического риска значительно возрос в связи с развитием атомной энергетики, происшедшими в последние годы крупными авариями и катастрофами с большими материальными потерями и человеческими жертвами. Ряд инцидентов на атомных электростанциях США, Англии, ФРГ, авария в Чернобыле обострили понимание того, что мирный атом требует к себе особого подхода. В мире уже зафиксировано более 150 аварий на АЭС с утечкой радиоактивности. Подобные события высветили значимость проблемы безопасности не только в практическом, но и в методологическом плане, хотя очевидно, что интерес к ней обусловлен не только имевшими место авариями и катастрофами. Глубинные причины этого процесса связаны с неизбежным и закономерным следствием происходящей в мире научно-технической революции. В статье „Путь — к безопасности” В. Иванов и Б. Пахомов особо обратили внимание на то, что научный подход к обеспечению безопасности от аварий должен базироваться на трезвой оценке риска<sup>49</sup>. Это относится не только к атомной энергетике, но и к другим современным достижениям технического прогресса, будь то космонавтика, использование сверхдавлений, сверхтемператур или высокотоксичных химических веществ.

Новый этап научно-технической революции, который часто называют технологическим, требует отказа от многих традиционных подходов к развитию производства. На этом этапе на первый план выдвигаются не просто задачи создания новой или тиражирования старой техники, не вопросы „что и сколько?“, а вопросы „как и зачем?“, с каким материальным и социальным риском<sup>50</sup>.

Оценка риска при внедрении новых технологий не может, как считают многие специалисты, игнорировать человеческий фактор. Статистика показывает, что значительная доля несчастных случаев, аварий и катастроф связана с тем, что создатели новой техники плохо учитывают характеристики человека, который должен ею пользоваться. Вот всего лишь один факт, свидетельствующий о том, что с учетом человеческого фактора в советском машиностроении положение весьма неблагоприятное. Согласно проверке, проведенной ВЦСПС и Госстандартом СССР, из 2 тысяч моделей машин и механизмов, которые серийно выпускают предприятия 12 машиностроительных министерств, лишь 8% отвечают требованиям безопасности труда и условиям приспособляемости к человеку<sup>51</sup>. Всесторонний учет человеческого фактора при создании и внедрении новой техники и технологии должен опираться на признание противоречивости этого процесса. Важно не только приспособлять самого человека в соответствии с потребностями технического прогресса. Гармонизация создаваемых технических устройств, технологий и внутренних средств человеческой деятельности — задача социотехническая. Ее осуществление предполагает обязательное использование фундаментальных знаний о человеке и человеческой деятельности при проектировании новой техники. Современное ее решение требует преодоления давних адаптационно-гомеостатических подходов к организации взаимодействия человека и машины. Имеется в виду приспособление машины к человеку и приспособление человека к машине, достигаемое путем последовательных, постепенных приближений. Решение этой задачи предполагает также и правильную социальную ориентацию в человеческих аспектах научно-технического прогресса. Все это означает, что создание новой техники и технологии, оценка возникающего при этом риска — задача не только инженерная, но и социальная, нравственная<sup>52</sup>. Поскольку научный подход к оценке технологического риска должен учитывать человека, то естественен вопрос о критериях и требованиях, предъявляемых к риску, возникающему в ходе развития технического прогресса.

При решении этой проблемы в советской литературе можно выделить следующие основные подходы.

Иногда говорят, что одним из критериев развития научно-технического прогресса должно быть полное отсутствие опасности, риска для человека. Едва ли оправданна такая постановка вопроса. Во-первых, потому, что практически любой вид человеческой деятельности носит вероятностный характер и в силу этого связан с некоторым изначальным риском. Во-вторых, требование полного исключения риска аварий, возможной гибели людей при использовании технических достижений логично приводит к необходимости отказаться от самолетов, автомобилей, поездов и многих других порождений технического прогресса. Трудно представить, как такую концепцию развития техники можно претворить в жизнь. Более адекватным, реальным процессом является суждение о том, что „абсолют-

ная безопасность не достижима ни в одном виде человеческой деятельности, тем более в сфере промышленного производства”<sup>53</sup>.

Один из подходов к развитию научно-технического прогресса основывается на допущении, что риск, возникающий в результате использования новой техники и технологии, должен быть *меньше*, чем риск, имеющий место в процессе функционирования старой техники и технологии. Такой путь (если бы он мог быть реально осуществим) позволяет в процессе развития научно-технического прогресса обеспечить не только растущую интенсификацию производства, но и возрастающую степень безопасности.

Введение человеческого фактора при оценке технологического риска предполагает стремление к тому, чтобы безопасность гарантированно обеспечивалась на максимально возможном уровне, а отнюдь не на уровне, диктуемом сомнительными „экономическими” соображениями.

Примыкает к изложенной точке зрения подход, предполагающий минимизацию опасных последствий при условии достижения поставленных целей. Если даже этот минимальный риск оказывается выше некоторого общепринятого, то есть социально приемлемого, уровня, то развитие техники в рассматриваемом направлении следует на текущий момент признать нецелесообразным<sup>54</sup>. Концепция, ориентирующаяся при разработке и внедрении новой техники на установившиеся в общественной жизни, в производстве социально и экономически приемлемые уровни технологического риска, достаточно распространена и во многом может быть реализована на практике.

Очевидно, что не представляется возможным сформулировать единственный критерий допустимого риска для всех конкретных видов техники и технологии, однако развитие теории социальной оценки технологии создает благоприятные возможности для выработки общих методологических подходов к решению такой проблемы. Здесь важны учет технических мер и человеческого фактора и объективное сопоставление альтернативных вариантов, которые опирались бы не только на отечественный, но и на зарубежный опыт.

Оценка технологического риска тесно связана с социально-экономическим прогнозированием, которое препятствует созданию и применению видов технологии и техники, способствующих увеличению отрицательных последствий от их использования, превышающих социально приемлемый уровень риска. Оценка технологического риска должна включать в себя реализацию оптимального технологического выбора при максимизации общественных выгод и минимизации негативных следствий социального риска, оценку положительных экономических, экологических, нравственных, политических и других последствий этого выбора, определение вредных для общества эффектов от новой технологии, познание отрицательных последствий использования и развития существующих видов технологии и разработку новых, более приемлемых альтернативных решений. Эти задачи могут реализовываться лишь на основе системного, комплексного подхода. Так, например, всесторонне и обоснованно проанализировать положительные и негативные последствия применения пестицидов, искусственных добавок к продуктам питания, медикаментов невозможно вне общего руслу демографической политики, политики сельского хозяйства, здравоохранения и т. д.

Однако на практике эти методологические требования реализуются



далеко не всегда и часто по причине забвения роли человеческого фактора, увлечения чисто экономическими результатами, распространенности технократического подхода к развитию научно-технического прогресса. Так, в одном из интервью рассказывается о том, что пресловутая экономия при проектировании строительства дорог в конечном итоге оборачивается огромными экономическими и социальными потерями для общества<sup>55</sup>. Из экономии, например, не предусматриваются необходимые транспортные развязки, должное освещение, пешеходные и велосипедные дорожки, ограждения и многое другое, то есть в таких проектах уже закладываются будущие аварии, а стало быть, и человеческие жертвы. В целом треть всех проектов дорог общесоюзного значения возвращается в результате претензий, предъявляемых к ним органами ГАИ. А через некоторое время повторяется то же самое. Новый проект, и в нем опять сквозит упорное желание проектировщиков: побыстрее и подешевле. И это в то время, когда во всем мире доказано, что средства, потраченные на улучшение дорог, спасают сотни тысяч человеческих жизней. В Японии, например, 80% всех затрат, ассигнованных на безопасность дорожного движения, используется на совершенствование дорожных условий. И вот результат: при росте автопарка в 4 раза аварийность снизилась в 2 раза. Итак, плохие проекты значительно повышают опасность для человека, и, кроме того, по оценкам некоторых специалистов, потери народного хозяйства страны из-за плохих дорог достигают 10 миллиардов рублей.

Проблема оценки технологического риска активно разрабатывается и зарубежными учеными различных направлений. Об этом свидетельствует, в частности, значительное расширение в последнее десятилетие количества научных источников по вопросам анализа риска<sup>56</sup>. Увеличиваются финансовые ассигнования на решение этих вопросов. Так, к 1979 году в химической промышленности США они составили 25 – 30% всех затрат на научные исследования и разработки, а в фармакологической – более 50%. Это дает основания для утверждения о том, что „риск стал большим бизнесом”<sup>57</sup>.

Институционализация исследований риска повлекла за собой появление широкого круга нового типа специалистов – экспертов риска. Они, по мнению некоторых буржуазных социологов, составляют новую прослойку „технократической элиты”<sup>58</sup>. Высказываются суждения о том, что в настоящее время политическая власть должна осуществляться, опираясь не столько на специальные знания инженеров, технологов, техников и т. д. (как это предполагалось в классической форме технократии) или на специальные знания профессионалов-управляющих (как это предусматривается в классической форме менеджеризма), сколько на специальные знания экспертов в области технологического риска. Особую роль среди экспертов риска должны играть социологи, „которые в силу своего образования обладают широким подходом к проблеме, могут и должны связать науку и политику эффективным образом”<sup>59</sup>.

При оценке нового направления исследований обращается внимание на то, что изучение проблем анализа технологического риска должно довести до практиков понимание сложности современной ситуации, в которой осуществляется техническая политика. В настоящее время, считают некоторые специалисты, работающие в сфере междисциплинарного анализа риска, „опасность технологическая заменила в индустриальных странах

опасность природную, то есть явления, подобные засухе, наводнениям, эпидемиям, землетрясениям”<sup>60</sup>.

Распространение исследований технологического риска выразилось также в проведении ежегодных национальных и международных конференций, симпозиумов. Так, например, на состоявшемся в Милане в 1987 году ежегодном конгрессе подробно обсуждались вопросы взаимосвязи человека с окружающим техническим миром, который несет не только блага, но и несчастья, опасность. Чаще других виновниками человеческих бед назывались энергетика, особенно атомная, химическая промышленность, транспорт, излучения от приборов, начиненных электроникой. Многие ученые говорили о том, что выявление и предотвращение риска, создаваемого той или иной технологией, считались делом второстепенным, факторы возможной опасности обычно рассматривались как эпизоды на пути технического прогресса. На конгрессе особое внимание обращалось на то, что в настоящее время необходимо обязательно учитывать пределы риска при использовании новых технологий, находить способы предупредить его, выявлять самую суть опасности в конкретном ее влиянии на здоровье людей. Одна из главных задач – научиться прогнозировать все возможные последствия развития науки и техники, вплоть до каждого отдельного случая заболевания, находить средства предупреждения и излечения до того, как новая техническая разработка будет внедрена. Главный, и не очень оптимистический, вывод конгресса состоит в том, что сегодня промышленно развитые страны тратят огромные и все увеличивающиеся средства на оказание помощи уже заболевшим людям и оставляют открытыми двери для вредящих здоровью человека факторов, которые могут вызвать порой настоящие катастрофы. К тому же распространяются они нередко незаметно, и в конце концов остается только констатировать, что событие уже произошло и здоровье определенного числа людей пострадало. Вот почему необходим не только анализ опасностей, тающихся в развитии цивилизации, но и разработка эффективных предупредительных мер, создание окружения, которое несло бы минимальный вред человеку.

Итак, к началу 80-х годов в ряде зарубежных стран исследования по оценке технологического риска стали автономной и признанной отраслью научной деятельности. По мнению большинства специалистов, появление исследований риска в его теперешних масштабах связано со значительно возросшей социальной потребностью расширения и углубления знаний о риске современной жизни, то есть потребностью помочь обществу справиться с технологическими опасностями вызвала появление и развитие нового интеллектуального направления – анализа риска. „Анализ риска, – по мнению президента Американской социологической ассоциации, – означает культурную адаптацию, необходимость которой диктуется научными открытиями и основанными на них технологиями”<sup>61</sup>. Сравнительно молодая научная дисциплина занимается двумя основными группами вопросов: анализом рискованности конкретных технологий и вопросами управления технологическими нововведениями. В США исторически первой стала создаваться „система анализа”, а затем – „система менеджмента” риска.

По признанию ряда исследователей риска, „анализ риска” представляет собой область со слабой теорией и множеством противоречивых оснований. Понятно, что теоретическая незрелость этой области знания в определенной

мере сказывается на разрозненности, фрагментарности теорий риска, отсутствии согласия между учеными по ряду важных проблем. Кроме того, следует иметь в виду и то, что, поскольку специалисты оценки технологического риска являются представителями разных отраслей знания, они привносят в анализ риска свое понимание предмета исследования, свою методологическую базу.

Одним из активно обсуждаемых в зарубежной литературе является вопрос о способах и методах оценки технологического риска. Можно выделить три основных подхода к этой проблеме: синтетический (комплексный), количественный и подход, основанный на изучении субъективных оценок риска.

Примером первого подхода может служить методика анализа риска, разработанная американским специалистом У. Роувом. В основе его концепции лежит понятие допустимого риска. Нужно отметить, что большинство специалистов рассматривают „допустимый риск” как проблему, которая связывает измерение риска и его управление. Однако имеющиеся определения „допустимого риска” противоречивы, представляют собой лишь различную полноты списки критериев допустимого риска, нередко построены на несовместимости личностных и объективных оценок, ценностных и количественных характеристик. У. Роув стремится преодолеть такое положение<sup>62</sup>. Его концепция схематично выглядит следующим образом:

Таблица 1

**Анализ риска**

Определение риска		Оценка риска	
Идентификация риска	Измерение риска	Предотвращение риска	Допустимый риск
Опознание: нового риска; изменений в параметрах риска	Определение: вероятности реализации; величины последствий	Определение: возможности устранения риска; степени уразднения риска	Установление: отношения к рisku; референтов риска

Основная цель анализа — установить предельно допустимый риск для определенного вида случаев (например, для развития химического производства или воздушного транспорта). Полученные данные и будут являться руководством к действию. Соотношение уровней риска у Роува выглядит следующим образом:

Область недопустимого риска (чрезмерный уровень риска)	III	Область уровней допустимого риска
Область желательной редукции риска (повышенный уровень риска)	II	
Область неактивного риска (но рмальный уровень риска)	I	

На каждой ступени анализа риска предлагается применять сложные комбинации различных методов. К ним относятся:

1. Метод сравнения объективных и субъективных оценок риска с целью выработки „синтезированной” вероятности.

2. Метод подсчета величины последствий реализации риска через использование экономических параметров эффективности и стоимости.

3. Метод, представляющий собой подведение баланса стоимости (то есть всех возможных затрат и потерь) и пользы (то есть прибыли) изучаемого технологического цикла, содержащего риск.

4. Метод, предполагающий проведение прямого и косвенного анализа соотношения прибыли и потерь, соотношения стоимости и эффективности мер по предотвращению риска, а также согласование всех выявленных крайних противостоящих оценок, но уже с политической точки зрения.

Считается, что последний метод позволяет интерпретировать результаты первых трех методов в интересах политического управления нововведениями технологии.

Другой подход основан на *количественной* оценке технологического риска. Его сторонниками являются, как правило, представители точных и естественных наук. По их мнению, лишь обоснованный количественный подсчет всех „за” и „против” позволит преодолеть существующую сегодня неопределенность и расплывчатость критериев оценки риска и установления его допустимости. Допустимость риска при этом понимается как „норма ожидаемой фатальности”. Эта норма включает в себя: набор технических стандартов, выше которых риск считается неприемлемым; баланс риска и пользы, при котором абсолютное выражение пользы превышало бы затраты, связанные с риском; сравнение эффективности расходов различных видов контроля за риском; определение правил признания недопустимости риска в тех ситуациях, когда незначительные выгоды увеличивают риск<sup>63</sup>.

К сторонникам изучения субъективных оценок риска относятся обычно представители гуманитарных дисциплин – социологи, психологи. Многие из них считают, что „количественность должна быть средством выбора, а не самим выбором”<sup>64</sup>, подсчет риска и выгоды в общеупотребимых денежных единицах по экономическо-финансовому образу привлекателен своей наглядностью, но он весьма проблематичен с этической точки зрения, так как фактически вводит „денежную оценку человеческой жизни”<sup>65</sup>.

Едва ли могут вызывать принципиальные возражения суждения о том, что для проведения эффективной политики по управлению технологическими нововведениями, связанными с риском, необходимы как технические данные о затратах и возможных потерях для экономики, природной среды, здоровья населения, так и сведения об общественном мнении страны, региона, социальных групп и других социальных факторах. В решение этой задачи свою лепту должны внести социологическая и другие общественные науки.

В. Иванов и Б. Пахомов в упомянутой выше статье справедливо отметили, что сегодня ощущается недостаток знаний у широких кругов населения относительно исходных принципов решения проблемы безопасности технических устройств. Это относится ко многим сферам человеческой деятельности: от развития ядерной энергетики до использования автомобиля. Недостаток информации о ядерной энергетике – одна из причин,

затрудняющих выработку правильного отношения людей к ней. В этом смысле заслуживают внимания слова генерального директора МАГАТЭ Х. Бликса о том, что к ядерной энергетике нет еще такого сложившегося отношения, как к некоторым другим промышленным технологиям. „Поэтому, — говорил он, — я считаю нашим прямым долгом давать людям как можно больше информации относительно именно ядерной технологии, относительно риска, связанного с этой технологией”<sup>66</sup>.

Важная роль здесь принадлежит не только источникам научной информации, средствам массовой информации, но и художественной и публицистической литературе. Пьеса В. Губарева „Саркофаг”, роман В. Яворивского „Мария с польнью в конце столетия” и другие произведения о Чернобыльской трагедии меняют традиционное представление о безопасности „добренного” атома, образно показывают, какую ответственность на поведение людей, их образ мыслей накладывает жизнь в „ядерный” век. Чернобыль — это водораздел между распространенными в общественном мнении суждениями о полной надежности атомной энергетике и трезвым представлением о серьезной опасности, с которой связано пользование благами „мирного атома”. Научные исследования, средства массовой информации, публицистические выступления, художественная литература призваны изменять неправильные стереотипы общественного мнения в отношении современных открытий науки и техники. Ответственность и знание негативных последствий технологического риска позволяют не допускать антигуманного использования новой технологии, снижать опасность для человеческой цивилизации, находить эффективные решения для управления технологическим риском.

Обобщая проблему сущности социальной оценки технологического анализа риска, можно отметить, что такой подход к исследованию риска ориентирован прежде всего на выявление возможных неблагоприятных последствий при внедрении новой техники и технологии, выработку средств контроля, оценок степени и характера отрицательного воздействия их на природу, организм человека, его сознание, психологию.

Подобная ориентация в исследованиях наложила свой отпечаток и на содержание технологического риска, который понимается обычно как возможность появления негативных последствий в связи с внедрением новой техники и технологии; как отрицательные эффекты, которые приносят в жизнь общества научно-технический прогресс; как субъективное отношение общественного мнения к возможным или реально существующим неблагоприятным последствиям.

## Проблемы риска в процессе перестройки

Нет сомнений в том, что суждение „перестройка советского общества без риска невозможна” у одних вызовет опасение, у других — особенно у критиков перестройки „справа”, считающих, что в настоящее время происходит едва ли не „отход от социализма”, — неприятие и обвинения в посягательстве на основополагающие принципы марксистско-ленинской теории. Ряд политико-идеологических аргументов „против” нетрудно предугадать: нельзя говорить о взаимосвязи перестройки и риска, ибо это будет вызывать у людей неуверенность в возможности решения в намеченные сроки задач преобразования общественной жизни, повлечет за собой постановку каверзных вопросов типа: перестройка — это что: „новая советская утопия”?<sup>1</sup>

Если риск понимать только как возможную неудачу, опасность, если считать, что развитие социальных процессов имеет жестко детерминированный характер, если отрицать наличие в социалистическом обществе элементов неопределенности, стихийности и случайности, если не соглашаться, наконец, с тем, что достижение нового качественного состояния общества требует выработки и сравнения множества альтернативных вариантов, то логична и мысль о том, что риск, предприимчивость — понятия, противоречащие сути социализма, и поэтому идеологически вредны рассуждения о существовании риска в ходе перестройки.

Содержание предыдущих глав свидетельствует, что автор не разделяет подобных односторонних подходов к пониманию сущности риска и его роли в общественном развитии. В основе практической потребности выяснения механизма взаимосвязи перестройки и риска лежат реалии современной социально-экономической жизни. Поясним свою позицию подробнее.

Перестройку сравнивают с революцией. В массовом сознании преобладают представления о революции как о социально-политическом явлении, связанном с политическим переворотом, переходом власти от одного класса к другому. Это часто приводит к искаженной интерпретации происходящих в нашем обществе кардинальных изменений, непониманию глубинной сути осуществляемых преобразований.

Перестройка — это не синоним социальной революции, предполагающей переход от одной общественно-экономической формации к другой и захват политической власти победившим прогрессивным классом. Фраза „перестройка — это революция” в известной степени носит аллегорический характер. И что особенно важно иметь в виду, смысл термина „революция” в данном случае приближается не к виду социально-политического переворота, а к понятию, которым в философской литературе характеризуются качественные переходы развивающихся систем из одного состояния в другое, не влекущие в экономическом и социально-политическом аспекте изменения в принадлежности к той или иной формации. Например, такие качественные преобразования в различных сферах общества называют научной, технической, промышленной, компьютерной, демографической, научно-технической революцией.

Существуют также суждения о том, что перестройку можно рассматривать как социальную революцию в узком смысле, как революцию, восстанавливающую социальную справедливость<sup>2</sup>. Длительное время в нашем обществе господствовали представления о том, что продвижение к более высоким ступеням социализма возможно лишь эволюционным путем, посредством постепенных реформ в различных сферах общественной жизни. Практический опыт развития социализма „кладет конец догматическому толкованию известного тезиса классиков марксизма о том, что с построением социализма социальная эволюция не будет сопровождаться политическими революциями”<sup>3</sup>. Суть современного этапа преобразования советского общества сводится не просто к улучшению отдельных сторон его путем реформ, а к радикальным качественным изменениям всех структур на основе укрепления и развития внутренне присущих социализму базовых принципов.

Если исходить из того, что перестройка — это метод, способ, обеспечивающий революционные преобразования для ускорения социально-экономического развития, то уместно вспомнить, что революция — это „езда в незнаемое”, со своими скрытыми нюансами, неожиданностями, непредсказуемыми ситуациями. Путешествие неизведанными тропами всегда таит в себе элемент неопределенности, опасности, возможности тех или иных отклонений от сформулированных первоначально целей. Именно в этом смысле перестройка и сопряжена с риском. В ходе ее приходится решать уравнения со многими неизвестными. При этом, как и в любом новом деле, неизбежны ошибки, издержки ускоренного решения крупномасштабных задач по всему фронту общественного развития: в экономике и социальной сфере, государственном и общественном управлении, идеологии и культуре. „Но последствия топтания на месте, застоя и равнодушия куда значительнее и дороже, чем издержки, которые на какое-то время возникают в процессе творческого созидания новых форм общественной жизни”<sup>4</sup>.

Риск в ходе перестройки возникает потому, что она не запрограммирована в деталях от начала до конца. Это развивающийся процесс с острыми внутренними противоречиями. Исторический опыт убедительно доказывает, что любое серьезное социальное преобразование осуществляется в напряженной, а зачастую в жесткой борьбе различных социальных сил, защищающих свои интересы, сопротивляющихся тому, что эти интересы ущемляет. Перестройка реализуется в борьбе между сторонниками про-

грессивных кардинальных изменений и социальными группами, организациями, интересы которых по разным обстоятельствам и причинам либо противоречат этим преобразованиям, либо не в полной мере совпадают с ними. Существуют сомнения в успехе перестройки, неприятие ее основных идей среди различных слоев — прежде всего это относится к бюрократическим элементам управленческого аппарата и социальным слоям, которых устраивают уравниловка, иждивенчество. „И в центре, и на местах еще немало работников, которые не принимают новые формы управления, отвечающие условиям демократизации и экономической реформы”<sup>5</sup>. Существуют элементы политической оппозиции перестройке, группы, чьи интересы далеки от целей перестройки, интересов народа<sup>6</sup>, усилилось сопротивление консервативных (в том числе и политических влиятельных) сил, усматривающих в перестройке угрозу своим интересам и целям. При переходе от бюрократически-командных к демократически-экономическим методам регулирования социальной жизнью становятся ненужными многие управленческие структуры, организации, происходит обновление принципов партийного руководства, государственного и общественного управления. Поэтому перестройка протекает в столкновении различных интересов, в борьбе идей, социальных и психологических установок, стилей мышления, в ожесточенных спорах между отдельными людьми, группами, неоднозначно трактующими смысл происходящих перемен. Поскольку у перестройки есть противники, существуют противодействующие тенденции, функционирующие не только в скрытых формах, то отсюда вытекает, что перестройка тесно сопряжена с риском. Советское общество на переломе. Оно продвигается вперед, но не застраховано от возможности отклонений от поставленных целей. Решению сложных задач перестройки мешают догматизм, бюрократизм, безынициативность, общественная апатия, привычка работать вполосилы. Недостаточная настойчивость в борьбе с этими негативными явлениями может привести к сдаче позиций консервативным силам, искажению идей перестройки. Закрывать глаза на возможность такой альтернативы — значит недооценивать сложность и противоречивость современного процесса развития советского общества. Эта мысль, в частности, подчеркивалась на XIX Всесоюзной партийной конференции: „... процессы перестройки идут противоречиво, сложно, трудно, в противоборстве старого и нового... Механизм торможения полностью еще не демонтирован и не заменен механизмом ускорения. Экономика продолжает во многом движение по экстенсивному пути. Давление валовых, объемных подходов не преодолено... Новые демократические методы руководства, открытость и гласность с трудом пробивают себе дорогу, наталкиваются на консерватизм и инертность, догматизм мышления и действия”<sup>7</sup>.

Перестройка — это обновление глубинных структур в экономике, в политической, социальной, духовной сферах, которое обязательно предполагает необходимость проявлять инициативу, предприимчивость, идти на обоснованный, разумный риск. Иначе будут перекрыты дороги дерзанию, новаторству, смелым творческим идеям, без чего крупные качественные перемены невозможны.

Таким образом, есть основания утверждать, что перестройка общественной жизни, революционное преобразование экономических, социальных, политических, идеологических структур *обязательно* требуют „создания



условий, позволяющих идти на оправданный риск, без которого нельзя прорваться к качественно новым рубежам”<sup>8</sup>. Этим, в частности, объясняется пристальное внимание к необходимости проявлять на всех уровнях больше самостоятельности, творческой инициативы, идти, если надо, на оправданный риск во имя повышения эффективности экономики, роста благосостояния советских людей. Отвечая на вопрос, что нужно сейчас для обеспечения ускорения научно-технического прогресса, М. С. Горбачев говорил: „Инициатива, товарищи, самостоятельность, ответственность, риск. Рискуйте, берите на себя, действуйте, кооперируйтесь... Значит, хозяйственная инициатива. Хозяйственная предприимчивость. Самостоятельность. Не бойтесь риска. Идите на неординарные решения”<sup>9</sup>.

Сказанное предопределяет целесообразность рассмотрения проблем социального риска применительно к процессам перестройки общественной жизни. Выделим основные стороны этого многоаспектного вопроса, которые определяют содержание данной главы.

Одно из ключевых звеньев перестройки — экономика. В силу этого анализируется сущность риска в данной сфере общественной жизни, показывается специфика хозяйственного риска в условиях социализма, характеризуются вопросы, касающиеся ответственности за выбор, принятие и реализацию решений с риском на разных уровнях управленческой структуры.

Поскольку современные качественные социальные преобразования немыслимы без инициативы и творчества, то возникает потребность рассмотреть эти явления как факторы перестройки, вскрыть механизм связи инициативы, новаторства и творчества с риском.

Современная общественная ситуация сложна и противоречива: в жизнь не только внедряются элементы, создающие благоприятную почву для развития инициативы, новаторства, но и существуют и возникают явления, противодействующие проникновению во все поры современного общественного организма продуктивной, творческой деятельности. Это обстоятельство предполагает целесообразность постановки двух взаимосвязанных вопросов: что конкретно сегодня сдерживает развитие инициативы, предприимчивости, стремление идти на обоснованный риск; какие меры, способные превратить новаторство, творчество в реальные факторы перестройки, можно и нужно внедрять в практическую жизнь?

## **§ 1. Хозяйственный риск и проблема ответственности**

Неоднократно и в различных вариациях автор возвращался к вопросу о том, в какой степени такое явление, как риск, присуще социализму. В данном случае этот вопрос возникает вновь, но в другом ракурсе: применимо ли понятие хозяйственного риска к анализу процессов экономической жизни социализма? Ответ на него мог бы быть однозначным: „Да”, если бы в умах некоторых теоретиков и практиков не продолжал существовать начавший складываться еще в конце 20-х годов стереотип о том, что риск и плановый характер социалистической экономики несовместимы или почти несовместимы. В подтверждение этого можно привести следующую фразу: „В силу планового характера социалистиче-

ской системы хозяйственные риски имеют тенденцию к отмиранию”<sup>10</sup>. А вот пример открытого объявления риска „буржуазным понятием”, чуждым социализму: „Слово „риск” неразрывно связано с понятием прибыли; ответственность за риск — это ответственность за счет прибыли. Это слово далее неразрывно связано с понятием свободы воли в смысле буржуазном. Никто не примет ответственности, риска за то или иное действие или событие, если он за этот риск не получит какого-то эквивалента. Собственник несет ответственность за риск ввиду того, что собственность дает возможность, свободу использовать ее в целях прибыли”<sup>11</sup>.

Подобные взгляды складывались и завоевывали все большее „теоретическое и практическое пространство” по мере усиления централизованного, административно-нажимного стиля управления экономикой, расширения доли экстенсивных факторов в развитии народного хозяйства, распространения мнения о том, что товарно-денежные отношения — чужеродный элемент хозяйственного механизма социалистического общества, который должен полностью исчезнуть, как только государство „научится” планировать „всё и вся”. Опасность догматических представлений, противопоставляющих план и рынок, проявилась не только в гласных и негласных запретах для теоретических разработок проблемы хозяйственного риска и преградах для превращения на практике обоснованного, оправданного риска в элемент выбора экономических альтернатив. Они, кроме того, препятствовали формированию у руководителей, других субъектов управления таких свойств мышления, как вариантность, противоречивость, альтернативность, наконец, диалектичность. Господство на протяжении нескольких десятилетий представлений о несовместимости плановой экономики и риска затормозило процесс изучения места хозяйственного риска в социалистическом народном хозяйстве, но не приостановило его полностью.

Начиная примерно с 60-х годов нарастает понимание того, что планирование и товарно-денежные отношения — две стороны одной медали, атрибуты социалистического хозяйственного механизма. С этого времени распространяются вероятно-альтернативные представления о характере экономических явлений и путях развития социализма, усиливается роль интенсивных факторов в развитии экономики социалистических стран. Эти и ряд других обстоятельств приводят к тому, что среди обществоведов (и прежде всего правоведов и экономистов) все чаще раздаются, хотя еще достаточно робкие и одинокие, голоса в защиту хозяйственного риска.

Идея включения обоснованного, оправданного риска в практику хозяйственной деятельности все отчетливее, особенно в последнее время, осознается руководителями различных уровней управления, инженерами, новаторами. Примеров тому множество. В книге „Чувство нового” партийный работник В. В. Шульдешов, отвечая на вопросы о том, что такое риск в работе и как партийный комитет объединения относится к нему, пишет: „Мне нередко задают подобные вопросы. Что ж, отвечаю: поиск, творчество в какой-то мере неизбежно связаны с риском. Но риск риску рознь. Мы за риск, хорошо продуманный во всех деталях, риск, оправданный необходимостью, объективными условиями, риск, опирающийся на инициативу и точные расчеты”<sup>12</sup>.

В конце 1985 года редакция газеты „Социалистическая индустрия” и Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР провели встречу ученых, ответственных работников министерств и ведомств, руководителей предприятий и объединений, на которой обсуждался вопрос о роли и значении инициативы и хозяйственного риска в решении задач, обеспечивающих ускоренное развитие экономики Советского государства. Здесь, в частности, подчеркивалась мысль о том, что производственникам нередко приходится рассматривать научно-технический прогресс не только как основу ускорения социально-экономического развития, но и как фактор хозяйственного риска<sup>13</sup>.

В 1985 году в Ленинградском доме ученых имени А. М. Горького проходил семинар „Проблемы внедрения нововведений в организациях и системный анализ”. В ряде выступлений рассматривался аспект инноватики (науки о нововведениях), связанный с пониманием внедрения нововведений как процесса, в ходе которого нужно принимать обоснованные решения в условиях неопределенности и риска.

Генеральный директор Ленинградского объединения „Электросила” Б. Фомин, рассуждая о путях ускорения научно-технического прогресса, пишет: „Бесспорно, разработка и освоение новой продукции всегда связаны с дополнительными затратами интеллектуальных, трудовых и материальных ресурсов, сопряжены с определенным, иногда и значительным риском. Но издержки эти неизбежны. Все дело в их величине”<sup>14</sup>.

Секретарь парткома Гатчинского ДСК (Ленинградская область) В. Парамонов рассказывает, что для обеспечения сокращения сроков перехода на новую технологию (три месяца вместо года) трудовой коллектив и руководство пошли на риск. „Но ведь любой новаторский поиск, — подчеркивал он, — связан с риском. И как важно в этих случаях убедить людей в правильности выбранного пути, заручиться поддержкой партийной организации”<sup>15</sup>.

„Нужно уметь рисковать, чтобы добиться быстрых и эффективных результатов”, „Кто не рискует, тот не выигрывает”, „Боящийся рисковать — проигрывает” — эти высказываемые современными прогрессивными хозяйственными руководителями суждения отражают суть живых явлений социально-экономической жизни, показывают, что идея обоснованного, оправданного риска постепенно пробивает себе дорогу в практику социалистического хозяйствования. Сегодня в условиях обновления всех общественных структур реально складывается своеобразная экономическая ситуация, смысл которой можно выразить короткой фразой: „Рискует тот, кто не рискует”.

Вытеснение из общественного сознания и опровержение догматических представлений, рассматривающих риск как абсолютную противоположность плана, чужеродный элемент социалистического хозяйственного механизма, предусматривают выявление объективных и субъективных причин, детерминирующих в условиях социализма существование хозяйственного риска. Некоторые из этих причин общие для социального риска (о них шла речь в первом параграфе первой главы), другие специфичны лишь для рассматриваемой здесь разновидности риска. Среди последних выделим, на наш взгляд, основные.

Хозяйственный риск возникает в связи с тем, что разные уровни управления, объединения, предприятия, организации, кооперативы, люди, за-

нимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, находятся в вероятностных отношениях друг с другом. Они преследуют и реализуют не только общие, одинаковые, но и разные, несовпадающие, а нередко и противоречивые цели, результат взаимовлияния которых частично носит неопределенный характер. В этих условиях достижение предполагаемого результата неоднозначно и не может быть предсказано со стопроцентной точностью. Здесь возникает объективная потребность учитывать риск, связанный с возможным противодействием хозяйственной среды, партнера или соперника по производству. Например, разные предприятия выпускают полностью или частично взаимозаменяемую продукцию, запланированную, скажем, не через государственный заказ, а путем договорных обязательств. Внедрение технических новшеств на одном из них без обоюдного согласования может привести к необходимости незапланированного уменьшения объема выпуска продукции на других предприятиях или к возникновению трудностей в ее реализации. Нечто подобное произошло, например, с выпуском автомобиля „Москвич”. Эта машина долгие годы пользовалась спросом. А потом произошли спад и потеря общественного интереса к „Москвичу”. Частично возникшую ситуацию можно объяснить появлением Волжского автозавода в городе Тольятти, где стали делать более комфортабельные, современные автомобили. Однако на заводе, выпускающем „Москвич”, вовремя не занялись коренной реконструкцией, модернизацией производства, упустили момент и за это поплатились.

Такие ситуации вносят в деятельность трудовых коллективов неопределенность, а следовательно, и риск.

Одна из причин, вызывающих в реальной жизни хозяйственный риск, обусловлена нестабильностью, непостоянством среды, в которой осуществляется производственная деятельность. Даже в условиях проводимой ныне реформы экономики страны министерства вопреки положениям Закона о государственном предприятии (объединении) незаконно вмешиваются в деятельность низовых звеньев, стремясь под видом государственного заказа выдать предприятиям те же директивные плановые задания, отнюдь не всегда подкрепленные материальными ресурсами. Да и вообще, можно ли говорить о каком-либо хозрасчете, а тем более полном, если многочисленные письма в газеты, высказывания хозяйственных руководителей свидетельствуют о том, что самостоятельность предприятий как коса на камень наталкивается на инерцию „волевых” решений, принимаемых в министерствах и ведомствах. Действительно, если заводу в течение года 129 раз увеличивают план поставок<sup>16</sup> или объединению за полугодие план меняют 32 раза<sup>17</sup>, то такая экономическая политика вносит неопределенность в работу низовых коллективов, создает крайне неблагоприятные условия практической хозяйственной деятельности. Если, например, вышестоящие уровни управления принимают те или иные решения без тщательного изучения местных особенностей, состояния трудовых и природных ресурсов, социальных условий, то это, как правило, ведет к постановке заниженных или завышенных целей. И в том и в другом случае это дезорганизует работу коллективов, отрицательно сказывается на дисциплине, сдерживает развитие инициативы. Заставляя (а это можно сделать как административными, так и экономическими методами) нижестоящий уровень направлять свои усилия на реализацию недостаточно продуманных, необоснованных решений, вышестоящие организации значительно повы-

шают вероятность проявления негативных последствий риска, возможность неоправданных отклонений от предполагаемого результата.

Элементы риска и неопределенности в хозяйственную деятельность вносят:

- необходимость выбора новых инструментов воздействия на экономику в условиях перехода от экстенсивных к интенсивным методам развития;

- процессы внедрения в общественное производство открытий науки, техники, изобретений, рационализаторских предложений. Игнорирование возникающего при этом риска неизбежно ведет к увеличению вероятности появления дополнительных потерь, издержек экономического, социально-политического, нравственного плана, снижению темпов экономического роста на уровне отрасли, региона, предприятия и народного хозяйства в целом;

- стихийное изменение цен, спроса на ту или иную продукцию на внутреннем или мировом рынке. Такое влияние может быть прямым, например падение или повышение цен на нефть и газ, либо косвенным, например воздействие на экономическую жизнь социалистических стран биржевой „лихорадки” в конце 1987 года;

- развитие экономической состязательности на социалистическом рынке за право реализации своей продукции. Данная ситуация обостряется по мере расширения деятельности совместных предприятий с зарубежными социалистическими предприятиями и капиталистическими фирмами\*, увеличения численности кооперативов, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью;

- несбалансированность, особенно на первых этапах осуществления экономической реформы, основных компонентов хозяйственного механизма – планирования, ценообразования, материально-технического снабжения, финансово-кредитных отношений. Несогласованность плана производства с материально-техническими ресурсами ведет к срывам в поставках сырья, материалов, сбоям на различных участках общественного производства, вызывает лавину неувязок, цепную реакцию неполадок во всех звеньях производственного процесса, вплоть до его заключительных этапов.

В социалистической системе хозяйствования риск обусловлен возрастанием нереализованных запасов продукции (как это, например, случилось с хрусталем, коврами, часами и т. д.), снижением эффективности капиталовложений по сравнению с запланированным уровнем, детерминируется вероятностным характером процессов формирования кадров и изменений в сфере труда (выбор профессии, межотраслевые, территориальные и другие перемещения кадров), неоднозначностью возможных вариантов развития народного хозяйства, отрасли, предприятия, вероятностью открытия новых месторождений полезных ископаемых, необходимостью проводить различные эксперименты по отработке новых методов

\* На 1 октября 1988 года Министерством финансов СССР было зарегистрировано свыше 100 совместных предприятий (Экономическая газета. 1988. № 44. С. 1). Совместные предприятия – это не только заинтересованность обоих партнеров в эффективном функционировании производства, но и совместный риск, это форма так называемого рискованного капитала.

хозяйствования, планирования и управления. Все эксперименты, как бы тщательно они ни разрабатывались, в чем-то несовершенны, поскольку нельзя заранее учесть и предвидеть все обстоятельства и ситуации. Всегда остается возможность для дальнейшего совершенствования. Кроме того, не может быть в полной мере все просчитано и проверено на уровне предприятия, отрасли, группы отраслей и в целом народного хозяйства.

Эти обстоятельства позволяют сформулировать *принцип* целостной системы регулирования экономическими процессами, игнорирование которого в *практической деятельности* ведет к дополнительным затратам и неоправданным потерям: эффективное, обоснованное управление и руководство хозяйственной сферой в современных условиях не может реализовываться без признания (не только в теории, а главным образом на практике) *альтернативности, неоднозначности и многовариантности* возможных путей тактического и стратегического развития экономики и обязательного учета существующих и возникающих при этом элементов риска и неопределенности.

Усиление действия факторов риска и неопределенности, значительное расширение зоны рискованных ситуаций в развитии народного хозяйства на всех его уровнях – объективная тенденция функционирования экономических структур в условиях качественного преобразования общественной жизни. Она обусловлена поисками нового инструментария, призванного обеспечить динамичное и гибкое развитие экономики, углублением взаимодействия между элементами общества, усложнением межхозяйственных, межрайонных, межрегиональных, межведомственных и других связей, переводом народного хозяйства на интенсивные методы роста, внедрением товарно-денежных и хозрасчетных отношений, принципов самокупаемости, самофинансирования, самопланирования, расширением инициативы, самостоятельности трудовых коллективов, созданием предприятий и организаций, основанных на кооперативной собственности, а также совместных международных объединений и организаций.

Таким образом, риск объективно становится органической частью стратегии и тактики социально-экономической политики. Это положение имеет особый методологический и практический смысл, ибо предусматривает в целях эффективного развития экономики использование на всех уровнях управления и руководства народным хозяйством, во всех фазах управленческого цикла соответствующих методов и методик, позволяющих учитывать элементы риска и неопределенности, своевременно компенсировать и погашать возможные негативные последствия хозяйственной деятельности в ситуации риска.

Применительно к социалистической экономике можно говорить о нескольких разновидностях хозяйственного риска. Если за основу взять управленческие задачи, решаемые на различных уровнях социалистической экономики, то можно выделить риск на уровне народного хозяйства (назовем его народнохозяйственным) и риск на уровне промежуточных уровней управления, связанный с решением тех или иных локальных задач, – локальный риск. Последний имеет свои специфические проявления на отраслевом, региональном, межотраслевом уровнях, на предприятиях и в их структурных подразделениях.

Общий смысл хозяйственной деятельности состоит в том, чтобы на различных уровнях управления претворять в жизнь тактические и стратегические экономические, производственные, технические решения. Планомерный характер социалистической экономики, основанной на общественной форме собственности, предусматривает необходимость выбора альтернативных решений, учета риска на народнохозяйственном уровне. Эта разновидность хозяйственного риска возникает при определении стратегических путей развития народного хозяйства, темпов его роста, выборе и реализации решений, направленных на формирование соответствующей структуры всей экономики, ее секторов, отраслей, оптимизацию пропорций народнохозяйственного развития и т. д.

Особое место при социализме отводится хозяйственно-политическим решениям на уровне народного хозяйства, цель которых – формирование темпов его развития. Риск в хозяйственно-политических решениях проявляется, как правило, в опосредованной форме. На них оказывают влияние не только экономические и производственные соображения, но и политические, социальные, оборонные факторы. Косвенная форма проявления риска означает, в частности, возможность или необходимость принятия таких решений, которые на первых порах не обеспечивают быстрых темпов экономического роста, но позволяют решить эту задачу в будущем. Примером может служить выбранная в последние годы ориентация на приоритетное развитие социальной и духовной сферы: большая часть средств и ресурсов при этом направляется на удовлетворение насущных социальных потребностей общества, а не на цели, непосредственно обеспечивающие в данный момент быстрое экономическое развитие. Опосредованный характер риска хозяйственно-политических решений можно проиллюстрировать на примерах истории Советского государства. В конце 20-х годов партия и ее руководящее ядро оказались перед выбором одного из двух основных вариантов индустриального преобразования общества. Один из них (он не был осуществлен) предполагал развитие товарно-денежных отношений, положительно зарекомендовавших себя элементов нэповской экономики и проведение индустриализации, темпы которой определялись органическим сочетанием промышленного роста с ростом благосостояния населения и постепенным добровольным кооперированием крестьянства. Другой вариант (претворенный в жизнь И. В. Сталиным и его окружением) предусматривал форсированную индустриализацию, где принцип равнозначности нескольких основных целей был заменен идеей первостепенного и решающего развития индустрии за счет сокращения фонда потребления и жесточайшей экономии средств, определяющих соответствующий жизненный уровень народных масс. Ориентация на „сверхиндустриализацию” определила характер развития экономики и всей общественной жизни на многие десятилетия, создала почву для возникновения и распространения множества негативных процессов и явлений, затрудняющих и в настоящее время эффективное решение насущных задач.

Один из аспектов народнохозяйственного риска связан с установлением иерархии стратегических и тактических целей, определением приоритетных целей и направлений развития хозяйства и его отраслей. Риск ошибки, риск возможных отрицательных следствий при этом обычно бывает весь-

ма и весьма значительным и оборачивается, как свидетельствует практический опыт, например, резким торможением научно-технического прогресса, растущей невосприимчивостью общественного производства даже к самым прогрессивным технологиям. Так, после пуска первой в СССР промышленной установки кислородно-конверторного производства стали нам потребовалось 16 лет, чтобы доля этого способа составила 20%. Япония, пустившая первую установку такого типа на год позже, добилась того же результата за 5 лет. Лишь через 17 лет после пуска первой установки непрерывной разливки стали этот метод производства достиг в Советском Союзе 5% в общем объеме. В Японии же, где подобную установку пустили на 5 лет позже, для этого потребовалось 10 лет, а в США — 5<sup>18</sup>. И сейчас СССР в этой области значительно отстает от многих стран. Казалось бы, не заметить эффективности непрерывной разливки стали было нельзя. Однако выбранная в свое время система приоритетов препятствовала широкому привлечению централизованных капиталовложений на развитие новых технологий. Результат многочисленных ошибок в определении приоритетов — значительное отставание советской экономики в машиностроении, электронике, то есть в том, что и определяет сегодня технический прогресс.

Особенно печальны последствия недостаточного внимания в 60—80-е годы к развитию электронно-вычислительной техники, микроэлектроники, и особенно персональных ЭВМ (ПЭВМ). По оценкам некоторых специалистов, уровень компьютерного производства в 1988 году в СССР колебался между 1/1000 и 1/100 от американского<sup>19</sup>. Ситуация достаточно трагическая, ибо, если в ближайшие годы не произойдет качественного скачка, мы рискуем просто потерять место в рядах стран — лидеров мирового сообщества. Негативные проявления этой ситуации связаны не только с самим фактом отставания в разработке и выпуске современной микропроцессорной техники, но и с тем, что сегодня многие секторы народного хозяйства не готовы к ее широкому внедрению. Академик Р. З. Сагдеев привел данные, свидетельствующие о том, что на одно рабочее место в нашей стране приходится приблизительно 1% компьютерной оснащенности рабочего места в передовых западных странах. Если нам не удастся переломить тенденцию, которая сложилась в годы застоя, к началу следующей пятилетки относительный уровень компьютерной оснащенности упадет, как считают некоторые зарубежные аналитики, до четверти процента<sup>20</sup>.

Возникшее отставание в области микропроцессорной техники существенно повлияло на замедление темпов экономического роста в нашей стране. Массовое производство персональных компьютеров в большинстве стран вызвало лавинообразный рост компьютерной грамотности и, как следствие, резкое увеличение производительности труда во многих сферах человеческой деятельности. Например, если на разработку новых промышленных изделий традиционными методами нужно от трех до пяти лет, то с использованием ПЭВМ — около одного года. В нашей стране долгое время не придавалось значения нарастающему в мире „компьютерному буму”. Лишь в 1985 году проблема ПЭВМ выдвигается на уровень государственного регулирования: для планомерного и ускоренного ее решения был создан межотраслевой научно-технический комплекс „Персональные



компьютеры". Весной того же года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение, в котором шла речь о *приоритетном* внедрении первых сотен тысяч советских персональных ЭВМ в сферу образования и о введении в средних школах общего курса основ информатики и вычислительной техники.

Исторический опыт, с одной стороны, наглядно показывает, насколько важно в социально-экономической, научно-технической политике правильно и своевременно определять приоритетные направления развития народного хозяйства, научно-технического прогресса и, исходя из этого, ставить и решать конкретные задачи. С другой стороны, опыт свидетельствует о том, сколь пагубные последствия может иметь недооценка авангардных прогрессивных технологий — микроэлектроники, биотехнологии, биоэлектроники, информатики, создания принципиально новых материалов и средств связи, роботов, имитирующих человеческий интеллект, и т. д.

Решения, выбираемые в ситуации риска на народнохозяйственном уровне, будут обоснованными тогда, когда они предполагают научную проработку различных вариантов достижения цели с позиций социальной эффективности, учитывают вероятность достижений нужного результата, неуспеха и возможного отклонения от цели. За эти решения органы, руководящие развитием экономики на уровне народного хозяйства, должны нести ответственность, ибо если ответственность отсутствует или размыта временем, то по существу риск для конкретного субъекта, осуществляющего выбор из имеющихся альтернатив, как бы отсутствует. Этот риск автоматически уходит на более низкие эшелоны управления, которые расплачиваются за не принимаемые ими решения.

Длительное время и в теории, и на практике существует стереотип, исходящий из странного предположения: принятые в высших эшелонах руководства и управления тактические, а тем более стратегические экономические, хозяйственно-политические решения не могут иметь альтернатив и их нецелесообразно связывать с риском. Однако экскурс в историю экономического развития нашей страны опровергает обоснованность такого взгляда. Даже оптимально выбранная стратегия (не говоря уже о субъективистских решениях) имеет тенденцию к отклонению от цели. Этому способствуют различные объективные условия, стихийные и случайные факторы и обстоятельства. Кроме того, поскольку принятые на народнохозяйственном уровне решения неизбежно затрагивают интересы людей, групп, организаций, учреждений, то возникает явное или тайное (в различных формах) противодействие этим решениям. В этом случае может быть получен совсем другой, чем предполагалось, результат. Достаточно вспомнить, например, конец 60-х годов, когда стратегия на изменение хозяйственного механизма завершилась неудачей. Дело, конечно, не только в том, что перестройка хозяйственного механизма, начатая в 1965 году, велась робко, непоследовательно, неоптимальными путями. Существовали и более глубокие обстоятельства (например, недостаточная демократическая основа проводимых начинаний, отсутствие решительных преобразований в политической системе), которые вместо предполагаемого ускорения экономики привели к падению ее эффективности, усилению диспропорций в народном хозяйстве, отставанию в развитии техники и технологии

производства. Опыт прошлого настойчиво подводит к мысли, которая еще сравнительно недавно многими не разделялась: управление и руководство народным хозяйством должны допускать неоднозначность возможных вариантов перспективного развития, обязательно учитывать имеющийся при этом риск. Вариантность мышления — составная часть экономического мышления, соответствующего новому хозяйственному механизму. Альтернативность мышления — это соперничество подходов, многовариантность анализа, учет разнообразия условий, из которых нужно исходить при принятии решений, выбор рациональных альтернатив для лучшего эффективного использования ресурсов, умение предвидеть варианты развития событий, просчитывать как положительные, так и негативные последствия рискованных действий, своевременно разрабатывать и внедрять меры, обеспечивающие реализацию выработанной стратегии в постоянно меняющейся обстановке. Переход от одновариантного и статичного мышления, к которому было приучено общество, к вариантному осуществляется с огромными трудностями. Здесь заложена одна из причин потерь — экономических, социально-политических, экологических, нравственных. Примеров тому немало. Так, старший консультант Всесоюзного объединения „Совинцентр” пишет о том, что в 1978 году ему пришлось столкнуться с последствиями дела западногерманской фирмы „Глахе” по строительству выставочного павильона на Москве-реке. Невключение в контракт всего-навсего одного пункта, страхующего риск сделки, обошлось нашему государству в 20 миллионов инвалютных рублей<sup>21</sup>.

В 1986 году из-за падения цен на важнейшие предметы советского экспорта оборот внешней торговли в текущих ценах сократился на 8%. Внешнеторговый оборот СССР снизился на 4% в первом полугодии 1987 года по сравнению с тем же периодом 1986 года<sup>22</sup>. Торговля связана с риском — это аксиома. Если ограничиться этим утверждением, то затруднения внешнеторговой сферы деятельности можно объяснить вполне объективной, вроде стихийного бедствия, причиной: изменились цены на мировом рынке, и ничего тут не поделаешь. Но это лишь одна сторона ситуации. Обратившись к статистическим данным, можно увидеть, что так называемые сырьевые товарные группы (топливо, электроэнергия, руды, концентраты, металлы и изделия из них) дали около 60% общего объема экспорта СССР, машины и оборудование — 13,6, промышленные товары широкого потребления — 2%<sup>23</sup>. Значит, дело не только в падении цен, но и в том, что подобная структура экспорта (ориентация преимущественно на сырье) не может считаться оптимальной для ударов конъюнктуры. И возможность возникновения такой ситуации следовало предвидеть.

Необходимость учета народнохозяйственного риска особо актуализируется во времена коренных перестроек в хозяйственном механизме и экономике в целом. Это связано прежде всего с тем, что радикальные изменения в планировании, управлении, хозяйственном механизме, обновление форм и методов работы политических и идеологических организаций и институтов занимают во времени не одну пятилетку и предусмотреть при таком горизонте планирования все возможные ситуации и тонкости весьма затруднительно. Кроме того, при долгосрочном планировании и прогнозировании существуют значительные сложности точного

определения основных тенденций развития приоритетных отраслей экономики на весь срок.

К числу народнохозяйственных решений, принимаемых в ситуации риска, можно отнести и сделанный в нашей стране во второй половине 80-х годов выбор, касающийся значительного расширения кооперативного движения и индивидуально-трудовой деятельности (ИТД). Содержащийся в этой альтернативе риск можно рассматривать в нескольких ракурсах:

- риск как вероятность положительных и негативных следствий этого решения;
- риск как элемент самой кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности;
- принципиально новые формы риска, ранее не свойственные общественной жизни нашей страны: риск банкротства, риск покупки, риск безработицы.

Один из аспектов решения вопроса о целесообразности или нецелесообразности расширения сферы кооперативного движения и индивидуально-трудовой деятельности связан с сопоставлением выявленных негативных последствий с возможностями достижения позитивных результатов.

Индивидуально-трудовая деятельность преимущественно ориентирована на сферу услуг. Кооперативное движение в нашей стране развивается по двум основным путям. Первый – это создание кооперативных предприятий и организаций в рамках существующих кооперативных и государственных систем, таких, как потребительская кооперация, Госагропром СССР, кооперативы по заготовке вторичного сырья и отходов производства в системе Госснаба СССР, кооперативы по бытовому и социальному обслуживанию населения, общественному питанию при соответствующих государственных организациях. Второй путь – создание кооперативных предприятий и организаций (вне действующих организационно-управленческих систем), непосредственно ориентирующихся на спрос населения, – кооперативы по производству потребительских товаров, оказанию различных социальных услуг и т. д.

Опыт нашей и других социалистических стран показывает, что кооперативный и индивидуальный труд выгоден не только с экономической точки зрения (так как он „заделывает бреши” в сфере обслуживания и закрывает изъяны государственного сервиса), но и с социально-психологических позиций. Кооператоры и „индивидуалы” действуют в тех сферах, где государству в настоящее время нерентабельно вести производство или у него не хватает сил, возможностей для удовлетворения спроса потребителей. По оценкам экономистов, до введения с 1 мая 1987 года Закона об индивидуальной трудовой деятельности в общем объеме бытовых услуг населению за счет ИТД осуществлялось около 50% ремонта обуви, 45% ремонта квартир, 40% ремонта автомобилей, 30% ремонта сложной бытовой техники. По существующим оценкам, в сфере бытового обслуживания услуги в индивидуальном порядке оказывали от 1,7 до 2 миллионов человек (против 2,8 миллиона работников в общественно организованном бытовом обслуживании). На селе доля ИТД в бытовом обслуживании доходила до 80%<sup>24</sup>.

Кооперативный и индивидуальный труд повышает благосостояние людей, позволяет полнее удовлетворять спрос на некоторые товары и

услуги, уменьшает их дефицит, обеспечивает возможность (в силу близости к потребителю и других причин) быстрой смены ассортимента продукции и услуг, прокладывает путь к обеспечению диктата потребителя, повышает занятость населения общественно полезным трудом, особенно это касается тех, кто по ряду причин не может включиться в трудовую деятельность на государственных предприятиях.

Общественно значимы и социально-психологические результаты распространения кооперативного и индивидуального труда: это один из способов *возродить* в народе чувство хозяина, инициативу, самостоятельность, деловитость, предприимчивость, то есть те черты и качества, которые были растеряны за долгие годы господства „административной“ экономики.

Таковы некоторые реальные и вероятные благоприятные следствия развития кооперативной и индивидуальной деятельности.

Однако на этом пути немало опасностей, экономических, социально-политических и особенно нравственных трудностей, то есть риск вероятных негативных последствий тоже весьма значителен. Так, усиливаются возможности необоснованной дифференциации в личных доходах, снижения трудовой активности и дисциплины труда в общественном производстве у части работников, ведущих индивидуально-трудовую деятельность на принципах вторичной занятости, ослабления стимулов к профессионально-квалификационному росту на основной работе. Вызывает озабоченность и то, что за последнее время увеличился отток квалифицированной рабочей силы из государственного хозяйства в кооперативы. Выборочные исследования показывают, что доля работников, привлеченных в кооперативы на условиях вторичной занятости, достигает 65%, тогда как пенсионеров — лишь 13, домохозяйек — 8, студентов и учащихся — 3%<sup>25</sup>. У некоторых работников может происходить более быстрое изнашивание рабочей силы из-за погони за дополнительными заработками и значительного увеличения продолжительности рабочей недели. Существуют опасения, что деятельность кооперативных предприятий может способствовать перерождению коллективных экономических интересов в групповые интересы их организаторов или какой-то части их членов, вызвать резкую дифференциацию потребления. Стремление к большей и не всегда обоснованной прибыли приводит к необоснованному росту цен на услуги и товары, предоставляемые кооперативами и людьми, занимающимися индивидуальной трудовой деятельностью. Не исключается возможность расширения индивидуалистической и мелкобуржуазной психологии, распространения эркета, появления новых форм спекуляции, жульничества, махинаций.

Сравнение риска позитивных и негативных следствий неизбежно приводит к вопросу: целесообразно ли развивать кооперативный и индивидуальный труд из-за значительных вероятных отрицательных издержек?

В газетах, в беседах с некоторыми людьми нередко сталкиваешься с таким суждением: кооперативная и особенно индивидуально-трудовая деятельность не нужна, ибо она „подрывает“ социализм, ведет к отказу от его основных принципов, открывает путь появления в социалистическом обществе миллионеров. Встречаются и „возражения“ политического содержания: возрождение „частников“ доказывает, что „социалистическая система хозяйствования неэффективна и нежизнеспособна“<sup>26</sup>. По-

добные суждения основываются на абсолютизации их сторонниками \* вероятных и реально возникающих негативных издержек кооперативной и индивидуальной деятельности, на оценке кооперативной собственности как более низкой формы собственности на средства производства, которую как можно быстрее надо „подтянуть” до уровня общенародной.

Конечно, обязательно нужно выявить, в какой степени расширение кооперативной и индивидуальной деятельности в настоящее время и в будущем может оказать неблагоприятное влияние на социальную базу социалистического строя, на правильное применение основных принципов социализма. Однако, размышляя об этом, нельзя упускать из виду ряд обстоятельств.

Во-первых, сегодня отрицательные экономические, социально-политические и нравственные последствия неудовлетворенного спроса населения на многие услуги и товары намного значительнее возможных и реальных негативных явлений от развития ИТД и кооперативов.

Во-вторых, партийные, государственные, хозяйственные органы могут и обязаны, опираясь на серьезное изучение опыта в нашей и других социалистических странах, разрабатывать и внедрять в практику экономические, административные, правовые, политические меры, уменьшающие отрицательные последствия риска, компенсирующие возможные издержки и противоречия. К этим мерам относятся, например, налоговая политика, исключающая появление чрезмерных доходов, совершенствование экономического механизма, форм управления, с тем чтобы значительно уменьшить возможности материально-финансовых и иных злоупотреблений, поиск новых форм воспитательной работы, поддержка и развитие высокой культуры трудовых отношений в кооперативах и т. д. Такая политика позволит положительно ответить на вопрос, окупается ли на практике приобретения в сравнении с потерями; покажет, что кооперативный и индивидуальный труд — не враг социализма, а один из необходимых резервов и рычагов ускорения. Личные контакты с представителями различных регионов, анализ писем многих категорий трудящихся, в том числе и представителей индивидуальной и кооперативной деятельности, обобщающие выступления на различных форумах<sup>27</sup> раскрывают общую для сегодняшнего времени тенденцию: режим наибольшего благоприятствования кооперативному движению и индивидуальной трудовой деятельности в большинстве регионов страны не создан. Где-то хуже, где-то лучше, но в целом дело идет с опаской и оглядкой.

В-третьих, о целесообразности расширения кооперативной деятельности и ее эффективности следует судить не с позиций (длительное время доминирующих в советской литературе) *абстрактной* оценки ее как менее высокого уровня обобществления производства по сравнению с государственной собственностью, а с позиций конкретного анализа возмож-

\* К числу противников развертывания кооперативной и индивидуальной деятельности доктор экономических наук Г. Попов относит, например, отдельных руководителей служб, которым приходится конкурировать с кооперативами и „индивидуалами” (автосервис, такси и т. д.); тех, кто решил для себя, что при общественной собственности работать можно меньше; догматиков, для которых социализм ценен как таковой, как идеал, а не как строй, способный обеспечить высокую производительность труда и гуманное отношение к членам общества (см.: Правда. 1987. 21 янв.; Крокодил. 1987. № 27. С. 6—7).

ностей и последствий ее использования на том или ином участке народного хозяйства.

Наряду с характеристикой риска как вероятности положительных и отрицательных следствий, которые могут возникнуть в результате выбора и реализации решения о развертывании кооперативной и индивидуальной деятельности, риск можно рассматривать как неотъемлемый элемент самой этой деятельности. Зависимость здесь однозначная: по мере распространения индивидуальной трудовой деятельности, кооперативных форм хозяйствования в городской и сельской местности будет расширяться сфера риска, возрастать число рискованных ситуаций. Риск, расчет, случай, конкуренция — неизбежные спутники кооперативного и индивидуального труда. Одни рискуют вложенными в дело средствами, другие — своим имуществом. Определенная доля риска здесь не только допустима, но и необходима. Работники, занятые ИТД или участвующие в созданных ими кооперативах, объективно действуют в условиях повышенного хозяйственного, коммерческого риска, поскольку они должны осуществлять самостоятельные и дополнительные затраты по организации производства, сбыта произведенной продукции и т. д. Наряду с более высокой интенсивностью труда в сфере индивидуально-трудовой деятельности и кооперативного хозяйствования, повышенным качеством услуг, дополнительными удобствами для заказчика, способностью удовлетворять его запросы там, где этого не может сделать государство, высокий процент риска, сопутствующий кооперативной и индивидуальной деятельности, можно рассматривать в качестве весомого аргумента в пользу более высокой заработной платы занятых здесь лиц по сравнению с соответствующими сферами общественного производства. Плата за риск — это инструмент в борьбе с уравниловкой, ибо, на наш взгляд, закон распределения по труду предполагает, что более высокие заработки должны быть у тех, кто проявляет больше инициативы, предприимчивости, вкладывает больше труда и в результате производит продукцию либо предоставляет услуги, отвечающие запросам потребителя.

Примечательно, что распространение кооперативной и индивидуальной деятельности, частного предпринимательства в социалистических странах вызвало к жизни принципиально новые формы хозяйственного риска. Поясим эту мысль несколькими примерами.

При покупке той или иной вещи в государственной торговле мы получаем определенные гарантии — бесплатный (в течение какого-то срока) ремонт в случае отказа техники или возможность обменять недоброкачественную обувь или одежду в магазине. Приобретение вещей у „индивидуалов” связано с *риском покупки*. Что делать, если обнаружился брак, если после первой стирки села подкладка, если на второй день сломалась молния? Чтобы привлечь к ответственности „продавца-индивидуала”, его нужно найти. Сделать это непросто коренному жителю города, а тем более человеку, который приобрел вещь, будучи в нем проездом. Такие случаи не единичны и, по всей видимости, требуют от государственных органов внимания и решения.

Развитие рыночных и товарно-денежных отношений, кооперативной и индивидуальной деятельности привело к возникновению и такого явления, как *риск банкротства*. Например, в Венгерской Народной Республике ежедневно несколько десятков человек начинают заниматься индивидуальной деятельностью и одновременно несколько десятков разоря-

югся, прогорают или по каким-то другим причинам прекращают ею заниматься. В некоторых социалистических странах „риск банкротства” — явление, присущее не только кооперативам, „индивидуалам”, частным предпринимателям, но и государственными предприятиям\*. „Риск банкротства” ставит на повестку дня и *риск безработицы*. Право на труд — социальное завоевание социализма. Эта азбучная истина в условиях полного хозяйственного расчета может превратиться в абстрактный лозунг, если соответствующие государственные органы своевременно не внедряют в хозяйственную практику меры, компенсирующие и, по возможности, исключают „риск безработицы”<sup>28</sup>.

Таким образом, народнохозяйственный риск возникает при выборе и осуществлении альтернатив в условиях неопределенности на высших эшелонах управления и хозяйствования.

Локальный риск, имея общие черты с народнохозяйственным, одновременно обладает своей спецификой. Он, например, возрастает при принятии решений о финансировании научных исследований, связанных со значительным повышением доли новых изделий в выпуске продукции. Существует риск при определении соотношения структуры и объемов производства новых и старых изделий. Риск той или иной величины связан с реализацией товаров (будут ли не будут пользоваться спросом), с производством (будет ли, например, предприятие располагать необходимыми материальными ресурсами в определенный производственный срок), с ценами и затратами (способен ли, скажем, платежеспособный спрос покрыть расходы по удовлетворению потребности в изделиях, реализуемых по заранее рассчитанной или более низкой цене, и может ли быть получена прибыль с учетом фактических расходов).

В условиях работы предприятий на основе полного хозяйственного расчета, когда главная роль в развитии производства переходит от государственных дотаций к прибыли, полученной коллективом, значительно возрастает связь между величиной риска и финансовыми средствами, которыми располагает предприятие. У организаций среднего масштаба (при прочих равных условиях) потенциальных возможностей для быстрого роста больше, чем у крупных. Но одновременно подверженность риску у них выше, поскольку они имеют меньше, чем крупные предприятия, ресурсов.

Локальный риск может быть связан с принятием решений о развитии конкретных видов техники и технологий. В принципе у создателей техники всегда есть два пути. Один медленный и осторожный: здесь идут на минимальный риск, предпочитают путь частичной модернизации действующей конструкции. С точки зрения современных требований такой путь бесперспективен, так как он в конечном счете компрометирует идею ускорения научно-технического прогресса и вгоняет экономику в обременительные и неэффективные расходы. Другой путь создания новой техники — это ориентация на мировой рынок. Он труден, рискован, однако ведет к созданию принципиально новых технологических систем, техники последнего поколения, дающей наивысшую производительность труда.

\* Например, в ВНР после принятия в 1986 году закона о банкротстве и о санации слабо работающих предприятий были „проданы с молотка” 20 различных хозяйственных организаций, 80 кооперативов и одно крупное предприятие (см.: Правда. 1988. 2 нояб.).

Один из примеров тому — Ивановское станкостроительное объединение, которое за сравнительно короткий срок вышло во флагманы отечественного станкостроения и выпускает сегодня обрабатывающие центры, известные во всем мире.

Локальный риск возникает при принятии конкретных экономических или управленческих решений. Предположим, перед коллективом колхоза стоит задача увеличения выпуска количества и качества сельскохозяйственной продукции. В связи с этим перед правлением ставится вопрос о покупке дополнительных машин. Это достаточно привычный и традиционный путь. Но нужной цели можно достигнуть и иначе. Анализ работы подрядных, арендных коллективов показывает, что производительность труда, выработку можно поднять за счет лучшей организации труда, не увеличивая парка машин. Ясно, что такое решение связано с определенным риском — случись какой-то срыв во время посевной, уборки из-за нехватки трактора, погрузчика, ответственность ляжет прежде всего на руководителя, принявшего это решение. Но второй путь отвечает требованиям сегодняшнего дня. Выращивание сельскохозяйственной продукции с минимальными затратами — в этом его суть. Добиваться таких результатов позволяют хозрасчет, подряд, аренда, которые побуждают работников действовать творчески, инициативно, высокопроизводительно.

Итак, в практической хозяйственной жизни существуют две основные разновидности хозяйственного риска — народнохозяйственный и локальный. В известной степени они автономны. Решить вопрос о переводе работника из одной бригады в другую, о выращивании в колхозе одного вида овощей вместо другого, о замене выпуска на предприятии одной модификации продукции народного потребления на другую и т. д. может конкретный руководитель соответствующего ранга. Однако если требуются значительные капиталовложения для перестройки системы здравоохранения, образования, для осуществления жилищной проблемы, то реализация такой народнохозяйственной задачи, предполагающей всесторонний анализ тенденции развития страны на длительную перспективу, является прерогативой соответствующих государственных органов.

Будучи относительно автономными, народнохозяйственный и локальный риск в то же время взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. Иногда они могут являться носителями противоречивых тенденций. Это происходит в тех случаях, когда система управления экономики, хозяйственный механизм создают возможности для несовпадения народнохозяйственных и ведомственных интересов, интересов предприятий и ведомств и т. д. Риск несовпадения различных видов интересов, риск искажения обоснованных решений, выбранных вышестоящими уровнями, возрастает и в связи с тем, что процесс реализации принятого высшими органами Управления решения включает в себя разработку в различных ведомствах, главках инструкций, положений, в которые закладывается *свое понимание* проблемы данным уровнем. В этом случае результатом могут быть не только более эффективные действия по изменению реальных отношений на местах, но и, наоборот, какое-то ухудшение, а также вызванные этими разработками и документами те или иные негативные следствия.

В различные периоды экономического развития соотношение между народнохозяйственным и локальным риском меняется. Общая законо-



мерность здесь может быть выражена следующим образом: чем существеннее роль предприятий в развитии экономики в связи с предоставлением им экономической самостоятельности, внедрением принципов хозрасчета, тем значительнее зависимость экономического развития страны от решений, принимаемых на уровне предприятий (объединений). Такая ситуация ведет к возрастанию роли и значения в хозяйственной жизни локального риска. Если же система централизованного планирования, руководства и управления строится преимущественно на административных, а не на экономических методах, то это значительно сужает круг альтернативных решений на уровне предприятий и тем самым принципиально *ограничивает* возможности принятия самостоятельных обоснованных рискованных решений.

Что же включает в себя требование учитывать хозяйственный риск и что означает идти на риск в практической хозяйственной деятельности?

Ответим на последнюю часть вопроса словами специального корреспондента „Литературной газеты” С. Ушанова: „Что значит „рисковать”? Кто из рулеточных игроков находится в более выгодном положении: швыряющий без счета деньги на ставки или самый прижимистый, выбирающий со вздохом мелкие купюры? Ответ: ни тот, ни другой. В любых ситуациях с элементами случайности – в игре ли в рулетку, в карты, в реальной ли экономике – максимальный выигрыш получит только тот, кто умеет понять закономерности развития событий, предсказать вчерне результат и на основании статистического анализа определить, стоит делать ставки или нет. Поразительно, что до сих пор мы воспринимаем эти азбучные истины с долей удивления. Нам все еще кажется, что если поменьше расходовать, то побольше останется в кошельке. Но ведь это давно не так! Недаром говорится: скупой платит дважды”<sup>29</sup>.

Реализация на практике требования учета риска предполагает необходимость при выборе и реализации по крайней мере наиболее важных альтернатив оценивать вероятности возможных положительных и негативных следствий, отклонений от запланированного результата, которые могут произойти из-за срывов в поставках комплектующих изделий, неполной обеспеченности плана материальными и сырьевыми ресурсами, внедрения в производство предполагаемых новых достижений науки и техники, частых изменений плановых показателей, неблагоприятных погодных условий, изменения спроса на выпускаемую продукцию и многих других причин.

Включение риска в хозяйственный механизм, на наш взгляд, один из действенных рычагов в создании в настоящее время *планового* хозяйства, которое бы объективно учитывало законы *социалистического рынка*. Если в формирующийся ныне новый хозяйственный механизм не включить соответствующие условия для учета риска при выборе экономических, производственных, технических решений, то он будет, в частности, индифферентен к инициативе, невосприимчив к новому, с трудом будет адаптироваться к постоянным преобразованиям, происходящим в экономической жизни.

Целесообразность учета народнохозяйственного и локального риска в практической деятельности неизбежно подводит к необходимости постановки и решения вопроса об условиях *оправданности* хозяйственного риска. Другими словами, когда обоснованный хозяйственный риск

можно считать оправданным? Рассмотрим основные аспекты этой проблемы:

1. Оправданность хозяйственного риска связана с выяснением того, что может быть потеряно в результате осуществления решений, содержащих обоснованный риск, выявлением того, чем рискует субъект, делающий выбор или совершающий рискованные действия. Одно дело – риск во время проведения опытов, на который шли, получая дозы облучения, скажем, супруги Кюри, ставившие на карту только свои жизни. И совсем другое – риск при проведении соответствующих действий на 4-м реакторе Чернобыльской АЭС, приведших к катастрофе для многих не связанных с ними людей.

Для определения оправданности риска данного выбранного решения желательнее принимать во внимание такую социально-экономическую категорию, как „упущенная выгода”. Ее размеры в народном хозяйстве достаточно велики и являются, как правило, следствием безответственности или некомпетентности лиц либо организаций, их неумения или нежелания идти на обоснованный риск.

Под риском упущенной выгоды может пониматься вероятность получения худших социально-экономических, политических и других результатов при выборе одного из нескольких управленческих решений по сравнению с другими возможными решениями<sup>30</sup>.

2. Оправданность хозяйственного риска связана с его полезностью, которая может определяться через отношение того, кто рискует, к ожидаемой удаче и возможной неудаче. С этой точки зрения выбор той или иной альтернативы зависит не только от обоснованности сделанного прогноза, но и от субъективной уверенности, с которой такой прогноз делается, от того, в какой степени учитывается вероятность, что он может оказаться неправильным. Чем меньше уверенность, тем больше субъективная величина риска. Если полезность риска определяется через субъективную ценность той или иной степени успеха или неудачи, то хозяйственный риск будет оправданным, когда в рискованной ситуации субъективное ожидание удаче будет преобладать над субъективным ожиданием неудачи.

При определении полезности выбираемой и реализуемой альтернативы часто упускается из виду, что польза выступает не только в материальном, стоимостном виде, но и как временной фактор, как степень безопасности или надежности или даже как субъективное выражение хорошего самочувствия, эстетического вкуса. При определении полезности принимаемого решения можно воспользоваться некоторыми практическими рекомендациями: попробуйте точно установить полезный эффект решения; если пользу от выбираемого решения можно выразить числом, постарайтесь хотя бы приблизительно оценить это число; если полезный эффект проявляется косвенно, постарайтесь уяснить размер вреда, которого удастся избежать; попытайтесь достигнуть многократной пользы; продумайте, нельзя ли оптимизировать решение математическими методами (максимизация пользы или минимизация потерь)<sup>31</sup>.

3. Оправданность хозяйственного риска имеет политический аспект, который в свою очередь может рассматриваться в различных ракурсах.

Один из них предполагает необходимость учета политических перспектив при принятии решений по техническим вопросам. История и современность

менная жизнь изобилуют примерами игнорирования или недостаточного учета политических последствий при выборе альтернатив. Достаточно вспомнить, скажем, ситуацию начала XIX века в Англии, когда лорды Адмиралтейства заявили, что считают „своей святой обязанностью препятствовать всеми имеющимися в их распоряжении средствами использованию пароходов”. Их преемники в 20-е годы нашего столетия „не считали возможным применение аэропланов”.

Недооценка другого ракурса политического аспекта оправданности хозяйственного риска усугубляет разрыв между экономическими и идейно-политическими результатами хозяйственной деятельности, ведет к противопоставлению хозяйственных руководителей политикам, идеологам; политического, научного и хозяйственного подходов к выбору альтернатив в ситуации риска; распространению убежденности в том, что политические решения — прерогатива лишь партийных и политических, но отнюдь не хозяйственных органов. Такие иллюзорные представления опираются на существующий многие десятилетия стереотип, смысл которого в следующем. Поскольку в ходе развития социалистического строя общественные противоречия ослабевают, а интересы социальных групп, различных общностей все более совпадают, то это ведет к уменьшению значения политики в управлении обществом, к постепенному отказу от учета политических последствий выбираемых хозяйственных решений.

Необходимость выявления политического аспекта хозяйственного риска объективно обусловлена неразрывной связью экономики и политики, наличием различных интересов, которые свойственны разным социальным слоям, группам, классам. Политический аспект исследуется в основном применительно к хозяйственным решениям, затрагивающим интересы различных групп людей. И поэтому оправданность хозяйственного риска с точки зрения политического подхода означает необходимость учитывать общность и различия интересов и потребностей разных социальных групп, соотносить их с общегосударственными интересами, осуществлять целевые установки, способствующие формированию разумных целей и потребностей.

4. Степень оправданности хозяйственного риска зависит от того, в какой мере выявляются нравственно-воспитательные следствия, которые могут возникнуть в результате претворения в жизнь выбранной рискованной альтернативы. Если игнорировать нравственно-воспитательные следствия принимаемых рискованных решений, то это приводит к распространению различных негативных явлений — приписок, потребительской, врачебской психологии, утаиванию резервов производства и т. д. Если рабочего ставят в условия, когда он вынужден из большой болванки вытачивать маленькую деталь, то в стружку уходит не только ценный металл — одновременно улетучивается и энтузиазм, рождаются равнодушие и пассивность.

Таким образом, в реальной жизни достаточно часто возникают противоречия между экономическими и нравственно-воспитательными следствиями реализации хозяйственных решений. При наличии таких расхождений оправданным хозяйственным риском могут считаться решения, которые учитывают возможные положительные и негативные социально-психологические последствия. Для этого выбираемые альтернативы должны оцениваться не только по экономическим, но и по воспитательным

критериям с точки зрения их воздействия на сознание и психологию человека. И обычно следует отказываться от выбора решения, которое, являясь экономически целесообразным, может обернуться существенными негативными нравственно-воспитательными последствиями.

Таковы некоторые моменты, характеризующие хозяйственный риск с точки зрения его оправданности.

Усиление в ходе осуществляемой в стране экономической реформы действия факторов риска и неопределенности, превращение хозяйственного риска в неотъемлемый элемент социально-экономической политики актуализируют вопросы формирования и развития системы ответственности, адекватной проводимым в настоящее время социально-экономическим преобразованиям, охватывающей исполнителей и руководителей всех уровней управления и эффективно функционирующей на всем пространстве хозяйственной жизни — от рядового работника до высших эшелонов управления.

Наряду с теоретическим значением эта проблема имеет реальное практическое содержание, ибо механизм ответственности при социализме объективно является частью общего механизма диалектического опосредования (согласования или рассогласования) различных видов интересов (от индивидуальных до общественных), выступает особой формой взаимосвязи субъектов хозяйственной жизни и управления.

Проблема ответственности может быть рассмотрена в различных аспектах: взаимосвязь форм ответственности — юридической, моральной, политической, партийной, экономической; соотношение видов ответственности — объективной и субъективной; механизм ответственности; место отношений ответственности в структуре общественных отношений; ответственность как правовой институт; как форма взаимосвязи работника и общества, работника и коллектива, коллектива и общества и т. д. Нас данная проблема интересует прежде всего с точки зрения определения в современной хозяйственной жизни границ и меры ответственности субъектов за риск и как социальный институт организации хозяйствования и управления, детерминирующий реальный процесс выбора и реализации решений, в том числе и в ситуации риска.

На практике очень часто *разрывается* диалектическое единство негативного и позитивного содержания ответственности за риск, абсолютизируется ответственность ретроспективная, которая представляет собой дисциплинарные, материальные, административные, уголовные, моральные, политические санкции за нарушение тех или иных норм, установлений и т. д., то есть весьма распространены представления об ответственности как о механизме наказующем — человек совершает рискованный выбор, и ему в случае неудачи, да и при успехе, если нарушена какая-либо устаревшая инструкция, за это „что-то будет”.

Расширение самостоятельности экономической жизни требует отказа от подобных стереотипов, выдвигая на первый план позитивного содержания ответственности, связанного с активностью субъекта. В этом смысле ответственность предстает системой мер, стимулирующих новаторскую, творчески-созидательную деятельность, и предполагает способность субъекта предвидеть результаты своей деятельности и находить на этой основе наиболее рациональные пути и средства для достижения общественно необходимых целей.

Кроме того, в современных условиях хозяйствования приобретает новые оттенки и ретроспективная ответственность. Применение определенных санкций в отношении лиц, выбравших и осуществивших то или иное ошибочное решение, не охватывает все ее содержание. Основанием для привлечения к ответственности являются также неприятия должностными лицами решений, входящих в их компетенцию, их пассивное поведение, расточительство времени, бюрократическая волокита, ведомственность. Меры, ограничивающие подобную деятельность, частично зафиксированы в Законе о государственном предприятии (объединении), а именно в той его части, где вводится правило возмещения потерь, причиненных другим организациям, за счет хозрасчетного дохода коллектива. Разгильдяйство, пассивность, некомпетентность и неумение работать оплачиваются из своего, а не из чужого кармана. Некоторые новые и непривычные ранее идеи заложены и в проведенной в связи с переходом предприятий и организаций на хозрасчет реформе заработной платы. Так, например, создан механизм ответственности за упущения, когда теряются не только премии: рабочему может быть снижен разряд, специалисту понижена категория и оклад до минимального, а руководителям — группа по оплате труда.

Возрастание самостоятельности хозяйствования принципиально расширяет возможности самодеятельности в принятии и выборе решений. И это становится не только *правом*, но и *обязанностью* руководителя, трудового коллектива, препятствующей стремлению перекаладывать ответственность на других. Ответственность конкретного субъекта хозяйствования и управления включает несколько взаимосвязанных уровней: ответственность за результаты своей деятельности перед вышестоящими организациями, а также перед своими подчиненными в данном коллективе. Эти уровни в свою очередь имеют по крайней мере два среза: экономический (ответственность, например, за выполнение плана, повышение качества продукции и т. д.) и нравственный. Сущность последнего проясняется, если представить, что можно выполнять плановые задания, заботясь о морально-психологическом „здоровье” членов коллектива нижестоящего уровня, а можно добиваться реализации заданий ценой нравственно-психологических потерь, не думая о том, что реализация выбранных решений будет связана с обострением или возникновением конфликтных ситуаций, появлением различных обид, увеличением текучести кадров и т. д. Сочетание экономической и нравственной ответственности — важный фактор повышения эффективности хозяйствования, управленческих процессов.

Одним из сложных в теоретическом и особенно в практическом отношении является вопрос об определении границ экономической, политической, административной, профессиональной ответственности за риск. Трудность состоит в реальном разрешении имеющегося противоречия между *обязанностями* и *правами* органов хозяйствования, управления, должностных лиц. Недостаточность полномочий при наличии широких обязанностей приводит к тому, что последние невозможно или чрезвычайно трудно выполнить, а чрезмерные права без соответствующего контроля и ответственности объективно создают возможности игнорирования обязанностей, злоупотребления служебным положением, принятия недостаточно обоснованных решений, вызывающих рассогла-

сование народнохозяйственных и коллективных интересов и не позволяющих в полной мере реализовывать резервы роста эффективности экономики. „Нет прав — нет обязанностей, нет обязанностей — нет прав” — истина простая. Но не зря говорят, что простые истины постигаются труднее всего. В настоящее время, несмотря на принимаемые меры, нередко права и ответственность бывают разделены или недостаточно сбалансированы. Бедой старого хозяйственного механизма было обилие прав и власти у аппарата вышестоящих органов при почти полной беспомощности предприятий в защите своих интересов. „Разорванность” прав и обязанностей, при которой, например, вышестоящие органы доводят планы нижестоящим, но никакой ответственности за их выполнение не несут, утверждают лимиты техники, запасных частей, но за доставку не отвечают, относятся к факторам, сдерживающим развитие самостоятельности, предприимчивости, творческой инициативы. Закономерность здесь однозначная: уменьшение ответственности ведет к застою в делах.

Соблюдение принципа соответствия прав и ответственности — необходимое и обязательное условие эффективно функционирующей системы хозяйствования и управления. Его нарушение — не только элемент старого хозяйственного механизма, но и реалии современного периода развития экономики. Так, в 1987 году в Красногвардейском районе Крымской области было проведено исследование взаимоотношений главных специалистов колхозов и совхозов и вышестоящих органов АПК. Из опрошенных 150 человек на вопрос: „Считаются ли с Вашим мнением вышестоящие органы?” — более 50% ответили: „Нет”, остальные — „Мы не знаем”<sup>32</sup>.

Предусмотренные Законом о государственном предприятии (объединении) меры, конкретно определяющие ответственность (в том числе и материальную) министерств, ведомств за ошибочные указания, некорректные распоряжения, которые привели к потерям, убыткам, создают более благоприятные (по сравнению со старым хозяйственным механизмом) экономические и юридические условия для осуществления закона соответствия прав и ответственности за принятие решений во всех эшелонах хозяйственной и управленческой деятельности, ограничения практики постоянного оперативного вмешательства вышестоящих организаций в деятельность нижестоящих. Речь идет прежде всего о статье 9.3 закона, в которой подчеркивается, что „убытки, причиненные предприятию в результате выполнения указания вышестоящего органа, нарушившего права предприятия, а также вследствие ненадлежащего осуществления вышестоящим органом своих обязанностей по отношению к предприятию, подлежат возмещению этим органом. Споры по вопросу возмещения убытков решаются государственным арбитражем”<sup>33</sup>. На первый взгляд содержание этой статьи не вызывает особых возражений. Однако ситуация меняется, когда задаешься вопросом: откуда вышестоящие органы, непосредственно не создающие прибыли, будут брать средства для возмещения убытков — из госбюджета или из средств подчиненных им предприятий? Тем не менее, несмотря на имеющиеся противоречивые моменты, Закон о государственном предприятии — важный шаг в создании условий

для оптимального сочетания прав и обязанностей различных уровней управления и хозяйствования.

Другой аспект рассматриваемой проблемы связан с выяснением вопроса об ответственности за негативные последствия выбора и реализации рискованных альтернатив. Его практическое решение предполагает несколько вариантов. Один из них лежал в основе старого хозяйственного механизма. Его рецидивы наблюдаются и в современной экономической жизни. Смысл его в следующем: с одной стороны, министерства и ведомства не несли материальной ответственности за негативные последствия рискованных решений, перекладывая ее на предприятия, заставляя трудовые коллективы реализовывать эти решения. При этом исполнители не имели реальных средств воздействия на вышестоящие органы. С другой стороны, в условиях резко ограниченной самостоятельности успешные хозяйственные решения шли в основном на пользу предприятий, тогда как последствия неудачной деятельности часто перекладывались на плечи государства — потери выплачивались из государственного бюджета.

Внедрение в экономическую жизнь принципов хозяйственного расчета потребовало более четкого разграничения сферы полномочий и связанной с ним ответственности за хозяйственный риск. Расширение самостоятельности в деятельности основных ячеек народнохозяйственного комплекса отнюдь не означает, что самостоятельность может быть абсолютной. Ясно, что определенная часть ответственности за принятие хозяйственных, технических и других рискованных решений будет находиться у государства, а часть — у предприятий и организаций. Сложность вопроса в том, каково должно быть соотношение между ними.

Свои цели предприятие реализует совместно с государством. В силу этого предприятие несет материальную ответственность за охрану общественной собственности, выполнение принятых обязательств, соблюдение норм хозяйственной жизни перед государством, другими предприятиями, организациями, учреждениями и своими работниками. В этих условиях неуспех при реализации рискованных решений должен возмещаться из средств, заработанных предприятием. Одновременно и государство несет ответственность перед предприятием. Оно в лице соответствующих органов должно предоставить ему информацию о планируемых изменениях в системе экономического регулирования, о народнохозяйственных целях, а в тех случаях, когда в силу решения центральных органов производство становится нерентабельным, государство должно предоставлять предприятию субсидии, а также участвовать в распределении риска, если, например, оно совместно с предприятием осуществляет решение по конкретным капитальным вложениям.

Ряд специалистов считают, что поскольку система государственных планов-заказов должна распространяться прежде всего на новую продукцию, технические нововведения, то им необходимо приоритетное ресурсное обеспечение, а *экономический риск* развития важнейших направлений научно-технического прогресса государство должно брать на себя<sup>34</sup>.

Создание на практике условий, препятствующих игнорированию

позитивного содержания ответственности, способствующих разграничению ответственности за риск между различными уровнями управления и хозяйствования, затруднено, если в хозяйственный механизм не включены экономические и юридические рычаги, обеспечивающие создание определенных запасов, резервов, гарантирующих в конкретных ситуациях возможность принятия риска. В настоящее время формирование таких ресурсов в значительной степени носит стихийный характер. Причины тому — продолжающееся преимущественно централизованное фондирование материальных ресурсов, прикреплении потребителей к поставщикам, слабая развитость оптовой торговли средствами производства, планирование без должного подкрепления материально-техническим снабжением и финансированием. В этих условиях предприятия, объединения, организации, пытаясь повысить устойчивость к внешним факторам, уменьшить возможный риск неудачи, стремятся иметь избыточные мощности, избыточную рабочую силу, резервы материальных, финансовых ресурсов.

Такая ситуация, особенно в условиях хозрасчета, не может считаться нормальной. Один из экономических способов преодоления ее связан с возможностью создания специального фонда риска. Такую идею, в частности, высказывал на страницах журнала „Коммунист” К. Вальтух<sup>35</sup>. Фонд риска, по его мнению, должен составлять не менее одного процента национального дохода. Частью этого фонда можно управлять централизованно — для испытания наиболее значимых, имеющих народнохозяйственное значение технологических и технических преобразований. Возложить эти функции целесообразно на орган, не связанный с узкими ведомственными интересами и способный привлечь самых авторитетных экспертов для отбора наиболее перспективных решений. Другая часть фонда риска может управляться децентрализованно — это относится главным образом к направлениям, связанным с тиражированием уже определившихся технологических и технических решений.

К этому нужно добавить, что в условиях хозяйственного расчета фонд риска должен формироваться не только на государственном, но и на всех других уровнях управления и хозяйствования.

Резервный фонд риска, создаваемый на случай экономических затруднений, необходимости покрытия расходов, возникающих в результате реализации рискованных решений, может образовываться из различных источников — специальных отчислений из прибыли предприятия, регулярных отчислений из фондов материального поощрения и заработной платы, первоначальных взносов членов трудового коллектива (и, видимо, не только кооперативов) и т. д. Фонд риска на предприятии, в организации помогает кардинально менять отношение к рискованной деятельности. Раньше было так: возникла техническая, научная идея, сулящая в будущем весомые результаты, и встает вопрос: что делать — либо ехать выпрашивать под нее средства в министерстве, либо искать заказчика, который рискнул бы оплатить исследования? При наличии фонда риска нужно лишь квалифицированно решать, идти ли на риск. Яркий пример тому — деятельность созданного в 1987 году хозрасчетного Центра научно-технических услуг при Московском городском совете научно-технических обществ. Средства в фонд риска собираются здесь прежде всего для апробирования „суперидей”, то есть идей, превышающих мировой уровень<sup>36</sup>.



Работники этого центра считают, что „стучаться” с такими идеями в министерство или ведомство, нацеленное на „поток”, — пустое дело, поэтому риск надо брать на себя. Так, из фонда риска были взяты средства для разработки комплекса вибродинамического уплотнения грунта с последующим нанесением дорожного покрытия. Проект стоимостью 100 тысяч рублей в случае успеха будет давать экономию в 272 тысячи на 10 километров дороги, заменяя 7—8 механизмов одним, сокращая в 3—4 раза количество привозного грунта.

Фонды риска используются и в торговле<sup>37</sup>. Существующая, например, в Венгрии система уценок направлена на то, чтобы быстрее и выгоднее продать товары. Кроме сезонных (весенних и осенних) уценок каждый универмаг может выбрать какую-то группу товаров и на некоторое время уценить их. Для этого у руководителей отделов имеется фонд риска. Нормативы его образования зависят от вида товаров (для одежды они выше, поскольку платья и костюмы быстро выходят из моды, для технически сложных изделий — ниже). За счет фонда риска можно покрыть расходы по снижению цен и распродаже неходовых товаров.

В ряде социалистических стран существуют и другие способы, дополняющие и развивающие идею создания фонда риска. Так, в 1980 году в Венгрии в порядке эксперимента стал действовать Инновационный фонд при Венгерском национальном банке. Затем он был преобразован в самостоятельный хозрасчетный акционерный банк — „Иннофинанс”. Основная причина его создания была связана с тем, что действующий в стране экономический механизм слабо понуждал предприятия „гоняться” за новинками, а тем более вкладывать средства в такие изобретения, финансировать проекты, прибыль от которых или возмещение затрат в случае неудачи не гарантированы на 100%. Тогда и возникла мысль об организации посредника, которая бы на свой страх и риск не только отбирала и финансировала наиболее перспективные изобретения, но и организовывала их внедрение. Смысл деятельности акционерного банка заключается в следующем. Его представители выискивают новые перспективные изобретения, технологии и дают им дорогу в жизнь, преследуя для себя чисто коммерческие цели. При этом решено, что банк не участвует в финансируемых центральными органами научно-технических программах. Он заключает договоры с любыми промышленными предприятиями, кооперативами, торговыми учреждениями, институтами в целях их финансирования при внедрении перспективных новинок. Тем самым банк принимает на себя риск потенциальной неудачи — авторы изобретений и предприятия-изготовители за риск не несут никакой ответственности. Зато в случае успеха банк становится пайщиком этих предприятий в получаемой от реализации продукции прибыли. Примерно половину имеющихся средств банк вкладывает в рискованные проекты, на остальные — приобретает акции других организаций, тем самым страхуя себя от неудач и банкротства<sup>38</sup>.

Подобные учреждения в последнее время стали организовываться и в СССР. Так, например, появились первые инновационные банки в Ленинграде, Москве, Калуге. Их цель — поддержка инициатив по разработке и внедрению изобретений, новых проектов, не только технических, но и социальных, помощь в производстве товаров народного потребления, развитии услуг населению и т. д.

Естественно, что могут быть использованы и другие формы создания фонда риска, например организации наподобие западных „фирм риск-бизнеса” и т. д. Но ясно одно: без таких организаций на различных уровнях хозяйствования и управления едва ли возможно в настоящее время эффективно решить вопрос о персонализации ответственности за риск, обеспечить ускоренное развитие научно-технического прогресса, внедрить в реальную производственную жизнь методики учета народнохозяйственного и локального хозяйственного риска, создать реальные условия для развития инициативы, творчества, новаторства.

## § 2. Инициатива и творчество как факторы перестройки

Термины „инициатива” и „творчество” в научных публикациях и особенно средствах массовой информации в последние годы употребляются не намного реже, чем слово „перестройка”. И это понятно: без развития инициативы, творчества, социалистической предприимчивости, без создания условий для обоснованного риска невозможно претворять в жизнь многообразные и сложные задачи, которые охватываются понятиями „ускорение” и „перестройка”. Инициатива и творческая активность — те социальные силы, которые способны (при их рациональном использовании) преобразовать многие устои нашей жизни, вывести народ из политического и социального оцепенения, в котором он пребывал долгие годы. Эта мысль неоднократно и в различных аспектах подчеркивалась в партийных документах. В частности, на XXVII съезде КПСС отмечалось, что „любые наши планы повиснут в воздухе, если оставят равнодушными людей, если мы не сумеем пробудить трудовую и общественную активность масс, их энергию и инициативу. **Повернуть общество к новым задачам, обратиться на их решение творческий потенциал народа, каждого трудового коллектива — таково первейшее условие ускорения социально-экономического развития страны**”<sup>39</sup>. Недаром говорится: „Где инициатива, там успех”. В отношении инициативы, так же как и в отношении риска, в советской обществоведческой литературе сложилась своеобразная ситуация: при общем признании инициативы в качестве важнейшего фактора и резерва развития социализма, статей и тем более монографий, исследующих инициативу как социальное явление, насчитывается буквально единицы<sup>40</sup>.

Почти нет и работ, изучающих взаимосвязь творчества и риска. Необходимость реабилитировать девальвированные в 60–80-х годах понятия личной и общественной инициативы\*, выработать практические рекомендации для решения задач отбора и воспитания творческих личностей актуализирует проблемы осмысления сути инициативы и творчества, принципиально нового содержания их социальных функций, анализа факторов, ускоряющих и тормозящих развитие инициативы, творческой активности масс. Остановимся на некоторых из обозначенных вопросов преимуществ

\* Примеров тому — великое множество. Однако их суть и смысл достаточно точно отражает признание одного из героев повести Г. Медведева „Экспертиза”: „Нас обязали, мы подчиняемся. Дисциплина стоит дороже инициативы. Скажут надо — спроектируем и троглодита”.

венно под углом зрения *выявления взаимосвязи* между инициативой, творчеством и риском и попытаемся выяснить их роль в ускорении социально-экономического развития страны и перестройке общественной жизни.

Инициатива — сложное и неоднозначное по содержанию явление. В самом общем виде инициатива — это самопроизвольное выполнение действий. Конкретизация понимания инициативы как способности к самостоятельным активным действиям в различных сферах общественной жизни приводит к тому, что ее суть раскрывается через новые формы деятельности, направленные на качественное преобразование устаревших методов организации труда, производства, управления и других общественных явлений, тормозящих эффективное развитие экономической, социально-политической и духовной жизни.

Таким образом, инициатива представляет собой самостоятельные активные, обладающие новизной действия социального субъекта, направленные на реализацию общественно значимой цели.

Инициатива часто ассоциируется с неординарностью, конструктивностью, способностью к творческим действиям, смелостью начинаний, готовностью взять на себя ответственность за нестандартные решения. Она включает в себя изобретательность, умение вовремя внести оригинальное предложение. Инициатива проявляется в выборе нового пути, который не указан вышестоящими руководителями, или в выборе других средств для достижения поставленной цели. В этом смысле инициатива, самостоятельность связаны с нарушением привычного порядка, с поиском нового решения для выполнения возложенной задачи или с преодолением трудностей. Если исполнители действуют на основе указания или уже установившегося способа действия — это проявление дисциплинированности. Если же эти действия представляют собой модификацию данного указания или выбор другого пути для достижения нужной общественно значимой цели, то это инициатива. Вот один из примеров, раскрывающих некоторые отличия „дисциплинированного” и „инициативного” поведения. Долгие годы считалось, что выполнение цехами Ленинградского вагоностроительного завода имени И. Е. Егорова программы по номенклатуре — дело почти невозможное. Стремясь переломить сложившуюся неблагоприятную традицию, группа рабочих прессово-заготовительного цеха, несмотря на то что люди на заработки не жаловались, выступила с инициативой усовершенствовать бригадный и ввести цеховой подряд. Раньше, когда цех не выполнял программу, без премии оставались инженерно-технические работники, а рабочие, если они укладывались в норму и работали без брака, „свое” получали. После перехода на цеховой подряд „прогрессивка” стала премией за полное выполнение программы по номенклатуре и для рабочих, то есть ее еще надо было заработать. Проявленная рабочими инициатива была направлена на то, чтобы каждый отвечал не только за бригаду, но и за участок, а в конечном итоге — и за цех. Не все проходило гладко. Но обстановка в цехе изменилась, рабочие перестали „гнать” просто вал, стали проявлять самостоятельность в выполнении заданий по номенклатуре. В результате произошли заметные сдвиги в выполнении планов по кооперативным межцеховым поставкам. Рабочие, внедряя инициативу, избрали нестандартный и в определенной мере рискованный (например, в смысле оплаты труда) путь. Но, будучи подготовленным и обосо-

ванным, он открыл новые возможности для решения назревших производственных задач.

Не каждая конкретная социальная инициатива — явление только положительное. Бывают инициативы и необоснованные, и асоциальные. Определение на практике социальной значимости той или иной инициативы — задача непростая. Но общеметодологический критерий полезности конкретной инициативы заключен в степени ее соответствия общественным интересам.

Социальные функции инициативы многообразны. Она выступает средством социализации личности, развития ее общественно значимых качеств, одним из условий стабильного функционирования и развития социалистического общества, способом внедрения в общественную жизнь прогрессивных социальных технологий, самоорганизации социальной активности. Особое значение в настоящее время имеет „преобразующая” функция инициативы. Реализация стратегии ускорения, перестройка всех сфер общества возможны лишь при широком развитии незаформализованной инициативы, творчества масс, самостоятельности трудовых коллективов. В этом смысле злободневны слова В. И. Ленина более чем семидесятилетней давности: „Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире... самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся...”<sup>41</sup>

Функции инициативы в экономической жизни социалистического общества рельефно проявляются во взаимосвязи инициативы и хозяйственного механизма. Как показывает практика, преобразование хозяйственного механизма обязательно предполагает выработку и внедрение социально значимых инициатив, починов. Одновременно хозяйственный механизм оказывает значительное воздействие на характер, содержание и направленность инициативы, ее экономические и социальные последствия.

Диалектическая взаимосвязь инициативы и хозяйственного механизма сложна и противоречива. Несовершенство хозяйственного механизма выступает условием, тормозящим развитие инициативы, то есть если хозяйственный механизм в каких-то своих частях, элементах не соответствует объективной ситуации, то это сковывает инициативу, затрудняет ее последовательную реализацию на практике. Достаточно вспомнить в связи с этим трудности, которые возникли на пути широкого распространения щекинского опыта работы во второй половине 60-х годов.

С другой стороны, инициатива выявляет недостатки в системе планирования, хозяйствования, управления и, указывая пути совершенствования хозяйственного механизма, предлагает средства для преодоления имеющихся несовершенств. В этом контексте инициативу можно рассматривать как один из способов разрешения противоречий, возникающих в хозяйственном механизме. Реально же воздействовать на хозяйственный механизм инициатива может не сама по себе, а через такие его элементы, как планирование, хозрасчет, стимулирование труда и т. д.

Инициатива в силу наличия в социалистических производственных отношениях элементов соревновательности и состязательности между отдельными работниками, а также коллективами и предприятиями выступает как метод управления и развития народного хозяйства, элемент хозяйственного механизма. Однако это не означает, что инициатива полностью превращается в средство государственного воздействия на экономику,

хотя несомненно, что в условиях перестройки экономики происходит более интенсивное сближение инициативы масс и централизованного планирования, управления и хозяйствования. Встречное планирование, личные и бригадные планы рабочих, бригадная организация труда, семейные, коллективные подряды, аренда — все это проявление конкретных форм такого взаимодействия.

Отсюда следует ряд методологических и практических выводов. Во-первых, процесс изменения хозяйственного механизма обязательно включает в себя поиск, внедрение и развитие на производстве самостоятельности, различных форм хозяйственной инициативы, демократии. С другой стороны, разработка и внедрение конкретных инициатив, развитие самоуправленческих начал в сфере экономики — не самоцель, поскольку инициатива призвана способствовать укреплению централизованного управления, основанного на экономических методах, созданию адекватного современной ситуации хозяйственного механизма. Этот аспект в условиях экономической реформы приобретает особую значимость, ибо практика свидетельствует, что некоторые производственные вопросы без инициативы, без включения ее в структуру хозяйственного механизма решить сложно, а иногда, в данных конкретных условиях, просто невозможно. Общеизвестно, что инициатива, с которой выступили Волжский автомобильный завод и Сумское научно-производственное объединение, позволила их коллективам выйти на передовые рубежи технического прогресса, поднять качество выпускаемой продукции и в то же время обеспечить высокие экономические показатели в работе. Но дело не только в этом. Накопленный здесь опыт проложил путь для перестройки форм и методов хозяйствования на других предприятиях и в организациях страны.

Обобщение опыта работы передовых коллективов, проявивших инициативу в организации труда на принципах коллективного подряда, показывает, что они добиваются высоких результатов в повышении производительности труда, качества продукции, ускорении темпов работы. Такой эффект нельзя получить только за счет внедрения новой производственной техники, применения хозяйственных и административных мер. Инициативы трудовых коллективов по развитию хозяйственных подрядов в бригадах, цехах, участках содержат элементы, явственно не проявляющиеся в хозяйственном механизме: по своим конечным результатам они ориентированы на преобразование психологии и сознания работающих, на изменение их отношения к делу, к своим обязанностям. Таким образом, можно сказать, что инициатива является своеобразным *испытательным полигоном*, где проходят апробацию новые организационные формы хозяйствования и управления. Не оправдавшие себя, нежизненные формы уходят. Другие, доказавшие свою прогрессивность, жизненность, своевременность, интегрируются хозяйственным механизмом. Так, практическим испытанием широко используемых ныне программно-целевых методов управления стала инициатива 28 предприятий и организаций — участников создания Саяно-Шушенской ГЭС. В структуру хозяйственного механизма включались, например, элементы щекинского метода, некоторых починов, направленных на укрепление порядка и дисциплины на производстве. Одна из таких инициатив возникла на Северском трубном заводе имени Ф. А. Меркулова в Свердловской области. Опыт уралцев был обобщен и рекомендован к широкому распространению ЦК КПСС

в постановлении „О движении за коллективную гарантию трудовой и общественной дисциплины” (апрель 1987 г.). Суть инициативы коллектива завода заключается в том, что бригады принимают обязательства о коллективной моральной и материальной ответственности за состояние трудовой и общественной дисциплины. При отсутствии в коллективах нарушений применяются различные формы поощрения, в частности увеличивается вознаграждение по итогам работы за год. За время работы бригад по принципу коллективной ответственности потери рабочего времени на заводе сократились в 7, прогулы — в 8 раз, нарушения общественного порядка уменьшились вдвое, а текучесть кадров — на 30%. Важно и другое. Совершенствуя формы инициативы, углубляя ее содержание, многие бригады принимают на себя коллективную ответственность за строгое соблюдение не только трудовой, но и технологической дисциплины, за высокое качество продукции, рациональное использование машин и механизмов. Одновременно рассматриваемая инициатива служит конкретным опытом производственного самоуправления, укрепления коллективистских отношений, нравственного воспитания человека, то есть в ней проявляется не только экономический, но и воспитательный эффект.

В условиях сосуществования старого и нового хозяйственного механизма инициативы, с которыми выступили трудовые коллективы, иногда выполняют и компенсирующую функцию, поскольку позволяют решать некоторые производственные, научно-технические проблемы значительно быстрее, чем традиционными способами хозяйствования. Об этом свидетельствует, например, инициатива некоторых заводов Саратовской области, решивших наладить на основе кооперации производство гибких автоматизированных и роторных линий, робототехники, или почин Курского государственного подшипникового завода, решившего изготовить своими силами 11 автоматических линий и 20 металлорежущих станков.

Преодоление с помощью инициативы недостатков в различных сферах социально-экономической жизни — факт достаточно известный и распространенный. Однако сама по себе инициатива не может перекрыть действие других факторов изменения и совершенствования хозяйствования, особенно тех, которые берут начало в централизованном руководстве. Именно поэтому вызывают возражения суждения, абсолютизирующие преобразующую роль инициативы, преувеличивающие роль энтузиазма в развитии социалистического общества. И именно поэтому наряду с использованием инициативы современное преобразование хозяйственного механизма, изменение его структуры и элементов, улучшение централизованного управления народным хозяйством потребовали комплекса экономических, организационных, правовых, политических, моральных и других мер.

Критического осмысления требует и другой достаточно распространенный в общественном сознании стереотип в понимании значения инициативы при социализме. Очень часто о починах, инициативах, созыательности говорят применительно лишь к сфере производственной жизни. Такое понимание роли инициативы возникло не на пустом месте, оно связано с широко распространенным технократическим подходом к принятию решений, управлению, планированию, с принижением роли социальных факторов в общественном развитии.

Перестройка охватывает не только экономическую сферу. Поэтому в инициативе, творческой активности нуждается преобразование и развитие и так называемой внепроизводственной сферы, которая в течение длительного времени выступала в роли пасынка. Привычка к напряженному труду, умение по-новому взглянуть на кажущиеся привычными дела, явления, настойчивость в достижении поставленных целей формируются не только в производственной деятельности, но и в социальной, культурной среде. И особую роль, как справедливо отмечают некоторые обществоведы, в воспитании названных качеств играют самодетельные формы общественных начинаний в сфере социального воспроизводства<sup>42</sup>. Круг общественных инициатив значительно возрос в последние годы. Это относится, например, к охране окружающей среды и качеству жизни в городах, к проблемам молодежного жилья и досуга, воспитания и образования, к вопросам взаимодействия науки и производства, охраны памятников истории и сохранения культурных традиций. Инициаторами самодетельных начинаний выступают ученые, писатели, деятели культуры (например, природоохранные начинания), рабочие, инженеры, пенсионеры, представители молодежи (например, создание семейных клубов, молодежных жилых комплексов, клубов в поддержку перестройки, внедренческих фирм на общественных началах, добровольных бригад помощи реставраторам памятников архитектуры и т. д.). Общественные инициативы не только меняют условия жизни человека, но и воздействуют на самих людей, участвующих в этих начинаниях, то есть участие в разработке, внедрении инициатив также имеет воспитательное, социализирующее значение.

Суть общественно значимой инициативы проявляется не только в самостоятельных, обладающих новизной действиях, рациональном преобразовании социально-экономических, политических, культурных условий жизни. Ей свойственны и такие качества, как стихийность возникновения, неопределенность результата, возможность реализации через случайное совпадение способностей, интересов, знаний и общественной потребности. Наличие у инициативы этих свойств, невозможность предугадать со стопроцентной точностью ее конечный результат приводят к тому, что процесс выработки, подготовки и реализации инициативы всегда в той или иной степени связан с *риском*.

Итак, взаимосвязь риска и инициативы, обнаруживаемая даже на обыденном, житейском уровне, основана на существовании в последней элементов неопределенности, способных менять предполагаемый результат. Данная проблема в современных условиях приобретает особо важное теоретическое и практическое значение. Тем не менее она почти не исследуется в советской обществоведческой литературе. Не претендуя на выявление всех элементов механизма взаимодействия инициативы и риска, рассмотрим некоторые из них.

Игнорирование наличия риска при разработке и осуществлении инициативы автоматически ведет к точке зрения, согласно которой субъект, подготавливающий инициативу, „знает все” о путях ее реализации, располагает стопроцентной достоверной информацией о том, каким будет будущий результат. Такая исходная посылка на практике ведет к тому, что выработка механизма реализации инициативы превращается в некий формальный акт, а претворение инициативы в жизнь якобы должно основываться не на экономических, а главным образом на административных

методах, то есть получается, что различные формы материального и морального стимулирования творческой активности трудящихся по развитию инициативы приобретают вид „архитектурных излишеств“<sup>43</sup>. Поскольку разработка и внедрение инициативы происходят в рамках экономической или социальной системы, являющейся сложным вероятностным объектом с элементами неопределенности, то изложенный выше подход к осуществлению инициативы обычно приводит к получению непредвиденных сопутствующих результатов, появлению различных негативных следствий, на преодоление или минимизацию которых необходимы дополнительные затраты.

Новизна как черта, присущая инициативе, предполагает социальную смелость, мужество действий, поступков. Без этого нелегко решиться на шаг за черту привычного, на бой с активно противостоящими консервативными силами. А если управленческое, конструкторское, организационное и любое иное решение объективно характеризуется как смелое, то в нем всегда присутствует риск, содержится элемент ненадежности.

Риск сопутствует инициативе и потому, что последней присущи самостоятельность и самодеятельность. Правда, живы в памяти сравнительно недавние времена, когда термин „самодеятельность“ толковался в негативном, „партизанском“ смысле. В новых условиях хозяйствования разумная самодеятельность, связанный с нею обоснованный риск все чаще оцениваются как полезный почин, как необходимый и обязательный элемент современной социально-экономической жизни.

Определение возможной доли риска при подготовке и реализации различных экспериментов, инициатив предполагает также и выявление вероятности действия случайных факторов, которые могут оказывать воздействие на процесс поставленной при внедрении почина цели. Их условно можно разделить на две группы: внешние и внутренние; первые отражают влияние внешних по отношению к данной проводимой инициативе, эксперименту обстоятельств. Они могут быть связаны, например, со сферой научно-технического прогресса, с партнерами-поставщиками с других предприятий, с особенностями данного региона, города, с погодными условиями и т. д. Учет этих обстоятельств находит свое выражение в вероятностных прогнозах двух основных типов<sup>44</sup>. К первому относятся прогнозы, где вероятностное распределение соответствующих случайных параметров известно точно. Это прогнозы с полными данными. Существуют также прогнозы, в которых соответствующее распределение вероятностей известно лишь с точностью до некоторых параметров. Причем в процессе осуществления инициативы появляется новая информация, позволяющая уточнить первоначальный прогноз. Такие прогнозы называют прогнозами с неполными данными.

К группе внутренних случайных факторов относятся причины, порождаемые взаимодействием элементов системы, вовлеченной в эксперимент, или системы, в которой возникает почин, инициатива. В этом случае существуют большие возможности по сравнению с предыдущей ситуацией измерять вероятностные характеристики случайных процессов, влияющих на ход проводимого эксперимента или инициативы. Специфику такого влияния со стороны различных типов случайных факторов целесообразно учитывать в хозяйственной, социально-политической, экономической деятельности. Когда это не делается, инициатива может быть связана с



ощутимыми потерями вместо ожидаемых приобретений. Вот почему, как справедливо замечают некоторые хозяйственные руководители, „надо учиться мыслить по-новому, наперед видеть потери, которые несет в себе техническое решение, та или иная инициатива“<sup>45</sup>.

Современный хозяйственный механизм оказывает существенное влияние на величину вероятности достижения желаемого результата в ходе осуществления инициативы в зависимости от ее типа. Имеется в виду, что, например, инициативы „снизу“ значительно чаще сталкиваются с дополнительными трудностями, чем инициативы „сверху“. Новые идеи, инициативы „снизу“, связанные, скажем, с техническим перевооружением, разработкой новых технологий, технологических процессов, обычно могут рассчитывать на поощрение, если они включены в технические мероприятия главка, министерства. Но включить сюда всех исполнителей практически невозможно. Бывает и так, что в план мероприятий министерства трудно включить принципиально новую, выгодную для народного хозяйства инициативу потому, что она идет „снизу“. А техническая политика преимущественно делается вверху. „Нам виднее, куда и сколько вкладывать средств“, — говорят в таких случаях. Вот лишь один пример, показывающий негативные последствия, к которым приводит подобный порядок в реальной жизни<sup>46</sup>. На протяжении многих лет энгузиасты, работающие в институтах БашНИИНП и Башгипронефтехим в Уфе, пытались решить (практически без поддержки соответствующих министерств) проблему получения игольчатого кокса. Это им удалось. Они предложили отечественное оборудование взамен импортного, что позволило бы при высоком качестве сократить затраты втрое. Однако это только опытная партия. Нужно же массовое производство, требующее значительных капиталовложений, а пятилетний план сверстан, и средства распределены. Следовательно, строительство предприятия, выпускающего нужный стране кокс, при обычном положении дел начнется лишь в тринадцатой пятилетке. Вот так иногда и растягивается на десятилетия период от замысла до воплощения ценных инициатив, рожденных „внизу“. Чтобы этого не происходило, „меры по совершенствованию управления сверху, — подчеркивается в Программе КПСС, — должны сочетаться с развитием коллективных форм организации и стимулирования труда снизу“<sup>47</sup>.

Когда говорится, что инициатива „снизу“ нуждается в поддержке „сверху“, то следует иметь в виду, что в последние годы само представление о такой поддержке существенно изменилось. Творчество масс не может подменяться директивами, даже самыми хорошими. Не только формального одобрения новых починов ждут сейчас трудовые коллективы от своих вышестоящих органов. И не только дополнительные инструкции по развитию инициативы, а также запросов и сведений, характеризующих ее эффективность. Поддержка инициативы „сверху“ в нынешних условиях перестройки означает освобождение от мелочной опеки, отмену устаревших инструкций, сокращение бумаготворчества. Именно это создает реальную возможность „полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели“<sup>48</sup>.

Органически соединить инициативу „снизу“ с механизмом управления — значит обеспечить успех дела. Скажем, активная поддержка рядом министерств и ведомств почина ленинградцев по переходу на многосмен-

ную работу позволяет предприятиям быстрее вести качественную перестройку действующих мощностей. На многих из них ускорены инвентаризация и вывод устаревшего оборудования с высвобождением площадей и работников, глуже стал технико-экономический анализ, идет совершенствование структур управления. К этому подключились отраслевые институты, службы быта. А в итоге коллективы сокращают сроки технического перевооружения, налаживают выпуск новой продукции без остановки производства. Подобные практические результаты убедительно показывают актуальность для наших дней ленинского предложения о том, чтобы установить особую ответственность центральных учреждений за сдерживание инициативы и за недостаточную ее поддержку.

В условиях господства авторитарных методов управления народным хозяйством, бюрократизации большинства общественных структур известный лозунг „Социализм — это творчество масс” вступил в противоречие с жизненными реалиями, ибо лозунг остался, а спрос на инициативу, новаторство и творчество резко упал. Изошренное и старательное преследование новаций, частые наказания творческих личностей за нарушение ими ведомственных инструкций, запретов, ограничений породили крылатую фразу: „Всякая инициатива наказуема”. Длительное „разбазаривание” творческого потенциала, творческих способностей людей нанесли заметный урон как развитию всего общества, так и конкретным людям. Сложившуюся неблагоприятную ситуацию не разрешить какой-либо одной акцией. Однако достаточно очевидно, что в период кардинальных общественных преобразований *объективно* возникает потребность не только в активном развитии инициативы, новаторства, но и в умелом использовании *творческого* потенциала людей, коллективов.

Происходящие в обществе изменения оказывают воздействие и на формирование в сознании и поведении разных социальных и профессиональных групп *ориентации на творчество*. Так, например, по данным Всесоюзного социологического исследования, отдают предпочтение работе, в которой нужны самостоятельность, поиск, творческая смекалка, либо работе, где, напротив, все регламентировано и точно определено, среди промышленных рабочих соответственно 54,9 и 20,6%, среди инженерно-технических работников — 68,2 и 8,2; среди служащих — 48,6 и 14,5; среди научных работников — 81,0 и 6,3%<sup>49</sup>.

Показателем хотя еще и робкого изменения ситуации служит и увеличившийся в последние 3—4 года интерес практических работников, руководителей различных уровней управления, людей разных профессий к вопросам отбора и воспитания творческих личностей, способам и методам творческой активности людей.

Творчество — это общественное достояние и одно из важнейших качеств личности. В нем проявляется социальная сущность человека как создателя новых форм в сфере материального производства, политики, науки, искусства. Не ставя перед собой задачу разбирать различные аспекты творчества, активно обсуждаемые в советской и зарубежной литературе, обратим внимание лишь на некоторые моменты, раскрывающие особенности взаимосвязи творчества и риска.

Сопряженность риска с творчеством объективно обусловлена сущностью самого творческого процесса. Его основу составляет продуктивная деятельность, ориентированная на выработку новых целей и соот-

ветствующих им средств или достижение известных целей с помощью новых средств. Творчество – это деятельность, в результате которой создаются новые материальные и духовные ценности, „продукты”, отличающиеся новизной. Процессу создания нового всегда сопутствует риск.

Творчество характеризуется не только новизной, но и изобретательностью, неповторимостью. Ему присущи смелость, мужество, необходимые для того, чтобы пойти „против течения”, против общепризнанных авторитетов. Творчеству нужны твердость характера, упорство и решительность, чтобы не останавливаться на полпути в создании нового. Трудно представить творческий процесс без восприимчивости, готовности положительно отнестись к новому опыту, к необычным впечатлениям.

Творчество невозможно без риска, поскольку специалист не следует по заранее известному пути, а создает новые идеи, наполняет старые идеи новым содержанием. Именно в этом контексте говорят, что творчество – это шаг за пределы привычного. Чтобы ученый, специалист совершил открытие, создал принципиально новое, его мысль должна сойти с круга привычных представлений, уйти от шаблонных, трафаретных решений. А это всегда сопряжено с риском: небезопасно терять эти старые представления, а иногда ради „сумасшедших” идей приходится рисковать и своим репутацией.

Творчество сопряжено с риском и потому, что оно предполагает наличие вариантов, между которыми нужно выбирать, оно не поддается формализации, строгому математическому расчету, ему свойственно дерзание. Дерзание – это желание и способность совершить неожиданные, решительные по своим последствиям действия. Русский советский писатель В. В. Вересаев по этому поводу писал: „Путем постоянного и непрерывного риска, блуждая в темноте, ошибаясь и отрекаясь от своих заблуждений, медицина и добыла большинство того, чем она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы прогресса; это свидетельствует вся история врачебной науки”<sup>50</sup>. Действительно, без творчества, без смелой, дерзновенной мысли и дерзновенных действий едва ли было бы создано все значительное, чем располагает современная человеческая цивилизация. Без творчества и сопутствующего ему риска, видимо, не было бы телефона и самолета, телевизора и электродвигателя, паровоза и космических аппаратов и т. д.

На связь творчества и риска обращали и обращают внимание ученые, общественные деятели. Так, например, В. В. Куйбышев считал, что „право на известный риск в проведении тех или иных технических усовершенствований является непременным условием и предпосылкой для творчества революционной технической мысли”<sup>51</sup>. О том, что обязательно нужно рисковать, занимаясь научными исследованиями, рассказывал на страницах газеты „Правда” член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР Ю. Глеба<sup>52</sup>. Проблема связи риска с новаторством, изобретательством, рационализаторством исследовалась М. С. Гринбергом, А. И. Омельченко<sup>53</sup>.

Творчество обусловлено той сферой общественной жизни, в которой оно реализуется (производство, наука, техника, искусство, политика, педагогика и т. д.). Поэтому наряду с выявлением связи риска и творчества вообще целесообразна постановка вопроса о своеобразии процесса творчества в каждой из сфер и характера взаимосвязи различных видов творчества (научного, политического, технического, художественного, педагогиче-

ского и т. д.) с риском. В этом плане можно говорить о такой его разновидности, как *творческий риск*. Он представляет собой научную, техническую, изобретательскую, художественную, педагогическую, социально-экономическую, экспериментальную деятельность, связанную с созданием нового (изобретения, идеи, знания, технические и другие усовершенствования), в процессе которой возникает потребность в определении и учете вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи, отклонения от поставленной цели.

Риск различным образом проявляет себя в творческом процессе, и зависит это, в частности, от структуры решаемой задачи. Поясним это примером. Такая разновидность творчества, как научное творчество, преимущественно связана с решением новых исследовательских задач, каждая из которых содержит определенную степень риска. Здесь можно представить два различных сюжета. В одном случае ученый занимается решением научной проблемы, которая вытекает из хорошо обоснованной теории и требует детализации, дополнения и уточнения. Задачи такого рода хорошо определены, известна процедура их анализа, известно также, что они имеют определенное решение, гарантируемое теорией, на которой они основываются. Риск неудачи при решении такой задачи может возникнуть главным образом из-за определенных технических, организационных трудностей или недостаточного упорства исследователя.

Иначе обстоит дело с проблемами, возникающими в результате критики имеющихся теорий, противоречий, содержащихся в них. Если задачи исследования формулируются в еще не изученной или малоизученной области, то они, как правило, недостаточно определены, неизвестна стратегия их решения и неизвестно, имеют ли они вообще решение. В этом случае значительно возрастает возможный риск неудачи — например, в ходе исследования может оказаться, что данная проблема неразрешима. Но задачи второго варианта, отличающиеся большей степенью риска по сравнению с первыми, более продуктивны, поскольку способны революционизировать науку и открывать новые исследовательские перспективы.

Величина риска меняется также в зависимости от способов, с помощью которых решается данная задача. Например, риск различным образом может проявлять себя, если исследователь основывается преимущественно на принципах конвергентного или дивергентного мышления. Конвергентное мышление в большей степени стремится исключить элементы риска и неопределенности, поскольку оно подразумевает умение сфокусировать внимание на любых факторах, признанных в данной ситуации существенными и ведущими к получению единственно правильного решения, ответа. Дивергентное мышление, означающее способность к гибкому поиску относящихся к данной проблеме факторов и получению ряда отличающихся решений, обладает вероятностным характером, что может повышать степень риска решаемых таким способом проблем.

Наряду с выяснением объективного содержания творческого риска определенный интерес представляют суждения о нем практических работников. Приведем некоторые высказывания о творческом риске и его роли в различных сферах общественной жизни партийных и хозяйственных руководителей:

1. Нужно уметь ставить на азарт, смелость, на инициативу. Никогда не грех рискнуть талантом, изобретательностью (директор предприятия).

2. Риск – творческий процесс (партийный работник).
3. Рисковать – это знать, что делать в случае неудачи (руководитель подразделения).
4. Новое всегда содержит долю риска, но без этого нельзя, а стало быть, без риска не обойтись (хозяйственный руководитель).
5. Работа без риска непродуктивна и скучна (партийный работник).
6. Лучше без риска (хозяйственный руководитель).
7. Быстрый перелом в работе, достижение нового в сжатые сроки достигаются ценой большого риска (хозяйственный руководитель).
8. Стоит ли рисковать? (директор предприятия).
9. Если в данной ситуации для достижения наиболее оптимального результата нужен риск, значит, он необходим (партийный работник).
10. Риск – дело благородное, но не как правило (партийный работник).
11. Важно, чтобы руководитель мог идти на творческий риск и тогда, когда дела на предприятии, в учреждении, организации идут хорошо. Нужно уметь рисковать ради того, чтобы стало еще лучше (хозяйственный руководитель).

Даже эти немногие высказывания показывают, что отношение к творческому риску колеблется от отрицания и сомнения до признания обязательной необходимости идти на творческий риск.

Поскольку осуществляемые ныне в стране общественные преобразования немислимы без активного использования творческих способностей людей, то необходимо создание юридических, социально-экономических, политико-идеологических условий, гарантирующих *защиту творческого риска*, а также возможность реализации его потенциала в тех случаях, когда это диктуется общественной потребностью. Целесообразность такой постановки вопроса определяется не только неразрывной связью между осуществляемой перестройкой общественных структур и творчеством. Помимо этого в процессе рационализаторства и изобретательства, реализации социальных инициатив, проведения социально-экономических экспериментов могут возникать и возникают условия, неблагоприятные для развития творчества специалистов. Можно приводить множество примеров, когда научная идея, сделанное открытие или изобретение годами не используются и этим наносится значительный ущерб общественным интересам. Причем результат неосуществления творческого предложения с риском может проявиться не сразу, а лишь спустя некоторое время.

Защита творческого риска требует выработки определенных административных санкций и экономических рычагов в отношении лиц, препятствующих реализации процессов, связанных с творческим риском или бездействующих при этом. Важное значение приобретает здесь борьба против консерватизма, косности, рутинности, волокиты, различных организационных неурядиц, тормозящих развитие творчества. Многочисленные бюрократические бумаги, многие из которых не нужны и даже вредны для инициативного, творческого дела, существующий ныне громоздкий механизм согласования лишают руководителей и разработчиков новой техники возможности оперативно решать возникающие хозяйственные и технические вопросы. Так, например, специалисты Казанского моторостроительного объединения для утверждения технических условий на поставку изделий собрали 252 подписи, затратив на это в Москве 56 дней,

а представители Пермского завода имени Я. М. Свердлова обошли 610 должностных лиц, затратив на визирование бумаг в столице 90 дней<sup>54</sup>. Создание многочисленных, в том числе и перестраховочных, бумаг значительно сокращает время, затрачиваемое творческими работниками именно на творчество. По имеющимся оценкам, доля собственно творческого труда в бюджете времени, например, конструктора по сравнению с серединой 50-х годов сократилась с 80 до 10–20%<sup>55</sup>. Разработка мер для борьбы с бюрократизмом, косностью, стоящих на пути творчества, предполагает объективную оценку конкретных лиц, учреждений и организаций, явно или неявно выступающих против разработки и внедрения новых социальных и технических идей, созданных в процессе творческой деятельности.

Целесообразно также на государственном уровне, на предприятиях, в НИИ, конструкторских бюро и т. д. создавать специальные фонды, с помощью которых можно покрывать расходы в случае неудачного осуществления решения с творческим риском.

Признание невозможности осуществить качественные преобразования общественной жизни, ускорение научно-технического прогресса без людей творческих, инициативных, предприимчивых, умеющих смело экспериментировать, обоснованно рисковать предполагает необходимость выявления основных причин, препятствующих в настоящее время развитию инициативы, творчества, и обоснования системы мер, стимулирующих творческий потенциал, новаторство в деятельности личности, коллектива, поощряющих социально оправданный риск.

### **§ 3. Альтернативы механизму торможения**

Современная хозяйственная, социально-политическая практика дает немало примеров, когда трудовые коллективы, их руководители, стремясь быстро и качественно решать назревшие задачи, проявляют инициативу, предприимчивость, идут на разумный риск. Однако, несмотря на то что отношение к новаторству, творчеству, предприимчивости меняется в лучшую сторону, особенно после вступления в силу Закона о государственном предприятии, инициативно-самостоятельная, обоснованно рискованная деятельность не стала повседневной нормой нашей социально-экономической, политической и духовной жизни. По-прежнему она чаще бывает уделом энтузиастов. Но перестройку на одном энтузиазме не осуществить. Ей нужно массовое социальное творчество. Поскольку механизмы, при помощи которых социально активные личности могут участвовать в процессах обновления, еще несовершенны, то практически каждый значимый шаг вперед требует чуть ли не героизма. Многие руководители сетуют на то, что их деловая инициатива зачастую неоправданно ограничивается вышестоящими инстанциями, отмечают слабую экономическую заинтересованность в том, чтобы идти на риск. В условиях внедрения в экономику новых элементов хозяйственного механизма не изжиты ситуации, когда руководитель, трудовой коллектив, которые пошли на риск, ввели на предприятии новую технологию, применили или произвели новое оборудование, оказываются в проигрыше, а те, кто чурается новшеств, ничего не теряют. На словах практически все согласны с тем, что инициатива,

предприимчивость, смелые, содержащие социально полезный риск решения повышают эффективность современной социально-экономической, политической, духовной деятельности. Однако от осознания необходимости проявлять инициативу, самостоятельность, использовать решения с обособленным риском до практической реализации — дистанция огромного размера. И в этом одна из причин, не позволяющих реализовывать потенциальные возможности социалистической системы хозяйствования. Торжествовавшие длительное время и не ушедшие с арены жизни и сегодня консерватизм, догматизм и нормативное мышление закрепили смелый полет мысли, поиски, дерзания. Поэтому и приходится встречаться с вопросами типа: „Выходит, инициатива наказуема?“<sup>56</sup> Действительно, почему самостоятельность, творчество, предприимчивость нередко оказываются стреноженными? Почему существует столько преград на пути нужных обществу инициатив? Почему часто приходится встречаться с ситуациями, когда при выборе альтернатив руководитель боится идти на обособанный хозяйственный риск?

Анализ этих вопросов актуален прежде всего потому, что позволяет выявить обстоятельства, ограничивающие в настоящее время сферу новаторской деятельности, и разрабатывать меры по их преодолению. Основные причины, сдерживающие развитие инициативы, самостоятельности, творчества и препятствующие превращению их в неотъемлемый элемент социально-экономического развития, с одной стороны, связаны с особенностями современной системы управления и хозяйствования, с другой стороны, содержатся в механизме торможения, корни которого — в недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления<sup>57</sup>.

Существующий ныне механизм торможения представляет собой определенную систему социальных слоев, групп, общественных отношений, порождающих застои, инерцию, противостояние прогрессивным преобразованиям.

Не ставя перед собой задачу всестороннего охвата всего круга обозначенных проблем, сосредоточим внимание лишь на некоторых, имеющих прямое отношение к рассматриваемой теме, ее аспектам.

Широкая распространенность анонимной критики и одновременно отсутствие реальных возможностей высказывать критические суждения в адрес высших эшелонов руководства и управления по острым социально-экономическим, политическим вопросам, чрезмерное восхваление заслуг одних людей перед другими, господство административных методов управления, усиливающаяся бюрократизация общественных структур, действовавшая система наказаний за предприимчивость формировали у большинства людей черты исполнительства, лишали их возможности реально участвовать в управлении государственными, общественными и производственными делами, порождали страх, стремление не говорить „вслух“ о недостатках, боязнь быть инициативными, вырабатывали психологию, смысл которой можно выразить в словах: „Плетью обуха не перещибешь“. В результате застойных явлений в экономике, действия механизма торможения социально-экономического развития господствующим типом руководителя стал человек, не столько ориентированный на победы, сколько всеми силами избегающий неприятностей.

Складывавшаяся десятилетиями житейская психология „Мы люди маленькие, от нас ничего не зависит” не может быть преодолена в одночасье. Изменить ситуацию невозможно, если демократия будет укладываться в прокрустово ложе бюрократическо-административного аппарата. Демократизация, охватывающая все стороны общественной жизни, гласность, безбоязненный анализ порождаемых практикой противоречий, смелая конструктивная критика негативных явлений — гаранты, позволяющие постепенно вырабатывать у людей гражданскую смелость, уверенность в нужности обществу их живой творческой идеи, новаторского мнения.

Апатию мысли, общественную пассивность, отрицательное отношение к инициативной деятельности вызывают к жизни и такие явления, как расхождение слова и дела, нарушение механизма воплощения идеала в реальность, социальное прожектерство. Политический лозунг, зовущий к свершениям, должен в концентрированном виде выражать определенную экономическую политику. Это аксиома. Однако как быть руководителю, если сразу после провозглашения лозунга требуют немедленного появления результатов его выполнения? Когда это относится к управлению общественными процессами, то это неизбежно приобретает признаки социального прожектерства. И как следствие таких нереальных требований — бодрые рапорты о достижениях, переменах, выполнении и перевыполнении. Достаточно вспомнить, например, результаты тактики жесткого администрирования в борьбе с пьянством. Когда действительность подгоняется под желаемое, когда день завтрашний усердно втягивается в день сегодняшний, это неизбежно ведет к перекосам в сознании, безынициативности или же инициативности „наоборот”. Вот почему развитие предприимчивости, новаторства, чувства нового предполагает знание механизма воплощения идеала в реальность, лозунга — в действительность, научное понимание диалектики сегодняшнего и завтрашнего. Разрыв между словом и делом — опаснейшая болезнь, которая сдерживает перестройку, поскольку вызывает разочарование, равнодушие, сеет недоверие. И это болезнь не только вчерашнего дня. Ее проявления живы и сегодня.

Затухание общественной активности широких слоев трудящихся, их энергии, инициативы неизбежно вызывает нарушение принципа социальной справедливости, несогласованность личных интересов работников с коллективными, коллективных — с общественными, забвение или недостаточное внимание к развитию социальной сферы.

О необходимости решать эти вопросы декларативно говорилось всегда, но лишь во второй половине 80-х годов они поставлены на реалистическую почву и приобрели практическую направленность.

Неотъемлемым элементом нынешнего механизма торможения является бюрократизм, который разросся до опасных пределов<sup>58</sup>, „живет” на всех этажах и уровнях организационно-управленческой структуры и противостоит общественно значимой инициативе, творчеству, разумному риску. Это на первый взгляд не вызывающее возражений утверждение требует уточнения. Поскольку, говоря о бюрократизме, обычно обращают внимание на такие его черты, как косность, догматизм, пассивность, конформизм, диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, то это приводит к распространенности в массовом сознании заблуждения о полной противоположности инициативы, творчества и бюрократизма. Однако сложившаяся в настоящее время общественная



ситуация предостерегает от столь поспешных и однозначных выводов. Новые времена рождают и новые бюрократические игры. Стремясь шагнуть в ногу с эпохой, бюрократизм для сохранения, защиты и укрепления своего положения все чаще и не только на словах берет на службу инициативу. Поэтому выражение „инициативный бюрократ” отнюдь не лишено определенного смысла. Знаменем бюрократа нередко выступают починь-однодневки, призывы типа: „Каждому аулу — по инициативе”. Чрезвычайно опасно для общества, когда объектом бюрократических манипуляций становится реальная творческая, социально значимая инициатива масс. Своим „активным” участием в конкретных инициативах и новаторском движении в целом бюрократ стремится создать себе реноме подвижника перестройки.

Таким образом, отношение бюрократа к инициативе неоднозначно. Бюрократия обычно противостоит социально конструктивным инициативам, игнорируя (при словесной поддержке) их суть и формализуя ее, ибо подобные инициативы выступают дестабилизирующим моментом для бюрократической системы. Нередко содержание социально значимой инициативы бюрократия деформирует и стремится использовать в угоду своим корыстным интересам. Достаточно часто она берет на вооружение внешне привлекательные, но по существу абсурдные инициативы, рассматривая их как метод упрочения своего социального статуса, сохранения и развития карьеристских перспектив.

Такое противоречивое отношение бюрократизма к инициативе определяется его сущностью и многообразием форм проявления. При социализме бюрократизм выступает прежде всего в виде отрыва различных управленческих (партийных, государственных, общественных) структур от подлинных интересов трудящихся масс. Суть бюрократизма, как точно подметил еще К. Маркс, в том, что он государственные задачи превращает в канцелярские, а канцелярские — в государственные, выдает формальное за содержательное, а содержательное — за нечто формальное. Сущность бюрократизма предопределяет и основные его социальные функции, которые он реализует в современных условиях. Защищая ведомственные, местные, личные интересы, выдавая их за общественные, бюрократизм представляет собой один из элементов механизма сопротивления силам, преобразующим общество, подавления социально значимых инициатив. Реальная опасность бюрократизма в том, что он не только защищает старую систему управления и хозяйствования, основанную на администрировании и выполнении преимущественно указаний вышестоящих должностных лиц, но и создает *новый образ торможения*.

Бюрократические проявления в условиях социализма многолики <sup>59</sup>:

1. Использование общественной собственности, экономических, политико-идеологических и других средств, находящихся в должностном распоряжении, в корыстных целях — протекционизм, взяточничество, приписки, карьеризм и т. д.

2. Ограничение бюрократическим аппаратом участия общественности в управлении, стремление подменить общественно значимую инициативу администрированием сверху, навязать свои границы гласности, демократии. В условиях резкого усиления централизации государственного аппарата, подмены демократического централизма административно-директивной системой управления расцвели такие явления бюрократизма в нашей

стране, как стремление выдавать желаемое за действительное, декларативность, двойные нормы принципов демократии.

3. Различные формы административного субъективизма, волюнтаризма (от принятия необоснованных решений до пренебрежения законодательством). Историческая практика показывает, что усиление бюрократизации общественной жизни неизбежно ведет к возрастанию риска волюнтаристических ошибок власти, лишенной критики „снизу”.

4. К числу проявлений бюрократизма относится стремление строго регламентировать работу нижестоящих уровней, административная пассивность, бумаготворчество, или, как В. Даль называл, „многописание”. Бюрократический аппарат значительно осложняет работу людей, желающих и умеющих работать творчески, продуктивно, инициативно, ибо его действия основываются на ведомственных, местнических инструкциях, правилах, подзаконных актах, большинство из которых носит запретительный характер и сдерживает самостоятельность и инициативу. Кроме того, видимо, никто не считал, сколько тратится времени, средств, сил на составление и рассылку инструкций и указаний, на ознакомление с ними и подготовку отчетов об их выполнении. Сегодня затрачивается чудовищное количество бумаги на бюрократические „игры”. По данным Института кибернетики АН УССР, в 1985 году в нашей стране циркулировало свыше 800 миллиардов документов. В среднем каждый из них составляет 10 машинописных страниц. Следовательно, на душу населения приходится более 125 печатных листов, или 5 книг объемом 25 печатных листов. Причем читается из этого бумажного потока не более 10%<sup>60</sup>. Существует также мнение, что до 90% нормативных документов никакого положительного действия на производство не оказывают<sup>61</sup>.

Анализ бюрократизма, своеобразия его отношения к инициативе и обособленному риску приводит к необходимости выявления причин существования этого явления при социализме. Знание условий и обстоятельств, порождающих бюрократизм, — исходный пункт в выработке мер борьбы с ним.

Для понимания сути бюрократизма и путей борьбы с ним мало что дает достаточно распространенный подход, смысл которого состоит в том, что бюрократические проявления не имеют сущностных социально-экономических и политико-идеологических причин при социализме и порождаются преимущественно воздействием буржуазного общества, недостаточными административными запретами, субъективно привнесенными в общественную жизнь недостатками управления, планирования, снабжения, несовершенством идеологической, воспитательной работы. Такие исходные посыпки приводят к тому, что вне поля зрения остаются многие реальные источники бюрократизма.

Более перспективным, на наш взгляд, является подход, предполагающий, что бюрократизм имеет экономические, организационные, социальные, социокультурные, политико-идеологические, психологические корни, часть которых связана не только с недостатками и деформациями в развитии социализма, но и с его некоторыми реально существующими чертами: элементами неравенства, вытекающими из основного принципа социализма, наличием многоуровневых структур управления, существованием государства, участвующего в распределении материальных благ. Последнее создает определенные предпосылки для использования

общественной собственности в личных, групповых, корыстных целях.

К источникам бюрократизма при социализме можно также отнести:

— недооценку экономических рычагов управления, ориентацию управленческой системы на волевые методы руководства и экстенсивные методы ведения хозяйства;

— существование многочисленного, разбухшего административно-управленческого аппарата, сотрудники которого прямо не участвуют в создании материальных и духовных ценностей. Здесь уместно вспомнить песню бюрократов из кинофильма Э. Рязанова „Забятая мелодия для флейты”: „Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем”;

— наличие системы ведомственно-административного планирования. В этом, в частности, одна из существенных причин, приведших к тому, что бюрократизация экономики в СССР приняла опасные масштабы;

— высокий уровень централизации, многочисленность центров управления, порождающие пассивность, страх перед принятием самостоятельных решений; многоуровневую систему управления, которая значительно замедляет циркуляцию вертикальной информации;

— неподотчетность или формальную подотчетность управленческих структур без реальной угрозы своему положению, недостаточность демократического контроля „снизу”;

— наличие громоздкой системы отчетности, в том числе и так называемой незаконной, то есть по формам, не утвержденным Госкомстатом СССР. Расширение бумажных потоков между управленческими уровнями ведет к тому, что основная деятельность сводится к работе с бумагами и тем самым разрывается живая связь с людьми, контакты с ними в основном осуществляются через переписку;

— узурпирование административным аппаратом права на социально значимую информацию, засекречивание ее или превращение в информацию „для служебного пользования”;

— монополизм различных иерархических уровней управления в принятии решений, ведущий к нетерпимости или неспособности принимать инициативные идеи, решения, исходящие от общественных структур, отдельных лиц, не входящих в административно-командную систему управления. Существенно также, что подобный монополизм препятствует сохранению и развитию разнообразных знаний, воззрений, точек зрения по одному и тому же вопросу, тогда как известно, что основа стабильности и эффективности функционирования сложных биологических, общественных структур — их разнообразие;

— некомпетентность, недостаточный уровень управленческой и общей культуры значительного круга управленческих кадров.

Выявление источников бюрократизма в условиях социализма подкашивает и основные пути минимизации бюрократических проявлений. В целом спектр средств, сужающих сферу воспроизводства бюрократизма при социализме, многообразен. Многие из них нашли отражение в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС „О борьбе с бюрократизмом”. Среди них определяющее значение имеют: всеохватывающее распространение хозрасчетных отношений, подрядных, арендных, кооперативных форм хозяйствования, демократических методов руководства на всех уровнях

управления; развитие социалистического плюрализма, самоуправления, гласности и критики как форм контроля масс за деятельностью административного аппарата; обеспечение правовых гарантий инициативной, новаторской деятельности; кардинальное изменение кадровой политики; изучение и использование общественного мнения как действенного механизма, реагирующего на отклонения управленческого аппарата в реализации общественно значимых целей. В борьбе с бюрократизмом определенную роль играют осуществляемые в ходе перестройки управления меры по сокращению центрального аппарата управления. Нет сомнений, что эту акцию будет осуществлять чрезвычайно сложно, ибо, как свидетельствует теория и показывает практика, любая социальная организация сопротивляется тайными и открытыми способами ее перестройке, сокращению и тем более ликвидации. Сужению зоны распространенности бюрократизма должно способствовать упрощение процедуры разработки и принятия управленческих решений, решительное сокращение отчетности и качественное улучшение дела государственной статистики. Интересной в этом плане представляется высказываемая в последнее время некоторыми специалистами идея о введении хозрасчетной меры, предполагающей оплату заказчиком запрашиваемой информации. В этих целях можно разработать гибкий прејскурант, согласно которому и должна производиться оплата. Это в какой-то мере могло бы умерить чрезмерный информационный аппетит, способствовать лучшему использованию полученных данных. Борьба с бюрократизмом предполагает воспитание культуры потребления информации.

К числу элементов нынешнего механизма торможения, факторов, сдерживающих развитие предприимчивости, самостоятельности, стремления инициативных работников идти на обоснованный риск в целях ускорения социально-экономического развития, относятся также и сохраняющиеся диктаторские замашки ведомств и министерств по отношению к предприятиям, некоторые фрагменты реально существующей системы ценообразования, финансово-кредитного воздействия на экономику, планирования. Свообразие сложившейся ныне ситуации в том, что, несмотря на вступление в силу Закона о государственном предприятии (объединении), по-прежнему велико давление на экономику приоритета валовых показателей, волевого, не учитывающего возможностей конкретных предприятий, организаций и не подкрепленного материальными ресурсами планирования. Так, при составлении плана на 1988 год, как и прежде, давались задания, устанавливаемые по принципу „от достигнутого“, в результате чего вновь наказываются хорошо работающие предприятия, инициативные коллективы, у которых в нарушение закона изымается часть фондов материального поощрения, отбираются заработанные валютные средства и т. д. В ряде ситуаций планирование приобретает поистине анекдотический характер. Например, трест жилищного хозяйства № 1 Василеостровского райжилуправления Ленинграда в год получает для ремонтных работ стали оцинкованной, уголка стального, водосточных труб, радиаторов около 87 тонн, бронзовых и латунных кранов всего лишь несколько десятков килограммов, а ему планируется сдать черного лома 1330 тонн, то есть в 15 раз больше реальных возможностей, и цветного металлолома — 37 тонн<sup>62</sup>.

Реализация государственного заказа преимущественно административными, а не экономическими (а если и экономическими, то часто необосно-

ванными) способами, ненадежность хозяйственных связей, в том числе и в снабжении, практика дополнительных заданий подрывают авторитет плана в форме госзаказа, веру в действенность принципов хозяйственного расчета, заинтересованность трудовых коллективов в полной мере использовать имеющиеся резервы. Функционирующий в настоящее время хозяйственный механизм по-прежнему недостаточно восприимчив к новому, слабо ориентирует на быстрое ускорение научно-технического прогресса.

Существующая противоречивость между законом и реальным положением дел системы планирования, попытки со стороны министерств и ведомств извратить суть реформы, наполнить новые формы управления старым содержанием вызывают справедливые нарекания со стороны хозяйственных и партийных руководителей. Рассказывая о сложной ситуации, в которую попал в 1986—1987 годах Ленинградский фарфоровый завод имени Ломоносова в связи с проводимой реконструкцией производства, секретарь партийного комитета В. М. Артюхов говорит: „Несуразным планированием со стороны министерства мы загнаны в такой угол, что невольно спрашиваем себя: а верно ли понимаем, что такое „интенсификация“, „ускорение“? Быть может, это вовсе не максимальное использование своего творческого потенциала, а просто гонка ради „вала“?“<sup>63</sup>

Распространенность принципа планирования, при котором на многих предприятиях госзаказ охватывает весь объем производства, когда в него включается и продукция, полностью потребляемая внутри предприятия, сковывает инициативу коллективов, их предприимчивость.

Наряду с социально-экономическими и политико-идеологическими факторами сдерживают развитие новаторства, самостоятельности, препятствуют процессу научно-технических и организационных нововведений *психологические* и *социально-психологические* явления. Назовем некоторые из них: отсутствие привычки к преодолению трудностей, разумному риску, нежелание перемен, которые могли бы нарушить сложившееся общественное или материальное положение, эмоционально-психологическое равновесие, „спокойную жизнь“; создаваемые бюрократической, командно-административной системой стандарты и ценности, основанные на консерватизме, предвзятости, предрассудках, предубеждениях, неблагоприятных установках по отношению к новым идеям; неумение по-новому реагировать на перемены, ситуации, связанные с внедрением новшеств; боязнь совершить какую-либо ошибку, боязнь наказания за нее, а страх, как известно, порабощает человека, делает его неспособным к проявлению своих творческих дарований и способностей.

Социально-психологические и психологические барьеры бывают иногда препятствием более серьезным, чем даже лимиты капитальных вложений. Это связано прежде всего с тем, что всякое новое требует смелости, умения и желания рисковать. Вот здесь и может проявиться характер: желание подождать, побыть в стороне, а вдруг что-то сорвется, вдруг произойдет что-либо непредвиденное. Но с такими психологическими установками невозможно добиться важнейшей цели сегодняшнего производства — быстрого внедрения новейших идей, новой техники и технологии. Среди психологических барьеров, стоящих на пути новшеств, особое место принадлежит косности, консерватизму и догматизму мышления, равнодушию, господству устаревших стереотипов, конформизму. Предвзятые мнения и представления, устойчивые стандартизированные установки личности, коллек-

тива часто закрывают дорогу новому, препятствуют принятию решений с обоснованным риском.

„Мы еще не преодолели глубинных причин торможения, не везде подключили, а в чем-то и не выработали механизмы обновления”<sup>64</sup> — в этом также состоит одна из причин, которая актуализирует проблему создания и совершенствования комплекса мер, разрушающих барьеры на пути новаторства, стимулирующих развитие самостоятельности, чувство нового, меняющих сложившийся у многих руководителей стереотип негативного отношения к обоснованному риску, обеспечивающих внедрение в хозяйственную практику принципа „не рискуешь — прогоришь” вместо распространенного „рискуешь — прогораешь”.

Аксиомой является суждение о том, что расточительно относиться к самому ценному капиталу и главному достоянию страны — человеку, его инициативности, творчеству, предприимчивости — по меньшей мере предосудительно. Вместе с тем достаточно очевидно, что развитие этих качеств у людей — не самоцель. Они прежде всего должны быть направлены на добросовестный, продуктивный и эффективный труд, который позволит стране выйти на качественно новые рубежи своего развития, особенно по таким критериям, как производительность труда и качество продукции.

Что же нужно сделать для того, чтобы люди думали и действовали по-новому, работали инициативно и ответственно, не боялись идти на риск? Ответ на этот вопрос не сложен: необходимо на полную мощность включить *интересы* людей, и прежде всего экономические, научиться эффективно воздействовать на формирование их потребностей, социальных и психологических установок.

Значительно большие трудности вызывают вопросы: как конкретно это осуществить? что сделать, чтобы разбудить и оптимально использовать энергию, инициативу и творчество миллионов, победить косность, пассивность, инертность, консерватизм? Отдельные меры и мероприятия здесь не помогут. Нужна комплексная система экономических, организационных, научно-технических, правовых, моральных, психологических, политических, воспитательных, кадровых и других мер.

Определяющее место в этой системе занимают *материальные* стимулы и рычаги: развитие полного хозяйственного расчета, совершенствование системы планирования, ценообразования, финансово-кредитного воздействия на экономику, оплаты по труду и др.

Глубина использования творческого потенциала, инициативы во многом зависит от реального содержания *политико-идеологических* мер: уровня демократизации общественной жизни, развития социалистического самоуправления, гласности и критики как форм контроля масс за деятельностью административного аппарата, способов активизации деятельности людей.

Система мер, стимулирующих инициативу, включает в себя также и обеспечение правовых гарантий, использование новых методов и принципов изучения общественного мнения, методик, развивающих творческие способности, умение идти на риск. Рассмотрим лишь некоторые из названных проблем.

Система мер, создающая реальные гарантии развития инициативы, новаторства, деятельности с обоснованным риском как для исполнителей,

так и для руководителей, включает в себя и элемент совершенствования *юридического регулирования* хозяйственной и управленческой деятельности. Оценивая в целом положение дел в этой сфере, можно заметить, что существующее законодательство лишь косвенно выполняет эту задачу. Но до вступления в силу Закона о государственном предприятии (объединении) по отношению к инициативным трудовым коллективам, руководителям, идущим на риск, вообще царил произвол со стороны вышестоящих инстанций. Закрепленные в законе общие принципы не гарантируют от реставрации старого хозяйственного механизма, но снижают ее вероятность, закладывают основу для последующих шагов к новому механизму и, самое главное, дают инициативным, творческим работникам опору, которой они не имели до января 1988 года.

Рассмотрим данную проблему подробнее и попытаемся ответить в связи с этим на следующий вопрос: каково реально существующее правовое обеспечение хозяйственного риска и что целесообразно предпринять, чтобы создать юридические условия, способствующие развитию новаторства, обеспечивающие возможность руководителям безбоязненно выбирать, когда это необходимо, альтернативы с обоснованным и правомерным риском?

Ответ на первую часть вопроса отнюдь не оптимистичен: несмотря на постановление о расширении самостоятельности, предприятия, с одной стороны, „окольцованы” многочисленными организациями, учреждениями, каждое из которых требует отчетности, с другой — по-прежнему „опутаны” многочисленными нормативными документами, „связывающими руки” трудовым коллективам и их руководителям, сдерживая их инициативу. Например, металлургический комбинат с численностью работающих 25—30 тысяч человек получает в год 130—140 тысяч документов. Только Министерство черной металлургии шлет ежедневно по 3—4 килограмма „бумаг”, 2—3 приказа или постановления<sup>65</sup>. Реакция предприятия на эти и другие указания сверху составляет 100—120 тысяч „бумаг” в год. Несмотря на умные решения об их отмене, директивы, которые при господстве административных методов шли огромным числом сверху, практически сохранились.

Конечно, из сказанного не следует делать достаточно распространенный среди практических работников и в печати вывод о том, что закон — помеха новаторства. Научно обоснованная, четкая правовая основа не сковывает инициативу. Ее сдерживают ведомственные инструкции, циркуляры, указания, распоряжения, характерные для так называемых одномерных воздействий, сводящихся только к ограничениям. Эти нормы и инструкции в основном создаются бюрократическим аппаратом для поддержки командно-административных методов управления и хозяйствования, в рамках которых сложно быть инициативным, и их нецелесообразно отождествлять с законом. Длительное время на уровне ведомственных подзаконных актов в отношении хозяйственной деятельности предприятий, организаций, учреждений проводится принцип: „Все, что не разрешено, то запрещено”. Он основывается на убеждении, что рядовые работники и руководители — это „нерадивая рабочая сила”, инициативный работник всегда потенциальный или реальный нарушитель. Чтобы нарушения свести к минимуму, нужна широкая система административных

запретов. Как показывает практика, многие хозяйственные руководители в этих условиях испытывают обоснованную боязнь перед не санкционированными сверху инициативами, действиями, не предписанными циркулярами. Это понятно, ибо если хозяйственные правоотношения формируются по принципу: „Действуй только в пределах разрешенного”, то любой выход за рамки инструкции (в том числе полезный и нужный с точки зрения общественных интересов) квалифицируется как нарушение государственной дисциплины, и тем самым преграждается дорога общественно полезной инициативе, новаторскому поиску, обоснованному риску. Такая ситуация тормозит процесс перестройки экономики. Отсюда вытекает и требование: в условиях развития экономической самостоятельности необходимы коренные изменения основных принципов права по отношению к инициативе и новаторству.

Право должно закреплять статус организаций, режим их деятельности, устанавливать функции, полномочия, ответственность за порученное дело, во всем остальном — давать простор инициативе и творчеству. Тогда коллективы будут действовать в рамках немногочисленных ограничений, вытекающих из сути социализма и общенародных интересов.

Общезвестно, что способы и методы хозяйствования, средства, избираемые для достижения экономических целей, во многом зависят от реальных прав, которыми располагают трудовые коллективы и их руководители. Поэтому в современный хозяйственный механизм необходимо включить реальные правовые меры, способные обеспечить органическое единство дисциплинированности и инициативы, плана и возможности идти на обоснованный риск. В связи с этим нельзя обойтись без решения вопроса о том, каким образом в системе хозяйствования и управления должна контролироваться и оцениваться ситуация риска, когда и при каких условиях принятие риска является оправданным, а когда нет.

Поскольку в сфере экономики режим законности осуществляется через различные юридические нормы, инструкции, правила, приказы, то они должны быть обязательными при принятии решений с риском, то есть с точки зрения закона *риск* должен быть *правомерным*. Однако было бы неоправданным только ради соблюдения буквы инструкции ограничивать нужные обществу инициативы. „Система перестройки”, уменьшая число совершаемых должностными лицами ошибок, одновременно резко сокращает диапазон реализации имеющихся в резерве руководителей передовых идей. Поэтому в инициативной деятельности, содержащей элементы риска, должны оптимально сочетаться законность и меры, обеспечивающие возможность идти на обоснованный хозяйственный риск. Критерием такой обоснованности может быть совокупность различных количественных и качественных, экономических и экологических, нравственно-политических и других показателей. Таких, например, как улучшение качества продукции, повышение удельного веса продукции высшей категории качества и производительности труда, уменьшение расходов на единицу продукции, сокращение времени разработки и внедрения технических новинок, совершенствование качественных условий жизни людей и т. д. В общеметодологическом плане критерий правомерности, верности инициативной деятельности, эксперимента связан с укреплением и развитием экономической, социальной, политической, духовной и других сфер социалистического общества.



При разрешении встречающихся на практике противоречий между инициативой, обоснованным риском и законом нередко возникает вопрос о возможности привлечения к административной или уголовной ответственности за деятельность, которая повлекла за собой неблагоприятные последствия. В этом случае соответствующему компетентному органу предстоит выяснить, привела ли эта рискованная деятельность, ориентированная на получение общественно полезных результатов, к нарушению законности. Напомним, что речь идет не о приказах и „диркулярах-шлагбаумах”, а о законе, принятом со всеми необходимыми процедурами, создающем практическим работникам предпосылки для новаторских свершений. Верховенство закона — важнейшая черта социалистического правового государства.

Риск будет правомерным, если он, во-первых, не противоречит законам, которые объективно отражают хозяйственную, производственную или экономическую ситуацию; во-вторых, если в рискованном решении учитываются не только количественные, но и качественные последствия реализации этого решения; в-третьих, если прогнозируемые положительные результаты выбранного решения значительно превышают вероятность его отрицательных проявлений. При этом риск должен соотноситься со значением цели, для которой он предпринимался, ведь предметом риска могут быть материальные средства, финансы, природная среда, здоровье человека или его жизнь. В частности, высказываются суждения о том, что риск в принципе не может быть правомерным, если при проведении эксперимента, внедрении нововведения нет полной уверенности в том, что они не угрожают жизни и здоровью людей <sup>66</sup>.

Видимо, риск можно считать правомерным и в том случае, если он является единственно возможным средством осуществления тех или иных технических или хозяйственных задач.

Право на риск в социалистическом обществе имеет не меньшее значение, чем закон, дающий людям возможность на необходимую оборону или право совершать такие действия, которые могут наказываться при обычных условиях, но допустимы в определенной обстановке.

Обоснованный риск, если он не оправдался, то есть привел к негативным следствиям, *должен исключать* административную и правовую ответственность добросовестного работника, идущего на такой риск.

Подобный опыт имеется в законодательстве некоторых социалистических стран. Так, уголовно-правовая норма § 169 УК ГДР освобождает хозяйственных руководителей от ответственности, если их действия предприняты с тем, чтобы принести значительную пользу или предотвратить значительный хозяйственный ущерб, и действовавшее лицо после анализа всех обстоятельств дела, произведенного с сознанием своей ответственности, считало наступившие хозяйственные убытки лишь вероятными или значительно меньшими, чем предполагаемая хозяйственная польза. Аналогично решен вопрос в польском уголовном и трудовом законодательстве (ст. 117 § 2 Кодекса законов о труде) <sup>67</sup>, а УК БНР (ст. 13а) определяет также предпосылки и критерии оправданности хозяйственного риска.

Подобная постановка вопроса не нова и для нашей страны. В советском законодательстве в конце 20-х годов предпринималась попытка сформулировать понятие оправданного риска. В частности, об этом шла речь в

постановлении ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 года „Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателю”. В седьмой статье этого документа подчеркивалось, что „при установлении судебными органами размеров подлежащего возмещению ущерба должны учитываться не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой убытки причинены. Недопустимо возложение на работника ответственности за ущерб, который может быть отнесен к категории нормального производственно-хозяйственного риска”<sup>68</sup>. В упомянутом постановлении нормальному производственно-хозяйственному риску придавалось значение обстоятельства, устраняющего материальную ответственность инициативного работника. Спустя месяц в приказе ВСНХ СССР № 991 от 18 июня 1929 года устанавливается порядок осуществления предложений рационализаторского характера, которые связаны с риском: „Нет ответственности за отрицательные результаты риска, если не было умысла или небрежности”<sup>69</sup>.

Однако, как уже отмечалось, идея обоснованного и правомерного риска не нашла должного отражения в нормативных актах периода господства в экономике административных методов управления и хозяйствования. Нерешенность этой проблемы в настоящее время тормозит развитие новаторской деятельности. Инициативным работникам нужны правовые гарантии, и поэтому хозяйственное законодательство должно защищать самостоятельного работника. Право на ошибку должно быть угодно обществу, если эта ошибка — результат смелости, оправданного риска и поиска оптимального решения. Именно поэтому современная хозяйственная практика настоятельно требует разработки юридической категории правомерного риска и оформления возможностей принятия решений в ситуации риска. Для этого в советском законодательстве необходимо не только закрепить условия устранения ответственности за обоснованный хозяйственный риск в уголовном праве, но и сформулировать общеправовую норму по аналогии с тем, как это сделано в Законе о государственном предприятии (объединении) относительно принципа „Разрешено все, что не запрещено”. Такой принцип в условиях перехода от командной к стимуляционной системе экономического управления создает благоприятные возможности для обеспечения правовых гарантий инициативной деятельности и внедрения стимулов, позволяющих идти на обоснованный риск.

Некоторые шаги в этом направлении предпринимаются. Так, в 1987 году были осуществлены изменения в деятельности государственного страхования по отношению к предприятиям, работающим на принципах самофинансирования и самоокупаемости<sup>70</sup>. При новых методах хозяйствования предприятия и объединения полностью отвечают за безубыточность своей работы, а государство не несет ответственности по их обязательствам. Поэтому важное значение для хозрасчетных предприятий будет иметь принципиально новая форма — страхование промышленного риска. Если раньше, например, при аварии с самолетом, тепловозом или автомобилем убытки оплачивало государство, то в новых условиях предприятие возмещает их из собственной прибыли. Это уже напрямую затрагивает материальные интересы работников, поскольку влияет на размер их заработной платы. В случае же страховки значительных убытков для предприятия не будет. В этом случае убытки возместит Госстрах.

Правовое регулирование инициативной деятельности необходимо и потому, что ссылками на наказуемость риска некоторые руководители оправдывают свое бездействие. Поэтому при выработке юридических принципов правомерного риска целесообразно предусмотреть положения, предписывающие возможность привлечения к ответственности, если руководитель уклоняется от принятия обоснованных рискованных решений, имеющих значительные шансы на успех и дающих социально-экономический эффект. Это следует рассматривать как должностную функцию руководителя. С одной стороны, как уже отмечалось, он не может наказываться за наступившие отрицательные последствия решения с правомерным и обоснованным риском. С другой — он может быть привлечен к ответственности, если уклоняется от принятия рискованных решений, имеющих значительные шансы на успех. Последнее может рассматриваться как ненадлежащее исполнение своих обязанностей и должностных функций.

К идее включения в действующее законодательство категории правомерного риска практические работники относятся по-разному. Так, например, в одном из интервью первый секретарь Томского обкома КПСС В. Зоркальцев говорил о том, что „кадрам надо дать право на риск. Не будет этого права — не будет творчества, а значит, тогда нечего говорить о перестройке”<sup>71</sup>. Директор ленинградского завода „Электроприбор” А. Богданов считает, что в необходимости завоевания права на риск в первую очередь проявляется готовность к переменам и перестройке в работе. Но нужно не просто обрести право на риск, надо также научиться в совершенстве владеть этим правом<sup>72</sup>. В опросе на тему „Риск и его роль в практической управленческой деятельности” на вопрос „Нужно ли руководителю юридически оформленное право на риск?” 18 опрошенных (40%) ответили „да”. Высказывались и противоположные суждения. 27 опрошенных (60%) считают, что „это глупость”, „юридическая основа исключает риск”, „законный риск — это не риск”, „это перестройка”.

На наш взгляд, отсутствие в законодательстве права на обоснованный риск создает благоприятные условия прежде всего для инертных, пассивных руководителей, поскольку по-прежнему будут наказываться руководители, внедряющие ценные идеи, инициативы, идущие на разумный риск.

Среди факторов, имеющих принципиальное значение для создания условий развития инициативы, возможностей соединения теоретических представлений о риске с практическими реалиями социальной жизни, важное значение принадлежит анализу, изучению и прогнозированию отношения *общественного мнения* к „рискосодержащим” управленческим решениям и действиям, инициативам и экспериментам, проектам и различным социальным явлениям, связанным с риском. Этот аспект общественного мнения по сути дела находится вне поля зрения как представителей общественных и естественных наук, так и партийных, государственных и общественных органов, осуществляющих руководство и управление различными сферами общественной жизни. Причины такого положения различны: игнорирование общественного мнения (на протяжении многих десятилетий) со стороны командной системы управления; подгонка общественного мнения под заранее заданные параметры; подчиненная, второстепенная роль, которую оно занимает в обществе и играет на практике;

малочисленность, переходящая в отсутствие, экспертов в области социального риска; неразработанность методик изучения общественного мнения по проблемам риска. Эта ситуация в определенной мере объясняет распространённость волюнтаризма в деятельности управленческих органов. Если реализуемые решения могут уменьшать или повышать величину социального риска для конкретных людей, если различные группы и категории населения по-разному относятся к претворению в жизнь управленческих решений с риском и это не принимается во внимание, то тем самым процесс управления в значительной степени становится субъективным.

Проблема отношения общественного мнения к социальному риску имеет ряд взаимосвязанных аспектов. Назовем некоторые из них:

- изучение способов оценки социального риска и методов его *восприятия* разными группами и слоями населения;

- исследование механизма влияния экономических, социально-психологических, моральных, социально-технических, национальных и других факторов на восприятие людьми социального риска;

- выявление конкретных категорий и групп людей, *критически* и *некритически* настроенных в отношении социального риска;

- анализ способов участия *неоднородного* и *некомпетентного* общественного мнения (в конкретных ситуациях оно бывает и таким) в обсуждении и выработке рискованных решений, проектов;

- выявление роли партийных, государственных и общественных органов, средств массовой информации в *формировании* общественного мнения по вопросам социального риска как в масштабах страны, так и на региональном уровне;

- разработка и внедрение в практику мер по *управлению* социальным риском („система менеджмента” риска).

Изучение этих вопросов предполагает объединение усилий специалистов различных профилей – социологов, психологов, социальных психологов, юристов, биологов, медиков, географов, представителей технических дисциплин и т. д. Полученные при этом рекомендации и выводы должны становиться достоянием представителей административно-управленческого аппарата, от деятельности которого зависит не только технологическая, но и „социальная безопасность” людей.

Рассмотрим некоторые из вопросов, составляющих содержание общей проблемы – отношения общественного мнения к социальному риску.

Различное отношение к решениям, проектам, действиям с риском – факт, устанавливаемый на уровне эмпирического наблюдения. Достаточно вспомнить споры, дискуссии по поводу строительства целлюлозно-бумажного комбината на Байкале, проекта „поворота” сибирских рек, строительства и эксплуатации в различных регионах атомных электростанций после Чернобыльской трагедии и т. д.

Неоднородная оценка людьми фактического риска обнаруживается и при исследованиях восприятия, например, частоты причин смерти от дорожных происшествий, убийств, самоубийств, болезней и т. д.<sup>73</sup> На основе статистических данных можно определить объективную вероятность того, что случайно выбранный человек умрет в течение года по какой-то определенной причине. Например, для жителя США вероятность наступления смерти от отравления колбасным ядом составляет  $1 \times 10^{-8}$ , от рака –  $1,6 \times 10^{-3}$ , от болезней сердца –  $8,5 \times 10^{-3}$ . Эти данные позволяют срав-

нить реально существующий риск смерти с его субъективными оценками. П. Словиц, С. Лихтенштейн, Б. Фишхов предложили испытуемым 106 пар различных причин смерти. Их задачей было оценить, какой элемент в данной паре причин чаще приводит к смерти. Затем испытуемых просили определить отношение частоты причин смерти. Например, отношение вероятности того, что человек умрет от инфаркта, к вероятности гибели в автомобильной катастрофе составляет 10:1. В табл. 2 приводятся примеры ответов участников эксперимента <sup>74</sup>.

Таблица 2

**Оценка относительной частоты причин смерти, объединенных в пары**

Более редкая причина	Более частая причина	Действительное соотношение	Среднее геометрическое соотношений *, упомянутых в оценках
Астма	Несчастный случай при обращении с огнестрельным оружием	1,20	11,00
Рак легких	Диабет	1,25	0,13
Белокровие	Эмфизема легких	1,49	0,58
Удар молнии	Разные виды рака	1,57	21,00
Всевозможные несчастные случаи	Удар молнии	1,95	0,04
Эмфизема легких	Всевозможные несчастные случаи	5,19	269,00
Утопление	Самоубийство	9,60	5,50
Всевозможные несчастные случаи	Всевозможные болезни	15,50	1,62
Диабет	Болезни сердца	18,90	127,00
Ураган	Астма	20,90	0,36
Отравление колбасным ядом	Удар молнии	52,00	0,30
Наводнение	Убийство	92,00	81,70
Отравление колбасным ядом	Астма	920,00	1,50

\* Среднее геометрическое, меньшее, чем 1, указывает на то, что в среднем отношение к оценкам представлялось как более выгодное для события, которое в действительности менее вероятно. Например, среднее, равное 0,25, означает, что это отношение составляет 4:1 в пользу события, фактически более редкого.

Анализ ответов, приведенных в таблице, показывает, что в большинстве случаев существуют значительные расхождения между действительной частотой причин смерти и частотой, названной участниками эксперимента. Некоторые причины, например несчастные случаи, ураганы или отравления колбасным ядом, сильно переоцениваются. Вместе с тем другие причины,

такие, как астма, эмфизема легких или диабет, недооцениваются. Так, люди умирают от астмы почти в 20 раз чаще, чем в результате разрушений, вызванных ураганом. Однако испытуемые считают, что ураган уносит почти втрое больше жизней, чем заболевание астмой.

Почему люди неодинаково воспринимают объективно существующую величину риска? От умения в каждой конкретной ситуации ответить на этот вопрос зависят эффективность и результативность деятельности организаций, руководителей, принимающих решения, в которых содержится риск.

Предполагается, что основное воздействие на восприятие риска в ситуациях социального характера оказывают субъективная оценка вероятности неудачи (убытка, несчастного случая) и величина неудачи. Имеются различные гипотезы, объясняющие причины расхождения между объективно существующей величиной риска и ее субъективным восприятием в ситуациях социального характера.

Одна из них основана на суждении о том, что эти различия зависят от степени доступности информации по данному вопросу. Люди обычно переоценивают опасность тех событий, о которых чаще сообщается средствами массовой информации. И наоборот, отсутствие широкой информации приводит к недооценке вероятности как негативных, так и положительных последствий реализуемых рискованных решений. Степень информированности, несомненно, оказывает влияние на восприятие риска. Однако гипотеза доступности информации требует корректировки, поскольку она не учитывает, кто — специалист по данному вопросу или неспециалист — получает информацию. Некоторыми исследованиями экспериментально установлено, что существуют значительные расхождения по поводу конкретных видов рискованной деятельности или продуктов, содержащих в себе угрозу здоровью или жизни, например употребление алкоголя, консервированных продуктов, пользование авто- и авиатранспортом, удобрения, антибиотики, атомная энергетика и т. д. Люди, обладающие специальными знаниями по статистике заболеваний, несчастных случаев или по вопросам технической безопасности транспортных систем, высказывают мнения, близкие к статистическим нормам. Люди, получающие информацию о риске только через средства массовой информации и коммуникации, часто завышают или занижают официальные, считающиеся объективными уровни допустимости риска.

Восприятие риска зависит от методов подачи информации. Человек может недооценивать опасность, связанную с автомобильными катастрофами, если данные о них изложены сложным статистическим языком. В то же время он может переоценивать величину этого риска, если приводятся примеры отдельных транспортных происшествий.

К факторам, оказывающим существенное влияние на восприятие риска, относится также время отсрочки отрицательных последствий, связанных с данным действием. Одно дело, например, когда речь идет о болезни, угрожающей немедленно. Ее отрицательные последствия обычно переоцениваются. Другое дело, когда оцениваются, скажем, вред курения или злоупотребление спиртными напитками, то есть действия, вызывающие рак легких или необратимые изменения печени. Так, например, на Земле ежегодно умирает 1,5 миллиона человек от болезней, спровоцированных курением<sup>75</sup>. Однако опасность, угрожающая жизни людей, при этом отда-

лена во времени. Поэтому в ходе восприятия она, как правило, многими недооценивается и не вызывает существенных изменений в поведении людей.

Какие же практические выводы следуют из вышеприведенных рассуждений по поводу обстоятельств, воздействующих на восприятие риска? Ответ на этот вопрос предполагает поиск и включение в управленческую, хозяйственную практику способов управления социальным риском и мер, использование которых (в определенных пределах) позволит снизить уровень неадекватности общественного мнения по поводу решений, сопряженных с социальным риском.

Один из способов, помогающих формированию объективного общественного мнения, — своевременное информирование населения о факторах риска в ситуациях социального характера, об условиях их собственной жизнедеятельности, например о степени загрязнения окружающей среды, об уровне производственного травматизма, распространенности преступлений, экологической ситуации в разных городах и районах. Уместно в связи с этим привести в качестве примера суждения, высказанные на семинаре, проведенном в феврале 1983 года Институтом Р. Бруклинга (США). Здесь, в частности, говорилось о необходимости соответствующим организациям вести широкое оповещение людей о риске, например, при пользовании некоторыми медикаментами, сопряженными с возможностью проявления побочных эффектов; о принятии мер, ограничивающих применение определенных лекарственных препаратов. Особо подчеркивалась важность всестороннего информирования широких слоев населения относительно возможных факторов риска, связанных с курением, употреблением алкоголя, бесконтрольным приемом лекарств (особенно транквилизаторов и снотворных), неограниченным употреблением ряда пищевых продуктов, использованием в домашнем хозяйстве определенных химических веществ.

Таким образом, воздействуя на формирование общественного мнения по поводу риска, содержащегося в ситуациях социального характера, целесообразно учитывать, что ложные данные, слишком ограниченная или чрезмерно преувеличенная информация ведут к неправильной оценке действительного риска. Кроме того, без правдивого и своевременного информирования по всем вопросам социальной жизни трудно ждать от людей роста активности в любой сфере их деятельности.

Практика показывает, что система управления, основанная на командно-административных методах, как правило, или сопротивляется тому, чтобы изучалось общественное мнение, особенно по наиболее острым социальным вопросам, или, если оно изучается, стремится утаивать эти данные от населения. Здесь уместно заметить, что монополия на различные виды информации — существенная черта бюрократического аппарата, который обычно, защищая свои интересы, стремится поставить ей „заслон” или хотя бы ограничить ее влияние „вниз”. Поэтому создание возможностей широкого доступа к официальным статистическим данным широких слоев населения, привлечение их к выбору различных альтернативных решений — неотъемлемые условия развития демократии, преодоления „силового давления” бюрократии.

Практическую ценность в управленческой, хозяйственной деятельности имеет и учет *временных* факторов, воздействующих на восприятие социального риска. Изучение закономерностей изменений в восприятии

риска в зависимости от времени отсрочки отрицательных и позитивных последствий действий, содержащих риск, играет значительную роль в принятии ряда конкретных решений, касающихся проблем управления и регулирования некоторыми сторонами общественной жизни.

В социологической литературе недостаточно разрабатывается и такая имеющая существенное практическое значение проблема, как выявление и изучение общественного мнения различных групп и слоев населения, *критически* относящихся к расширению жизненного фона социального и технологического риска. С одной стороны, человек стремится к повышению качества жизни. С другой — реализация этого стремления обычно связана с увеличением риска и вступает в противоречие с требованием сохранять природу, естественную среду, поскольку решение такой задачи предполагает внедрение в жизнь мероприятий, ограничивающих социальный и технологический риск. Так, попытка улучшить жизненные стандарты может создавать новый риск. Опыт некоторых стран, например, свидетельствует, что программы контроля за наводнениями увеличивали убытки от них, поскольку возрастающее ощущение безопасности поощряло более интенсивное заселение заливных равнин.

Можно выделить несколько групп населения, критически настроенных по отношению к риску, возникающему в связи с принятием тех или иных решений, развитием атомной энергетики, химических производств, проведением мероприятий, затрагивающих качественное содержание процессов, происходящих в природной среде, и т. д. Во-первых, к ним относятся те, кто непосредственно подвержен риску, например живущие вблизи атомных электростанций, аэропортов, химических производств. Вспомним о реакции населения г. Кириши Ленинградской области на загрязнение атмосферы биохимическим заводом, г. Приозерска Ленинградской области на засорение Ладожского озера отходами целлюлозно-бумажного комбината, людей, проживающих в зоне Чернобыля, и т. д. Ко второй категории критически настроенных к риску относятся представители научной общественности, писатели, специалисты в других областях культуры, выступившие, например, в защиту Каспийского и Аральского морей, боровшиеся против строительства Ленинградской дамбы, целлюлозно-бумажного комбината на Байкале и т. д. В процессе социологических исследований, видимо, будут выделены и другие группы людей, критически настроенных в отношении расширения жизненного фона социального и технологического риска.

Конкретные претензии к рискованным решениям и мероприятиям у всех этих групп разнятся, так же как и их реальные возможности оказания политического, нравственного воздействия на процессы принятия решений, касающихся выбора и реализации альтернатив, содержащих социальный или технологический риск. Принятие таких решений требует учета *неоднородности* общественного мнения по отношению к „риско-насыщенным” мероприятиям. Здесь, как показывает практика проведения всенародных референдумов в ряде европейских капиталистических и социалистических стран, возникают осложнения и трудности. Например, в результате многочисленной и разнообразной информации о риске могут возрастать некомпетентность масс, неустойчивость и необоснованность оценок риска в общественном мнении. Одна из причин такой ситуации состоит, в частности, в том, что журналисты в погоне за сенсациями



преподносят информацию в искаженном виде и она ведет не к уточнению оценок риска, а к возрастанию тревоги и страха. Это обстоятельство актуализирует вопрос о создании специальных мер по повышению ответственности средств массовой информации за достоверность распространяемых ими сведений.

Различное восприятие людьми решений, мероприятий, инициатив, экспериментов, содержащих социальный риск, — реальный факт. Изучение закономерностей, отражающих своеобразие восприятия риска отдельными людьми и группами населения, использование выявленных знаний в практике управления общественной жизнью создают предпосылки прогнозирования вероятного поведения людей, предсказывания их реакции на принятие и осуществление решений, содержащих риск, помогают выявлять, при каких условиях целесообразно или нельзя принимать рискованные решения, затрагивающие интересы, цели, потребности тех или иных общностей.

Работники системы управления для выбора альтернатив достаточно часто оперируют общественно- и естественнонаучными знаниями, в значительно меньшем объеме используют данные науки управления и чрезвычайно редко на практике применяют знания о „рисконасыщенности” реализуемых решений. Игнорирование практическими работниками факторов, влияющих на оценку риска, незнание ими механизма его восприятия различными группами населения приводят к тому, что вне поля зрения оказывается важнейший аспект общественного мнения, воздействующий на поведение людей в ситуации риска, формирование у них определенных социальных, психологических и социально-психологических установок, интересов, потребностей. Такая ситуация препятствует оптимизации общественной жизни, создает предпосылки для проникновения в управленческую деятельность волонтаризма и субъективизма. Реальные положительные изменения произойдут лишь тогда, когда, как точно подметил известный специалист в области исследования общественного мнения Б. А. Грушин, „работники сферы управления станут понимать, что общественное мнение не „бедный родственник”, не „проситель со стороны”, а истинный союзник, не досадная помеха в их деятельности, а, напротив, важнейший фактор и механизм качественного повышения ее эффективности. Более того, общественное мнение есть выражение интересов той самой массы, во имя которой существует у нас все, в том числе и аппарат управления”<sup>76</sup>. Учет управленческими органами общественного мнения повышает гарантию выбора наиболее оптимального пути принятия решений, значительно сокращая при этом риск натолкнуться на негативную реакцию населения.

Стимулирование инициативной, новаторской деятельности требует поиска новых подходов к вопросам подготовки, воспитания и расстановки кадров. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем вопросы кадровой политики в условиях перестройки общественной жизни, обращалось внимание на необходимость „выдвижения и воспитания действительно компетентных, предприимчивых руководителей предприятий и объединений, умеющих работать с людьми и способных в новых условиях хозяйствования обеспечить выход на передовые рубежи научно-технического прогресса, коренное улучшение качества выпускаемой продукции, высокую эффективность производства”<sup>77</sup>.

Создание кадровой гарантии процессу ускорения — сложная проблема, требующая специального исследования. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на некоторых ее моментах, в той или иной степени связанных с инициативой, новаторством и риском.

Гипертрофия, фетишизация организационно-технической стороны управления при забвении другой ее стороны — социальной — наложила негативный отпечаток на систему подбора и расстановки кадров. Происходящие качественные преобразования в общественной жизни потребовали и переоценки приоритетов в кадровой политике. Вместо личной преданности начальству, осторожности, перестраховки современному руководителю становятся нужны качества, которые не только не ценились, но и изживались командно-административной системой управления и хозяйствования, — смелость, инициативность, предприимчивость. Реально складывающаяся ситуация в социально-экономической, политической жизни объективно требует положить в основу подбора и расстановки кадров всех уровней такие качества, как компетентность, чувство нового, умение делать правильные политические выводы из фактов экономической действительности, творческая инициатива, способность идти на риск, динамизм и последовательность в конструктивном решении новаторских задач и достижении поставленных целей. В связи с этим имеет смысл сформулировать некоторые методологические соображения и практические рекомендации, которые могут быть использованы в кадровой политике.

Процесс определения профессиональной и психологической пригодности к конкретным видам деятельности должен учитывать, что разные люди неодинаково относятся к риску. Можно выделить три основных вида отношения людей к принятию решений в ситуации риска.

Руководитель, ориентирующийся на *оправданный* риск, как правило, стремится достигать социально значимых целей. У него развито чувство высокой ответственности за выполнение порученного дела. Такая ситуация обычно возникает, если способности руководителя, его психологические и волевые качества соответствуют данному виду управленческой деятельности.

Поведение руководителя, ориентированного на *необоснованный, неоправданный* риск, обычно определяется стремлением насладиться переживанием опасности, желанием удовлетворить самолюбие. Это тип „авантюриста”, от которого часто исходят волюнтаристические, субъективистские решения. Лицам, склонным к неоправданному риску, присущи переоценка своих способностей и недооценка требований ситуации. У них обычно преобладает субъективная уверенность, что предпринятые ими действия завершатся успешно.

Руководители, поведение которых направлено на действия, связанные с *неоправданной осторожностью*, обычно теряются в сложных, критических, экстремальных, конфликтных ситуациях, становятся жертвой своей нерешительности. Они предпочитают выбирать поведенческие альтернативы и решения, в которых риск сведен к минимуму или вообще отсутствует, даже если при этом их деятельность заведомо будет малоэффективной. Это тип „перестраховщика”.

Разные типы отношения людей к принятию рискованного поведения сказываются на результативности выполняемых конкретных профессиональных и административных функций. Поэтому и возникает необходи-

мость с помощью специальных методик и тестов учитывать этот фактор при выдвижении работников на руководящую должность, при подготовке резерва на ту или иную работу.

Следующая рекомендация исходит из известного, но редко применяемого на практике положения — разные работники для решения одной задачи используют различные стили и подходы. Эти индивидуальные отличия могут быть использованы в управленческом процессе для выполнения тех или иных функций, соответствующих индивидуальным способностям. Одни работники могут привлекаться для выработки и постановки задач, другие — для непосредственного руководства по их выполнению. Склонный к нововведениям, способный брать на себя риск руководитель иногда не подходит для деятельности в области контроля и повышения эффективности использования нововведений. Складывающаяся в условиях перестройки система управления и хозяйствования остро нуждается в руководителях двух типов: с одной стороны, способных эффективно проводить революционные преобразования, смело выбирать рискованные новаторские варианты, с другой — умеющих не столько административными, сколько экономическими методами осуществлять контроль за такой деятельностью.

Современная кадровая политика нередко упускает из виду и такое известное суждение — различным видам управленческой, административной, хозяйственной работы необходимы люди с разными социальными, психологическими качествами. Так, установлено, что структура волевых качеств (решительность, смелость, инициативность, самостоятельность, настойчивость, упорство, уверенность в своих силах и силах коллектива и т. д.) отличается у руководителей различных отраслей народного хозяйства и разных уровней управления одной отрасли<sup>78</sup>. Чем ближе руководитель находится к непосредственным участникам производственного процесса, тем существеннее роль таких качеств, как сдержанность и самообладание; чем выше должность, занимаемая руководителем, тем важнее для него инициатива и самостоятельность. Поскольку различные виды и типы профессиональной деятельности требуют разной структуры волевых качеств руководителя, возникает потребность с помощью специальных методик, тестов объективно определять структуру волевых, интеллектуальных, творческих качеств и способностей человека, выдвигаемого на руководящую должность, степень пригодности (с этой точки зрения) его для данного конкретного дела.

Ошибки в кадровой политике возникают также из-за абсолютизации анкетных данных при подборе людей, наличия возрастных, половых, партийных, национальных и прочих ограничений, необоснованно устанавливаемых вышестоящими инстанциями. Ясно, что в этом случае деловые, личностные качества отодвигаются на второй план. Но практическая жизнь наглядно доказывает, что люди, не обладающие необходимыми для конкретного вида деятельности способностями и психологическими качествами, не только значительно дольше других и с большими трудностями входят в новую работу, но и чаще допускают ошибки, просчеты. Специалист в области научной организации труда П. М. Керженцев отмечает: когда говорят „плохой работник”, это чаще всего значит, что человека поставили не на ту работу, которую он способен выполнять. Надо приглядеться получше, что он может делать, какую работу он больше любит, и подыскать ему подходящее для него дело<sup>79</sup>. Действительно, люди быва-

ют активно-творческие, инициативные, либо эрудиты с пассивным интеллектом, которых нужно постоянно подталкивать, направлять в их деятельности, либо усидчивые, аккуратные, дисциплинированные. Видимо, неправильно говорить, что один из таких типов всегда лучше других. Нет, просто каждому человеку следует найти такое место, где его положительные качества могли бы раскрыться наиболее полно.

Решению этой задачи, в частности, помогает получающий широкое распространение в последние годы такой элемент кадровой политики, как выборы из нескольких кандидатов бригадиров, начальников цехов, директоров предприятий, председателей исполкомов, секретарей райкомов и т. д.

При подборе руководящих работников имеет смысл выявлять умение и способность руководителя обеспечивать максимально возможное сочетание индивидуальных интересов работника с коллективными. О том, что здесь заложен важный резерв ускорения социально-экономического развития, говорят, например, следующие данные: производительность труда работника увеличивается как минимум в полтора раза, если производственный интерес совпадает с его личным<sup>80</sup>.

Новые формы работы с кадрами особенно активно стали внедряться в общественную практику после январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Одна из них связана с созданием специальных кадровых служб или групп совершенствования кадрового обеспечения. В их состав привлекаются специалисты различных профилей, которые, применяя электронно-вычислительную технику, объективно определяют уровень профессиональных знаний, квалификации, деловых и психологических качеств. На этой основе можно вырабатывать для каждого человека конкретные рекомендации по развитию инициативности, самостоятельности, самокритичности, сдержанности, то есть здесь становится понятным, какие качества руководителю нужно развивать, от каких следует избавляться. Это позволяет преодолевать стереотипные методы работы с кадрами, строить работу на индивидуальном подходе к каждому руководителю или кандидату на руководящую должность.

Стратегическое направление коренной перестройки кадровой политики связано с созданием единой государственной системы профессиональной ориентации, воспитания и подбора кадров, которая бы опиралась на обоснованные социально-экономические, педагогические, психологические, психофизиологические, антропологические, медико-биологические исследования, широко использовала различные методические средства, методики изучения мотивации, ценностных ориентаций, тесты, позволяющие определить уровень профессиональной пригодности данного человека к выполнению конкретного вида управленческой деятельности, степень овладения профессиональными знаниями и навыками. Такая организация кадровой политики открывает принципиально новые возможности воспитания творческих, предприимчивых, инициативных руководителей, создает условия для того, „чтобы люди – инициативные, деловые, рискующие во имя перестройки – могли безбоязненно искать новые подходы, придавать ускорение и мысли, и практическим делам”<sup>81</sup>.

Практические шаги по развитию новаторства, инициативы, самостоятельности, воспитанию у людей социальной смелости включают в себя также поиск способов и мер, которые позволяют снимать *психологические*

*барьеры*, возникающие у рядовых работников, руководителей групп, коллективов, организаций при выборе решений с тем или иным уровнем риска.

Реальная жизнь обильна ситуациями, когда стремление изменить общественное и индивидуальное сознание, получить как можно быстрее нужные результаты встречает определенное сопротивление и не дает ожидаемых итогов. Происходит это, в частности, потому, что редко принимаются в расчет некоторые особенности индивидуальной, групповой и коллективной психики и психологии. Многие люди стремятся исключить из своей практики ситуации, связанные с риском, изменением их привычного жизненного фона. Они могут выбирать средние и хуже средних варианты решений, только бы не иметь ситуаций, где даже с малой вероятностью возможны большие потери<sup>82</sup>. Намечая и осуществляя меры по перестройке общественного и индивидуального сознания, нельзя не считаться с психологической склонностью большинства субъектов общественной жизни к осторожному отношению или неприятию и даже сопротивлению (в различных формах) коренным, кардинальным рискованным преобразованиям, особенно если они затрагивают их интересы. Подобное противоречие не разрешить наскаком, „силовым давлением“. Вот почему психологическая перестройка немыслима без создания в экономической, политической, духовной сферах условий, помогающих „снимать“ психологические стереотипы, способствующих возникновению и закреплению новых форм экономического и политического мышления и поведения, формированию потребностей работников в новых решениях. К числу таких потребностей можно, в частности, отнести потребность в развитии своих способностей, творческих сил, характера, воли через профессиональную деятельность; потребность участия в создании новых ценностей — как материальных, так и духовных; потребность участия в процессе поиска новых решений и приобретения нового опыта; потребность в повышении своей квалификации, уровня общих и специальных знаний и т. д.

Обратимся еще к одной особенности функционирования коллективной психологии, которая также редко попадает в зону внимания практических работников. В трудовых коллективах существуют группы, неодинаково относящиеся к своей деятельности. Обычно это группа наиболее довольных своей работой; группа довольных; группа таких, для кого работа не имеет особого значения; группа недовольных и группа крайне недовольных. Как правило, группа довольных своей работой наиболее многочисленна<sup>83</sup>. Практика показывает, что эти работники в своем большинстве отрицательно относятся к нововведениям, различным реорганизациям, к проявлению инициативы. Они приспособились к существующему ритму производственного процесса, установившимся формальным и неформальным связям и поэтому стремятся сохранить сложившийся порядок. Более того, иногда они могут не только выступать против введения прогрессивных с точки зрения общественных интересов новаций, но и использовать свое влияние для „наказания“ инициаторов, стремящихся изменить привычное течение жизни. Естественно, что игнорирование особенностей взаимодействия этих различных групп трудового коллектива при разработке и внедрении на производстве инициатив, формировании новых форм мышления и поведения приводит к возникновению конфликтных ситуаций,

сложностей в проведении организационных, технологических, производственных нововведений.

Преодолению психологических стереотипов, изменению негативного отношения к обоснованному риску как необходимой форме внедрения нового помогает включение в систему подготовки и переподготовки руководящих кадров деловых игр, имитирующих ситуации риска. Эти игры предназначены для обучения навыкам выбора оптимальных альтернатив в условиях неопределенности, риска, при неполной исходной информации. Одна из таких деловых игр разработана в Ленинградском институте повышения квалификации работников промышленности и городского хозяйства по методам и технике управления. Она носит название „Риск” и протекает в форме диалога с ЭВМ „СМ-4”, которая может менять исходную информацию, а затем прогнозировать и оценивать последствия принимаемых решений<sup>84</sup>. Программа „Риск” дает обучаемому возможность с помощью клавиатуры видеотерминала ЭВМ „СМ-4” в диалоговом режиме ввести основные параметры и режимы работы. Программа работает с двумя основными массивами: матрицей эффективности, коэффициенты которой задаются пользователем с клавиатуры видеотерминала; матрицей риска, которая создается программой на основе матрицы эффективности. В начале работы ЭВМ моделируется ряд возможных ситуаций или вариантов обстановки (под ситуацией понимается обеспеченность плана ресурсами). Для каждой такой ситуации возможен ряд принимаемых решений, эффективность которых рассчитывается по специальной программе или оценивается пользователем в диапазоне от 0 до 1. При работе с программой пользователю предлагается ряд оценок ситуаций: указать вероятности каждого варианта обстановки, степень риска при принятии решения для данного варианта обстановки. Результатом работы программы является выбор оптимального решения при заданной ситуации на основе экономико-математических методов.

Интересным, но относительно редко используемым в управленческой практике страны средством для преодоления психологической инерции, выработки навыков выбора решений в ситуации риска и в условиях неопределенности являются группы коллективного творчества, применяющие в своей деятельности различные методы. К числу методов, развивающих умение идти на риск, способствующих формированию творческих способностей, относятся методы „мозгового штурма”, контрольных вопросов, фокальных объектов, „синектика”, морфологический анализ, интегральный метод „Метра” и т. д.

Метод „мозгового штурма” был предложен в 1938 году А. Осборном. Опыт его применения существует и в нашей стране. Осборн обратил внимание на то, что одни люди легко выдвигают новые идеи, другие — больше склонны к критическому анализу этих идей. При обычных обсуждениях эти две категории оказываются вместе и, как правило, мешают друг другу. В связи с этим было решено разделить этапы создания идей и их анализа, то есть сущность методики „мозгового штурма” сводится к тому, что две стадии творческого процесса — генерирование идей (поиск решений) и их оценка — искусственно отделяются друг от друга. Для этого создаются две группы: участники „мозгового штурма” — те, кто должен предложить новые варианты решения нужной задачи, — и члены комиссии, которые будут обрабатывать материалы „мозгового штурма”.

Существуют различные варианты „штурма” — индивидуальный, парный, „кибернетическая сессия” и т. д. Опыт показывает, что „мозговой штурм” эффективен при решении несложных, преимущественно технологических и организационных проблем, а также задач планирования и прогнозирования. Это, например, поиски нового применения выпускаемой продукции, усовершенствование рекламы производственного процесса, административные вопросы, внедрение новой техники, преодоление различных трудностей. Плохо поддаются „штурму” вопросы, требующие однозначного решения.

Метод „мозгового штурма” представляет собой как бы инструмент разового действия — группа создается для решения какой-то конкретной задачи. В отличие от него „синектика” \* предполагает создание постоянно действующих групп коллективного творчества. Эти группы состоят обычно из шести-семи человек, совместно решающих творческие задачи на протяжении длительного времени. Таким образом они постепенно накапливают опыт их решения. При „синектическом штурме” допустимы элементы критики. Главным содержанием этого метода является использование четырех специальных приемов: прямого — когда необходимо ответить на вопрос, как решаются задачи, похожие на данную; личного — нужно войти в образ данного в задаче объекта и попытаться рассуждать с этой точки зрения; символического — необходимо в двух словах дать образное определение сути задачи; фантастического — следует представить, как бы решили эту задачу сказочные персонажи.

Своеобразие метода контрольных вопросов состоит в том, что поиск нужных вариантов направляется списками наводящих вопросов, которые составляются разными людьми. Это могут быть вопросы типа: а если сделать наоборот? а если изменить форму объекта? а если взять другой материал?

Морфологический анализ, предложенный швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки, вначале выделяет главные характеристики объекта (оси) и затем на каждой из них записывает всевозможные варианты (элементы). Например, при рассмотрении проблемы запуска двигателя в зимних условиях в качестве осей можно взять источники энергии для подогрева, или способы передачи энергии от источника к двигателю, или способы управления этой передачей. Элементами для оси „источники энергии” могут быть аккумулятор, химический генератор тепла, работающий двигатель другой машины, пар, горячая вода и т. д. Комбинируя сочетания различных элементов, в том числе и совершенно новых, можно получить значительное число всевозможных вариантов.

Целесообразно подробнее остановиться на описании малоизвестного в нашей стране, но достаточно эффективного для принятия решений в условиях риска и неопределенности интегрального метода „Метра”<sup>85</sup>. Он сочетает приемы „мозгового штурма”, „синектики”, морфологических матриц А. Моля, выявление свободных ассоциаций путем „пробуждения сновидений”, а также аналоговую методiku „Метра”. Последняя состоит из нескольких этапов. Перед исследователями из творческой группы ставится задача в той формулировке, в какой она была получена

\* Метод „синектика” был предложен У. Гордоном в 1960 году. Им была создана в США фирма „Синектис”.

фирмой от заказчика. На этом этапе эксперт вызывает участников творческого процесса на свободное высказывание любых идей. На втором этапе проводится „расщепление” исходного представления об объекте на понятийный спектр в различных аспектах. При этом используется методика свободных ассоциаций. Например, свойства данного продукта „расщепляются” в зависимости от их проявления в области промышленного производства и в сфере потребления. На третьем этапе проводится пересмотр первоначальной формулировки, затем к новой постановке задачи применяется „мозговой штурм”. Четвертый этап содержит развитие аналоговых представлений об объекте, позволяющих разделить проблему на ряд вспомогательных задач. Выбор рабочих аналогий определяется мотивацией творческой группы. Пятый этап — „путешествие в мир аналогий”. Его смысл состоит в свободном поиске отдаленных аналогий с изучаемым объектом путем фантастических модельных построений. В известном смысле этот этап приближается к пробуждению свободных ассоциаций путем стимулирования „сновидений”. Затем следует анализ результатов, полученных из „путешествия в мир аналогий”. Здесь снова происходит возврат к поставленной проблеме, а выдвинутые аналогии переводятся на язык корректных деловых терминов. Таким образом, аналоговая методика „Метра” состоит из шести этапов и полностью включается в интегральный подход „Метра”. Интегральный метод включает также операцию построения морфологических матриц по методу А. Моля. Принцип построения матриц заключается в следующем: составляют два независимых перечня свойств, характеризующих возможности фирмы-подрядчика и потребности фирмы-заказчика. Например, фирма-подрядчик обладает такими возможностями, как высокий уровень технологии, международные связи и т. д. Фирма-заказчик может предъявить требования к технической безопасности разрабатываемого изделия, нуждаться в точной технической информации, в информации о конкуренции, о внешней конъюнктуре и т. д. На основании этих двух перечней в каждой клеточке матрицы происходит пересечение проблем, решаемых независимыми исследовательскими группами методом „мозгового штурма”. Обработка полученной морфологической матрицы проводится по отдельным столбцам. В целом блок-схема интегрального метода „Метра” может быть описана следующим образом: первый этап работы творческой группы начинается с формулировки проблемы и ее анализа. Одновременно приступает к работе контрольная группа, которая на первом этапе ограничивается постановкой проблемы. Далее участники группы высказывают все свои идеи и сомнения. Следующий этап носит название „выбор”. Он разветвляется на три одновременные процедуры: „расщепление” понятия об объекте с помощью свободных ассоциаций, выявление основных возможностей фирмы-подрядчика и потребностей клиентуры, комбинаторное построение морфологических матриц Моля. Затем проводится анализ первых полученных результатов и выдача их контрольной группе; проблема формулируется заново, методом „мозгового штурма” осуществляется поиск решения этой задачи; различные методы решения сравниваются с исходными критериями поставленной задачи; проводится сопоставление первоначальных и найденных целей, результаты выдаются контрольной группе, которая решает, продолжать поиск или прекратить работу; производится выбор окончательной цели поиска; после операции „путешествие



в мир аналогий” происходит возврат к проблеме, сформулированной в корректных терминах; осуществляется повторный анализ полученных решений и сопоставление их с исходными целями; с помощью обратной связи с контрольной группой происходит утверждение выбора решения.

В целом практика показывает, что там, где не жалеют средств для активизации и стимулирования творческого процесса, творческой активности, обучают способам и приемам принятия новаторских решений в ситуации риска, в условиях неопределенности, при неполной исходной информации, получают хорошие результаты. Даже незначительный опыт использования групп коллективного творчества в управленческой практике нашей страны показывает, что на предприятиях, в научно-исследовательских и проектно-конструкторских организациях это способствует развитию инициативы, приводит к качественным скачкам в эффективности работы, дает значительный народнохозяйственный эффект. В связи с этим представляется целесообразным создание организаций, которые на хозяйственной основе могли бы обучать руководителей, новаторов эффективно действовать в ситуации риска и в условиях неопределенности.

Эффективность реализации программы ускорения социально-экономического развития, достижение нового качественного состояния советского общества, преобразование хозяйственного механизма, системы управления социально-экономическими процессами теснейшим образом связаны с развитием творчества, новаторства, инициативы, созданием условий, обеспечивающих реальные возможности, когда этого требует ситуация, идти на обоснованный и оправданный риск.

Повышенное внимание к проблеме риска, необходимость изучения и разьяснения сущности социального риска в настоящее время не случайны. Они детерминируются возрастающей сложностью современных экономических, политических, экологических, социокультурных систем, выдвиганием на авансцену научного познания вероятностно-статистических методов, особой ролью, которую играет в настоящее время вероятностное мышление, логикой современного развития советского общества и социализма в целом, необходимостью качественного преобразования всех сфер общественной жизни, воспитания у людей чувства нового. Где внедряется новое, там господствуют инициатива и творчество, присутствует риск. Поэтому он должен становиться сегодня обязательным фактором производственной, социально-политической деятельности тружеников социалистического общества.

Происходящая переориентация общественного сознания по отношению к риску, в том числе и социальному, в определенной степени показывает его значимость для современных научных теорий и практической деятельности. Хотя в целом следует констатировать, что понятию „риск” не повезло в смысле позитивной разработки его содержания с диалектико-материалистических позиций, не говоря уже о включении этой категории в понятийный аппарат марксистской социальной философии.

Проделанный в книге социально-философский анализ риска позволяет сформулировать следующие основные выводы. В большинстве случаев человеческая деятельность носит вероятностный, альтернативный характер, связана с неопределенностью, случайностью, стихийностью. Эта объективная данность позволяет рассматривать риск как деятельность, осуществляемую субъектами общественной жизни в ситуации неизбежного выбора в условиях творчества, внедрения новаций, осуществления инициативы и т. д., связанную со „снятием”

неопределенности. Однако риск предстает не только как деятельность, в результате которой существует возможность оценить вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели, но и как вероятность наступления благоприятных и неблагоприятных последствий деятельности в ситуации риска. Одновременно социальный риск — это общественно-историческое явление, возникшее с появлением социума, функционирующее в процессе взаимодействия субъекта и объекта на основе общественной практики и играющее различную роль на разных этапах развития человеческой цивилизации.

Выяснение роли, которая присуща рискованной деятельности в удовлетворении общественных потребностей, показывает, что риск в практической жизни выполняет „регулятивную” и „защитную” функции. Исследование причин, детерминирующих наличие социального риска в общественной жизни, позволяет сделать вывод о его совместимости с плановым характером развития социалистического общества. Необходимость использования риска в практической экономической, политической и других видах деятельности предполагает целесообразность обоснования концепции рационального риска. Для этого автором предлагается интегративный подход к определению меры риска и его оценки в общественных ситуациях, позволяющий сформулировать критерии обоснованности, оправданности и правомерности социального риска. Следует обратить внимание на то, что интегративный подход включает в себя чисто количественную оценку риска, основанную на широко распространенной в настоящее время частотной, или статистической, интерпретации вероятности, и по сути дела игнорирующей качественные и неэкономические аспекты и последствия выбранных альтернатив как частный случай.

Социальный риск имеет свои специфические особенности в зависимости от того, кто является конкретным субъектом рискованной деятельности и ее сферы приложения. Предпринятый анализ взаимосвязи риска с некоторыми философскими и социологическими категориями создает общеметодологические предпосылки для исследования своеобразия рискованной деятельности средствами и методами философской науки.

Научно-практическая значимость осуществленных результатов анализа состоит в обосновании такого направления теоретического исследования, как социальный риск. Обращается внимание на необходимость практического обеспечения управления общественными системами в ситуациях неопределенности и риска, внедрения в социальную практику мер, ориентированных на стимулирование творчества, инициативы, новаторства.

Рассматриваемая в книге проблема достаточно многоаспектна, и естественно, что в ней не могли быть освещены все вопросы, связанные с выяснением смысла социального риска, спецификой его философского анализа, ролью, которую он, особенно в современных условиях, играет в общественной жизни социалистических стран.

Дальнейшего рассмотрения заслуживают проблемы детерминации социального риска, связи последнего с философскими и социологическими категориями, соотношения его с управлением общественными процессами, социальным регулированием, прогнозированием, предприимчивостью.

Специального исследования ждут вопросы „глобального” риска, роли социального риска в разные исторические эпохи, в различных конкретных видах деятельности.

Практическую значимость может иметь анализ риска как элемента современного стиля мышления, как одного из способов разрешения социально-экономических и политических противоречий.

Решение обозначенных вопросов, дальнейшее углубление социально-философского анализа риска создают реальные предпосылки для построения средствами диалектического и исторического материализма теории социального риска, целостного представления о риске, позволяют обозначить основания для конвергенции различных вариантов интерпретации риска, интеграции знаний об этом феномене.

Предполагается, что данная работа в какой-то мере восполнит имеющиеся в современной обществоведческой литературе пробелы в изучении явления социального риска. Одновременно затронутые в книге проблемы, вопросы, обосновываемые суждения могут послужить определенным стимулом дальнейших исследований недостаточно разработанных и актуальных в настоящее время проблем риска.

## ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

### Вместо введения

<sup>1</sup> См.: *Абчук В. А.* 7:1 в нашу пользу (Азбука решений). М., 1982; *Он же.* Теория риска в морской практике. Л., 1983: *Абчук В. А., Бункин В. А.* Интенсификация: принятие решений. Л., 1987. С. 115–136, 166–170; *Авармаа В., Талвер Т.* Право на риск//Правда. 1988. 12 февр.; *Аглицкая И.* Идеи из фонда риска//Московские новости. 1988. № 2; *Альгин А. П.* Новаторство, инициатива, риск. Л., 1987; *Башилов Г.* Если риск оправдан//Правда. 1987. 14 янв.; *Без риска нет успеха//* Правда. 1985. 22 янв.; *Белов В.* Неоправданный риск//Морской флот. 1977. № 1; *Беляева Л.* Иск и риск//Правда. 1987. 26 янв.; *Время рисковать//* Аргументы и факты. 1988. № 35. С. 3; *Герасимов В.* ...И риск оправдался//Правда. 1988. 16 февр.; *Он же.* Право на риск//Правда. 1986. 12 мая; *Глеба Ю.* Да, нужно было рисковать//Правда. 1986. 24 февр.; *Григорьева К.* Риск и прибыль//Ленинградская правда. 1988. 17 авг.; *Гринберг М. С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963; *Добрягин Н.* Стабильность на грани риска//Ленинградская правда. 1987. 10 дек.; *Ковалев Е. Е.* Радиационный риск на Земле и в космосе. М., 1976; *Косыгин В.* Право на риск//Социалистическая индустрия. 1985. 5 февр.; *Лисицын Ю.* Главный фактор риска//Правда. 1986. 7 янв.; *Медведев Ю.* Навстречу риску//Правда. 1988. 9 сент.; *Новиков Г.* Вычислить степень риска//Социалистическая индустрия. 1985. 19 дек.; *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972; *Он же.* Мораль и право. Душанбе, 1987; *Потапова Н.* Рискнули и выиграли...//Смена. 1987. 8 апр.; *Предвидеть социальный риск//* Московские новости. 1988. № 3. С. 7; *Плата за риск//* Социалистическая индустрия. 1988. 29 окт.; *Растргин Л. А.* Этот случайный, случайный, случайный мир. М., 1969; *Рош Н.* Оправдан ли риск?//Правда. 1984. 14 марта; *Рудашевский В. Д.* Риск, конфликт и неопределенность в процессе принятия решений и их моделирование//Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 84–94; *Факторы риска в акушерстве и гинекологии: Тезисы докладов X съезда акушеров-гинекологов ЭССР (7–8 декабря 1981 г.).* Таллин, 1981; *Факторы риска и лишний вес//* Наука и жизнь. 1986. № 3; *Фонд риска//* Правда. 1987. 23 нояб.; *Хозяйственный риск и методы его измерения.* М.; Л., 1979; *Чернышев В.* Ликвидировать ядерный риск. 1986. 29 сент., и др.

<sup>2</sup> *Латин Н. И.* Проблемы диалектики ускорения и перестройки//Вопросы философии. 1987. № 6. С. 12.

<sup>3</sup> См.: *Моделирование стохастических процессов развития отраслевых систем.* Новосибирск, 1980. С. 7–8.

<sup>4</sup> *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* М., 1987. С. 9.

<sup>5</sup> *Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Статистический ежегодник.* М., 1988. С. 426.

<sup>6</sup> *Быченков В.* Информация и ее социальные последствия//Политическое образование. 1987. № 10. С. 135.

<sup>7</sup> *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 232.

<sup>8</sup> См.: *Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза.* М., 1988. С. 84.

### Глава 1

<sup>1</sup> См., напр.: *Гринберг М. С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 12, 92; *Москалев Ю. И., Дабобес И. К. и др.* Концепция биологического риска воздействия ионизирующего излучения. М., 1973. С. 29; *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности//Правоведение. 1968. № 1. С. 55; *Рассудовский В.* Вопрос об имущественном риске в гражданском праве//Советская юстиция. 1963. № 18. С. 11; *Марголина А. Н., Сомова А. В. и др.* Риск посттрансфузионного гепатита у больных гемофилией//Проблемы гематологии и переливания крови. Т. 23. 1980. № 3. С. 46–48.

- <sup>2</sup> Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1899. Т. 26. С. 804.
- <sup>3</sup> См.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. С. 5.
- <sup>4</sup> См.: *Серебровский В. И.* Очерки страхового права. М., 1926. С. 118.
- <sup>5</sup> См.: Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939. С. 1360; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат/Под ред. Ю. С. Гамбарова и др. Т. 36. Ч. II. С. 578.
- <sup>6</sup> *Рудашевский В. Д.* Риск, конфликт и неопределенность в процессе принятия решений и их моделирование. С. 89.
- <sup>7</sup> *Абчук В. А.* Теория риска в морской практике. С. 26.
- <sup>8</sup> См.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 308.
- <sup>9</sup> *Макаренко В. П.* Риск при принятии решений в научной политике. Деп. 1926. М., 1977. С. 4.
- <sup>10</sup> См., напр.: *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 61–65; *Левыкин И., Уварова В.* Социально-психологическая ситуация//Политическое самообразование. 1983. № 4. С. 116–124; Методологические проблемы социального прогнозирования. Л., 1975. С. 33–36.
- <sup>11</sup> См. об этом: *Льюс Р. Д., Райфа Х.* Игры и решения. М., 1962. С. 34.
- <sup>12</sup> *Макаренко В. П.* Риск при принятии решений в научной политике. С. 5.
- <sup>13</sup> *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. М., 1971. С. 273.
- <sup>14</sup> *Бирюков Б. В., Тихомиров О. К.* Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований//*Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1979. С. 470.
- <sup>15</sup> См., напр.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. С. 36–37.
- <sup>16</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 770.
- <sup>17</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 324.
- <sup>18</sup> См., напр.: *Агапеев В. Е., Розанцева Д. Н.* Риск как основание защиты имущественных интересов граждан – участников дорожно-транспортных происшествий//Права и свободы советских граждан и роль милиции в их обеспечении: Сборник научных трудов Московской высшей школы милиции МВД СССР. М., 1981. С. 88–96.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности//Правоведение. 1968. № 1. С. 55.
- <sup>21</sup> См.: *Ойгензихт В. А.* Мораль и право. С. 110.
- <sup>22</sup> Там же. С. 112.
- <sup>23</sup> См., напр.: *Арефьева Г. С.* Социальная активность. М., 1974. С. 161; *Воронич Б. А.* Философский анализ структуры практики. М., 1972; *Он же.* Объективное и субъективное в социальных процессах//Философские науки. 1984. № 3. С. 39–47; *Кузьмин В. Ф.* Объективное и субъективное. М., 1976; *Каган М. С.* Мир общения. М., 1988. С. 85–100, и др.
- <sup>24</sup> См., напр.: *Чагин Б. А.* Субъективный фактор: Структура и закономерности. М., 1968. С. 16.
- <sup>25</sup> Цит. по: Коммунист. 1987. № 5. С. 93.
- <sup>26</sup> *Шульце Д.* Теория нечетких множеств и многозначная логика//Философские науки. 1983. № 6. С. 121.
- <sup>27</sup> См.: *Макаров В.* О механизме реализации новшеств//Политическое самообразование. 1986. № 10. С. 52.
- <sup>28</sup> *Вальтух К.* Технический прогресс и развитие инвестиционного комплекса//Коммунист. 1985. № 10. С. 26.
- <sup>29</sup> См.: *Миронов Н.* Где же логика?//Правда. 1987. 30 апр.
- <sup>30</sup> Сколько стоит речка?//Правда. 1985. 6 февр.
- <sup>31</sup> *Peazce D. W.* Environmental economics. L., 1976. P. 133.
- <sup>32</sup> Ibid. P. 138.
- <sup>33</sup> См.: Экология – это выгодно!//Литературная газета. 1988. № 4. С. 11.
- <sup>34</sup> См. там же.
- <sup>35</sup> *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987. С. 405.
- <sup>36</sup> См.: Правда. 1987. 26 окт.
- <sup>37</sup> См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 163.
- <sup>38</sup> См.: *Гребнев Е. Т.* Управленческие нововведения. М., 1985. С. 20–21.
- <sup>39</sup> См.: Коммунист. 1986. № 12. С. 34.

- <sup>40</sup> Подробнее о методике применения „дерева целей“ для программно-целевого планирования и управления см.: *Радченко Н. И.* Совершенствование механизма управления научно-производственным объединением. М., 1983.
- <sup>41</sup> См.: *Петров А., Загородняя А., Кадзевич М.* Нужна региональная система// Диалог. 1987. № 13. С. 7–8.
- <sup>42</sup> Интенсификация-90. Л., 1985. С. 29.
- <sup>43</sup> Острые углы хозрасчета//Огонек. 1988. № 7. С. 3.
- <sup>44</sup> Управление и управленцы//Аргументы и факты. 1988. № 11. С. 2.
- <sup>45</sup> См.: Хозяйственный риск и методы его измерения. С. 21.
- <sup>46</sup> См.: *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. С. 87.
- <sup>47</sup> Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 333–334.
- <sup>48</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.
- <sup>49</sup> *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. С. 277.
- <sup>50</sup> См.: Правда. 1988. 20 янв.
- <sup>51</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 115–116.
- <sup>52</sup> Там же. Т. 39. С. 53.
- <sup>53</sup> Там же.
- <sup>54</sup> *Башилов Г.* Если риск оправдан//Правда. 1987. 14 янв.
- <sup>55</sup> См.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 1. М., 1969. С. 48; Словарь русского языка. Т. 1. М., 1977. С. 6.
- <sup>56</sup> См. об этом: *Каган М. С.* Мир общения. С. 85–120.
- <sup>57</sup> См., напр.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 661; *Краткий психологический словарь.* С. 348; *Философский словарь/Под ред. И. Т. Фролова.* М., 1980. С. 358.
- <sup>58</sup> См., напр.: *Пестун И., Широков В.* Иск без предъявления//Правда. 1988. 17 марта; *Жмут на тормоза//Правда.* 1988. 14 мая.
- <sup>59</sup> См.: В Московском горкоме партии//Московская правда. 1988. 27 окт.
- <sup>60</sup> *Wallach M. A., Kogan N., Bem D. J.* Group influence on individual risk taking// Journal abnormal and social psychology. Washington, 1962. Vol. 65. N 1.
- <sup>61</sup> *Cecil E., Cherkoff J., Cummings L.* Risk taking in groups as a function of group pressure//Journal of Social Psychology. 1970. N 81(2). P. 273–274.
- <sup>62</sup> *Kogan N., Wallach M. A.* Group risk taking as function of members anxiety and defensive levels//Journal of personality. Durham, 1967. Vol. 35. N 1.
- <sup>63</sup> *Brown J.* Social psychology. N. Y., 1965.
- <sup>64</sup> *Cartwright D.* Risk taking by individuals and groups: An Assessment of research employing choice dilemmas//Journal of personality and social psychology. Washington, 1971. Vol. 20. N 3; *Determinants of Scientific progress: The case of research on the risky-shift//Amer. psychologist.* Washington, 1973. Vol. 28. N 3.
- <sup>65</sup> См.: *Лыцов В. Н.* Мера риска//Человек и природа. 1985. № 8. С. 34.
- <sup>66</sup> См., напр.: *Ковалев Е. Е.* Радиационный риск на Земле и в космосе. С. 147–149.
- <sup>67</sup> Право на права//Правда. 1985. 8 янв.
- <sup>68</sup> По этой проблеме в обществоведческой литературе работ крайне мало, и носят они преимущественно очерковый или публицистический характер. См., напр.: *Домозетов Х.* Профессиональный риск//Болгарская женщина. 1984. № 10. С. 4–7; *И доля риска – как плата//Аврора.* 1980. № 10. С. 108–115; *О долге, должности и доле риска//Работница.* 1986. № 1. С. 16–17; *Топалер Е.* Профессиональный риск//Московская правда. 1987. 12 мая.
- <sup>69</sup> См., напр.: *Лоу Б.* Красота спорта. М., 1984. С. 142–144; 179–181; *Без риска нет успеха//Правда.* 1985. 22 янв.; *Мастерство, атака, риск//Ленинградская правда.* 1986. 16 сент.; *Рыжкин В.* Нужно ли рисковать//Правда. 1986. 10 янв.; *Смирнов В., Юсин А.* Без риска нет победы//Правда. 1986. 14 мая.
- <sup>70</sup> *Лыцов В. Н.* Мера риска. С. 35.
- <sup>71</sup> *Skinner B. F.* Beyond freedom and dignity. L., 1971.
- <sup>72</sup> См.: *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. С. 338.
- <sup>73</sup> См., напр.: *Алова А.* За рамками задачи//Знание – сила. 1986. № 1; *Brehm J. W.* Response to loss of freedom: A theory of psychological reactance. Morristown, 1972.
- <sup>74</sup> *Atkinson J. W., Feather N. T.* A theory of achievement motivation. N. Y., 1969; *Weinstein M. S.* Achievement motivation and risk preference//Journal of Personality and Social Psychology. 1969. N 13. P. 153–172; *Kogan N., Wallach M.* Risky-shift phenomenon in small decision groups: A test of the information-exchange hypothesis//Journal of Experimental Social Psychology. 1967. N 3. P. 75–84.

- <sup>75</sup> *Starr Ch.* Social benefit versus technological risk//Science. 1969. N 165. P. 1233–1238.
- <sup>76</sup> *Edwards W.* Probability preferences in gambling//American Journal of Psychology. 1953. N 66. P. 349–364.
- <sup>77</sup> *Van der Meer H. C.* Decision making: the influence of probability preference, variance preference and expected value on strategy in gambling//Acta Psychologica. 1963. N 21. P. 231–259.
- <sup>78</sup> См. об этом: Философские проблемы деятельности (Материалы „круглого стола“) //Вопросы философии. 1985. № 2. С. 44; *Готт В. С., Урсул А. Д.* Определенность и неопределенность как категории научного познания//Новое в жизни, науке, технике. Сер. Философия. 1971. № 7. С. 62.
- <sup>79</sup> См. об этом: *Артемов В. А.* Социальное время. Проблемы изучения и использования. Новосибирск, 1987. С. 14–22; Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972. С. 51–52; Философский энциклопедический словарь. С. 151; Философские вопросы деятельности//Вопросы философии. 1985. № 5. С. 91–96.
- <sup>80</sup> См.: *Ланге О.* Оптимальные решения. С. 217–222.
- <sup>81</sup> См., напр.: *Логанов И. И.* Свобода личности. М., 1980. С. 22–33; *Новиков К. А.* Свобода воли и марксистский детерминизм. М., 1981. С. 93–114, и др.
- <sup>82</sup> См.: *Ойгензихт О.* Мораль и право. С. 118.
- <sup>83</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 93.
- <sup>84</sup> См.: *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 31–32.

## Глава 2

- <sup>1</sup> См.: *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Кн. IV. СПб., 1910. С. 132.
- <sup>2</sup> См.: *Кацаров И.* Теория на рискове. Свищов, 1975.
- <sup>3</sup> Подробнее о содержании этих теорий см., напр.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. С. 13–36.
- <sup>4</sup> См. там же. С. 37–39.
- <sup>5</sup> См. об этом: *Гойхбарг А. Г.* Хозяйственное право РСФСР. Гражданский кодекс. М., 1923. Т. 1. С. 171; *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 143; *Семнова А. Е.* Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928. С. 14.
- <sup>6</sup> См.: *Гринберг М. С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. С. 12, 92.
- <sup>7</sup> *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности//Правоведение. 1968. № 1. С. 55.
- <sup>8</sup> См.: *Шиминова М. Я.* Компенсация вреда гражданам (гражданско-правовое регулирование). М., 1979. С. 67.
- <sup>9</sup> См.: *Расуловский В.* Вопрос об имущественном риске в гражданском праве//Советская юстиция. 1963. № 18. С. 11.
- <sup>10</sup> *Мезрин Б. Н.* О юридической природе риска в советском гражданском праве//Гражданское право и способы его защиты. Свердловск, 1974. С. 47–48.
- <sup>11</sup> *Пастухин О. А.* Категория риска в советском гражданском праве//Там же. С. 57.
- <sup>12</sup> См.: *Кацаров И.* Теория на рискове. С. 188–190.
- <sup>13</sup> См., напр.: *Братусь С. Н.* Спорные вопросы теории юридической ответственности//Советское государство и право. 1973. № 4; *Он же* Юридическая ответственность и законность. М., 1976; *Ойгензихт В. А.* К вопросу о понятии риска в гражданском праве (по поводу дискуссии об объективном и субъективном риске)//Актуальные проблемы применения советского законодательства. Душанбе, 1974; *Он же.* Категория „риска“ в советском гражданском праве//Правоведение. 1971. № 5; *Терещенко Л. К.* Проблема риска в деятельности вычислительных центров//Проблемы совершенствования советского законодательства (Труды ВНИИСЗ). М., 1981.
- <sup>14</sup> См.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в советском гражданском праве: Автореф. дис. на соискание учен. степени доктора юр. наук. М., 1974. С. 7; *Он же.* Воля и волеизъявление: очерки теории, философии и психологии права. Душанбе, 1983. С. 143.



- <sup>15</sup> См.: *Харитонов Е. О.* Категория объективного и субъективного риска в советском гражданском праве//Проблемы правоведения. Вып. 40. Киев, 1979. С. 63–70.
- <sup>16</sup> См.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. С. 216.
- <sup>17</sup> *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. С. 145–147.
- <sup>18</sup> См.: *Аганеев В. Е., Розанцева Д. Н.* Риск как основание защиты имущественных интересов граждан – участников дорожно-транспортных происшествий//Права и свободы советских граждан и роль милиции в их обеспечении. М., 1981. С. 88–96.
- <sup>19</sup> См., напр.: *Рассудовский В.* Вопрос об имущественном риске в гражданском праве. С. 11–13.
- <sup>20</sup> См., напр.: *Аганбегян А. Г.* Система математических моделей оптимального территориально-производственного планирования на перспективу//Проблемы народнохозяйственного оптимума. М., 1969; Вероятностные модели и управление экономическими процессами. М., 1979; Учет факторов неопределенности в отраслевом планировании. Новосибирск, 1979.
- <sup>21</sup> *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958. С. 131.
- <sup>22</sup> См., напр.: *Кошеленко С. Н.* Учет риска при принятии экономических решений//Проблемы учета и статистики в условиях совершенствования экономики развитого социализма. М., 1981; *Ланге О.* Оптимальные решения. М., 1967; Ответственность в системе управления (Вопросы теории и практики). М., 1987; *Сыроужин И. М.* Очерки теории производственных организаций. М., 1970; Фактор неопределенности в межотраслевых моделях. Новосибирск, 1983; Хозяйственный риск и методы его измерения. М.; Л., 1979
- <sup>23</sup> См.: *Давидов Д. и др.* Рискът и творчеството в управлението на народното стопанство//Новое время (София). 1983. № 12; *Маринов М.* Стопанският риск и законността в управлението на икономиката//Новое время (София). 1984. № 6; *Николов А.* Социалистическата предприемчивост и стопанският риск в системата на плановото стопанстване. София, 1981.
- <sup>24</sup> См.: *Чжао Цзыян.* Вперед по пути социализма с китайской спецификой//Коммунист. 1988. № 1. С. 119.
- <sup>25</sup> *Комов С. И.* К вопросу о хозяйственном риске//XXVI съезд КПСС и правовые вопросы совершенствования хозяйственного механизма. М., 1982. С. 71–72.
- <sup>26</sup> См.: *Кошеленко С. Н.* Оптимизационные финансовые задачи в условиях риска: Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. экон. наук. М., 1981.
- <sup>27</sup> *Назаров Д. Н.* Страхование валютных рисков//Деньги и кредит. 1979. № 9; *Он же.* Страхование валютных рисков в условиях плавающих курсов валют: Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. экон. наук. М., 1981; *Тулин Д. В.* Совершенствование страхования валютных рисков в СССР: Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. экон. наук. М., 1985.
- <sup>28</sup> *Głowacki S., Slotwinski B.* Ryzyko dyrektora przedsiębiorstwa w działaniach innowacyjnych//Organizacja, metody, technika. 1978. Vol. 21. N 3. S. 22–27.
- <sup>29</sup> *Klvačova E.* Problémy rizika a nejistoty v tvorbě vědeckotechnických programů//Predpoklady rozvojevedy a techniky. 1983. Vol. 12. N 5. S. 5–19.
- <sup>30</sup> См.: Коммунист. 1987. № 17. С. 63.
- <sup>31</sup> См.: *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948. С. 54–65, 136–142.
- <sup>32</sup> См.: *Ланге О.* Оптимальные решения. С. 186–187.
- <sup>33</sup> См.: *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 311–312.
- <sup>34</sup> *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 125.
- <sup>35</sup> См.: Психологический словарь. М., 1983. С. 328.
- <sup>36</sup> См.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 308.
- <sup>37</sup> *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. С. 348.
- <sup>38</sup> См., напр.: *Котик М. А.* Психология и безопасность. Таллин, 1981. С. 114–115.
- <sup>39</sup> См.: *Конорацкий А. А.* Тест для диагностики отношения оператора к принятию риска//Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 133–136.
- <sup>40</sup> См.: Краткий психологический словарь. С. 367–368.
- <sup>41</sup> *Хилтунен Г.* Острова на горизонте//Юность. 1986. № 9. С. 84.
- <sup>42</sup> *Рудашевский В. Д.* Риск, конфликт и неопределенность в процессе принятия решений и их моделирование. С. 84–94.
- <sup>43</sup> См. там же. С. 92–94.
- <sup>44</sup> См.: *Петровский В. А.* „Риск ради риска” и проблема Стоунера//Материалы конференции по проблемам общения. Л., 1973; *Он же.* Поведение человека в ситуации

опасности (к психологии риска)//Новые исследования в психологии. 1974. № 1; *Он же*. Тенденция к свободному риску и самоутверждение личности//Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975; *Он же*. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. психол. наук. М., 1977, и др.

<sup>45</sup> См.: *Петровский В. А.* Активность субъекта в условиях риска. С. 3–13.

<sup>46</sup> *Алова А.* За рамками задачи//Знание – сила. 1986. № 1. С. 37.

<sup>47</sup> См.: *Москалев Ю. И., Дабобес И. К. и др.* Концепция биологического риска воздействия ионизирующего излучения. М., 1973; *Предвидеть социальный риск*//Московские новости. 1988. № 3. С. 7; *Ковалев Е. Е.* Надежность радиационной защиты и безопасность космических полетов//VI Международный симпозиум по безопасности и спасению в космосе. Баку, 1973; *Ковалев Е. Е., Попов В. И., Сакович В. А.* К расчету дозы оправданного риска при длительных космических полетах//Космическая биология и медицина. 1969. Т. 3. № 4. С. 29–32.

<sup>48</sup> См., напр.: *Дерзкий В. Г., Нечай Т. А., Шкворец Ю. Ф., Щедрина Т. И.* Прогнозирование технико-экономических параметров новой техники. Киев, 1982; *Ковалев Е. Е., Иванов В. И., Пахомов Б. Я., Иванова А. А.* Новая техника и проблема безопасности человека// Вопросы философии. 1981. № 5; Минимум риска, максимум безопасности//Ленинградская правда. 1986. 6 июня; Моделирование НТП и управление экономическими процессами в условиях неполноты информации. М., 1976, и др.

<sup>49</sup> См.: Правда. 1986. 27 авг.

<sup>50</sup> См.: *Легасов В.* Из сегодня – в завтра//Правда. 1987. 5 окт.

<sup>51</sup> Техника: исчерпан ли кредит доверия?//Правда. 1988. 5 сент.

<sup>52</sup> См.: *Зинченко В., Коваленко Г., Мунипов В.* Возможности человека и новая техника//Коммунист. 1986. № 9.

<sup>53</sup> См.: Правда. 1987. 29 мая.

<sup>54</sup> См.: *Раушенбах Б.* Человек и прогресс: враги или союзники//Литературная газета. 1987. 11 февр.

<sup>55</sup> Источник повышенной опасности//Литературная газета. 1986. 3 дек. С. 11.

<sup>56</sup> *Lagadec P.* La civilisation du risque: Catastrophes technologiques et responsabilité sociale. P.; Seuil, 1981; *Covello V. T.* The perception of technological risk: A literature review//Technology forecasting and social change. N. Y., 1983. Vol. 23. N 4. P. 285–297; *Otway H., Winterfeldt von D.* Beyond acceptable risk: social acceptability of technologies//Policy science. Amsterdam, 1982. Vol. 14. N 3. P. 247–256; Risk: Assessment, acceptability and management. Washington, 1981. VII; Technological risk: Its perception and handling in the European community. Cambridge (Mass.), 1980. XII; *Weinstein J.* Sociology technology: Foundations of post-academic social science. Brunswick; L., 1982.

<sup>57</sup> Society, technology and risk assessment. L., 1980. XXVII.

<sup>58</sup> Social risks of energy systems: Hearing before the Comm. on Science and technology. Washington, 1981. III. P. XXV.

<sup>59</sup> *Dylander B.* Technology assessment as science and as tools for policy//Acta sociologica. Copenhagen, 1980. Vol. 23. N 4. P. 220.

<sup>60</sup> Risk in technological society. Boulder (Col.), 1982. XV. P. 113.

<sup>61</sup> *Short Y. F.* The social fabric at risk: Toward the social transformation of risk analysis. Amer. association, 1984: Presidential address//Amer. Social. N. Y., 1984. Vol. 49. N 6.

<sup>62</sup> Society, technology and risk assessment. L., 1980. XXVII. P. 4–19.

<sup>63</sup> Risk in the technological society. P. 5.

<sup>64</sup> Ibid. P. 30.

<sup>65</sup> Ibid. P. 195.

<sup>66</sup> *Губарев В., Дубровин Б.* В зеркале Чернобыля: Беседа с генеральным директором МАГАТЭ доктором Хансом Бликсом//Правда. 1987. 24 апр.

### Глава 3

<sup>1</sup> Московские новости. 1987. № 50. С. 12.

<sup>2</sup> См.: *Селезнев М. А.* Социально-философские проблемы перестройки советского общества как революционного процесса//Философские науки. 1988. № 10. С. 10.

<sup>3</sup> Там же. С. 12.

<sup>4</sup> *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 418.

- <sup>5</sup> Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 18.
- <sup>6</sup> См. там же. С. 69.
- <sup>7</sup> Там же. С. 108–109.
- <sup>8</sup> Высокой мерой новаторства: Мыслить и действовать нестандартно//Правда. 1987. 6 янв.
- <sup>9</sup> Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. С. 254.
- <sup>10</sup> Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 36. Ч. II. С. 579.
- <sup>11</sup> Стучка П. И. Курс советского гражданского права. М.; Л., 1931. Т. III. С. 142.
- <sup>12</sup> Шулдешов В. В. Чувство нового. Л., 1981. С. 28.
- <sup>13</sup> Социалистическая индустрия. 1986. 9 янв.
- <sup>14</sup> Правда. 1985. 5 сент.
- <sup>15</sup> Ленинградская правда. 1986. 23 февр.
- <sup>16</sup> См.: А коллектив – в тупике//Правда. 1987. 10 дек.
- <sup>17</sup> См.: Бадов В. А табачок – врозь//Правда. 1988. 21 марта.
- <sup>18</sup> См.: Гайдар Е. Краткосрочные и долгосрочные цели в экономике//Коммунист. 1987. № 10. С. 90.
- <sup>19</sup> См.: Литературная газета. 1988. № 4. С. 10.
- <sup>20</sup> См.: Известия. 1987. 2 июля.
- <sup>21</sup> См.: Литературная газета. 1987. № 37. С. 10.
- <sup>22</sup> См.: Каменцев В. Проблемы внешнеполитической деятельности//Коммунист. 1987. № 15.
- <sup>23</sup> Лацис О. Как шагает ускорение//Коммунист. 1987. № 4. С. 61.
- <sup>24</sup> Шохин А. Индивидуальная трудовая деятельность: проблемы и перспективы// Политическое самообразование. 1987. № 2. С. 30–31.
- <sup>25</sup> См.: Булатов А. Кооперативная форма: неиспользованные возможности// Политическое самообразование. 1988. № 2. С. 18.
- <sup>26</sup> А я не верю//Крокодил. 1987. № 27. С. 2.
- <sup>27</sup> См., напр.: День открытых дверей//Литературная газета. 1988. № 1. С. 12.
- <sup>28</sup> См. об этом: Герасимов В. Обанкротились, что дальше?//Правда. 1987. 15 дек.; Костаков В. Полная занятость, как мы ее понимаем?//Коммунист. 1987. № 14.
- <sup>29</sup> Дороже жемчуга и золота//Литературная газета. 1987. № 45. С. 13.
- <sup>30</sup> См., напр.: Тулин Д. В. Совершенствование страхования валютных рисков в СССР. С. 8.
- <sup>31</sup> См.: Науман Э. Принять решение – но как? М., 1987. С. 36.
- <sup>32</sup> Не много ли лишних звеньев//Правда. 1987. 1 июня.
- <sup>33</sup> О коренной перестройке управления экономикой: Сборник документов. М., 1987. С. 21–22.
- <sup>34</sup> См.: Коммунист. 1987. № 17. С. 63.
- <sup>35</sup> См.: Коммунист. 1985. № 10. С. 26.
- <sup>36</sup> См.: Идеи из фонда риска//Московские новости. 1988. № 2. С. 9.
- <sup>37</sup> См.: Большой прилавок Будапешта//Литературная газета. 1982. № 11. С. 13.
- <sup>38</sup> См.: С открытием... в банк//Аргументы и факты. 1988. № 15. С. 2.
- <sup>39</sup> Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85–86.
- <sup>40</sup> См.: Валитов М. Г. Инициативы и почину в экономике. М., 1983; Инициатива масс и хозяйственный механизм. М., 1981; Гревцов Ю. И. Инициативность и активность граждан в юридических отношениях//Правоведение. 1986. № 6; Самодеятельные инициативы. Неформальный взгляд//Коммунист. 1988. № 9. С. 95–106; Яницкий О. Общественные инициативы и самодеятельность масс//Коммунист. 1986. № 8. С. 61–71.
- <sup>41</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.
- <sup>42</sup> См.: Яницкий О. Общественные инициативы и самодеятельность масс. С. 62.
- <sup>43</sup> См.: Вероятностные модели и управление экономическими процессами. М., 1978. С. 16.
- <sup>44</sup> См. там же. С. 8–9.
- <sup>45</sup> Преодолеть барьер стереотипа//Ленинградская правда. 1986. 24 апр.
- <sup>46</sup> Миронов Н. Внеплановая идея//Правда. 1985. 11 апр.
- <sup>47</sup> Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 35.
- <sup>48</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.
- <sup>49</sup> См.: Земляной С. Н. Духовный прогресс советского общества и формирование нового человека//Новое в жизни, науке, технике. Сер. Научный коммунизм. 1986. № 4. С. 20–21.

- <sup>50</sup> Вересаев В. Соч. М., 1961. С. 313.
- <sup>51</sup> Куйбышев В. В. Избр. соч. М., 1958. С. 131.
- <sup>52</sup> Глеба Ю. Да, нужно было рисковать//Правда. 1986. 24 февр.
- <sup>53</sup> См.: Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. С. 55–63; Омельченко А. И. Творческий риск, его государственно-правовая охрана. М., 1955.
- <sup>54</sup> Комаров Е., Усанов В. „Конструкторы” бумаг//Правда. 1986. 12 июля.
- <sup>55</sup> Там же.
- <sup>56</sup> См.: Почин С. Выходит, инициатива наказуема?//Ленинградская правда. 1987. 10 дек.
- <sup>57</sup> См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. М., 1987. С. 10.
- <sup>58</sup> См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 128.
- <sup>59</sup> Подробнее об этом см.: Альгин А. П., Маслов В. А. Инициатива и риск против бюрократизма//Новое в жизни, науке, технике. Сер. Философия. 1988. № 10.
- <sup>60</sup> Коммунист. 1988. № 1. С. 95.
- <sup>61</sup> Мало быть умным, чтобы умно поступать//Московские новости. 1987. 19 апр. С. 12.
- <sup>62</sup> См.: Плановая „липа”//Ленинградская правда. 1987. 11 июля.
- <sup>63</sup> Ленинградская правда. 1987. 10 дек.
- <sup>64</sup> См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 4.
- <sup>65</sup> См.: Управление и управленцы//Аргументы и факты. 1988. № 11. С. 2.
- <sup>66</sup> Glawacki S., Slotwinski B. Op. cit. S. 25.
- <sup>67</sup> Ibid. S. 26.
- <sup>68</sup> Свод законов СССР. 1929. № 42. С. 367.
- <sup>69</sup> Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 12. Ч. II. С. 580.
- <sup>70</sup> Что нового в Госстрахе//Известия. 1987. 26 апр.
- <sup>71</sup> Правда. 1987. 29 апр.
- <sup>72</sup> См.: Спицнадель В. Н. Ленинградское ускорение. Л., 1986. С. 53–54.
- <sup>73</sup> Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. Cognitive processes and social risk taking. Darmstadt, 1975.
- <sup>74</sup> Таблица приводится из кн.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. С. 230.
- <sup>75</sup> См.: „Минздрав предупреждает...”//Правда. 1988. 23 февр.
- <sup>76</sup> Советская культура. 1987. 5 мая.
- <sup>77</sup> Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27–28 января 1987 года. С. 87.
- <sup>78</sup> См.: Генов Ф. Психология управления. М., 1982. С. 335–339.
- <sup>79</sup> См.: Керженцев П. М. Принципы организации//Избранные произведения. М., 1968. С. 399.
- <sup>80</sup> См.: Московские новости. 1987. 19 апр. С. 12.
- <sup>81</sup> Демократизация – суть перестройки, суть социализма: Встреча в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов, 8 янв. 1988 г. М., 1988. С. 22.
- <sup>82</sup> См.: Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений. М., 1979. С. 115.
- <sup>83</sup> Генов Ф. Психология управления. С. 404.
- <sup>84</sup> См.: Абчук В. А., Букин В. А. Интенсификация: принятие решений. Л., 1987. С. 166–170.
- <sup>85</sup> Bouilvin Y. Pratique des techniques de créativité: l'approche intégrée Métra. P., 1973. Vol. 12. N 1. P. 17–60.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Некоторые способы и методы количественного определения степени риска и его оценки

1. В психологии мера риска (как мера ожидаемой неудачи при неуспехе в процессе достижения цели) может определяться через соотношение вероятности неуспеха и степени неблагоприятных последствий, которые могут наступить в этом случае.

2. В праве, в частности при расчетах, связанных со страхованием, величина риска определяется как вероятность наступления нежелательных последствий, которая с достаточной степенью точности выявляется из статистических данных.

3. Один из вариантов определения степени риска можно проиллюстрировать на примере процессора отгадывания выпадения „орла” и „решки”<sup>1</sup>. Мерой риска при этом будет вероятность ошибиться, назвав одну из сторон монеты. Чтобы рассчитать вероятность риска, предлагается вычесть вероятность выхода предсказуемого события из вероятности появления любого возможного события при данном опыте. Последняя вероятность равна 100%, или 1.  $R = 1,0 - 0,5 = 0,5$ , или 50%. Это значит, что из 100 предсказаний вы рискуете ошибиться в среднем в пятидесяти случаях. Если предпринимается попытка предсказать, что монета упадет гербом кверху 2 раза подряд, то вероятность такого события меньше, а вероятность ошибиться – больше. Интуитивно кажется, что риск ошибки при этом возрастает в 2 раза. На самом деле он увеличивается в 1,5 раза:  $R = 1,0 - 0,5 \times 0,5 = 0,25$ , или 75%. При предсказывании появления герба 3 раза подряд риск возрастает до 87,5%, 4 раза подряд – до 93,8%, 5 раз – до 96,9%.

4. Степень риска иногда определяется как произведение ожидаемого ущерба на вероятность того, что ущерб произойдет<sup>2</sup>. В связи с установлением взаимосвязи между величиной риска выбираемого решения, а также возможным ущербом, наносимым этим решением, и очевидностью, с которой ущерб наносится, предполагается, что наилучшим является решение с минимальным риском, то есть, подвергаясь минимальному риску, человек в данной ситуации поступает оптимально. Для выбора оптимального решения с минимальным риском предлагается составить функцию риска:  $R = Ap^1 + (A + B)p^2$ , где  $R$  – риск;  $A$  и  $B$  – ущерб от выбираемых решений;  $p^1$  и  $p^2$  – степень уверенности, что произойдут ошибки при принятии этих решений<sup>3</sup>.

5. Определенный интерес для выяснения степени экономического риска (как вероятности технического и коммерческого успеха) представляет подход, предложенный американскими экономистами при оценке технических нововведений. Он не может быть полностью использован в социалистических условиях хозяйствования, но ценным в нем является стремление учесть вероятностный характер ожидаемого экономического результата в условиях неопределенности, все затраты и весь ожидаемый эффект. Речь идет о формуле, которую некоторые американские компании используют для оценки эффективности реализации нововведения:

$$\varepsilon = \frac{\Pi \times C \times T \times P_T \times P_K}{\Sigma_3}$$

где  $\varepsilon$  – эффективность реализации нововведения;  $\Pi$  – ежегодный объем продаж нового изделия;  $C$  – продажная цена изделия;  $T$  – жизненный цикл новшества (пред-

<sup>1</sup> См.: *Абчук В. А.* Теория риска в морской практике. С. 29–30; *Он же.* 7.1 в нашу пользу. М., 1982. С. 111.

<sup>2</sup> См.: *Растргин Л.* Этот случайный, случайный, случайный мир. С. 96–99.

<sup>3</sup> См. там же. С. 105.

Таблица 3

## Факторы, влияющие на оценку вероятности успеха проектов

Фактор	Описание изобретения		
	Класс 1	Класс 2	Класс 3
Информационный	Изделие известно или хорошо оценено	Требования к применению изделия определены, но характеристики его известны лишь в общих чертах	Изделие на стадии проекта, требования к нему известны лишь в общих чертах
Производственно-технический	Обычный процесс производства. Изделие можно производить с существующим оборудованием	Необходимы некоторые новые технологические процессы и модернизация процесса производства	Большинство технологических процессов будут новыми, или необходимы новые методы производства
Научно-технический	Потребуется лишь лабораторные исследования или опытное производство образцов	Необходимы небольшие теоретические исследования и значительные экспериментальные исследования	Необходима широкая исследовательская и экспериментальная работа
Юридический	Фирма имеет преимущество в патентах и лицензиях	Относительно свободная возможность использовать патенты и получать лицензии	Преимущественное положение в патентах и правах на лицензию имеют конкуренты
Кадровый	Персонал фирмы – признанные специалисты в данной области	В фирме работают столь же опытные специалисты в данной области, как и у конкурентов	Отсутствие опыта в данной области, тогда как другие в ней являются специалистами

полагаемый срок производства нового изделия или период от его освоения до снятия с производства);  $P_T$  — вероятность технического успеха (возможность практического претворения исследовательских идей в новой, усовершенствованной продукции);  $P_K$  — вероятность коммерческого успеха (возможность сбыта новой продукции на рынке и получение ожидаемых прибылей);  $\Sigma_3$  — сумма затрат на реализацию, включающая затраты на разработку, освоение производства и текущие производственные затраты. Вероятность технического и коммерческого успеха, то есть учет риска, оценка его степени, определяется в зависимости от характера продукции, которую намерены получить в результате реализации и других факторов. Каждый из них может быть определен по таблице 3\*, помогающей высчитать вероятность успеха предполагаемых проектов.

6. В ряде случаев для определения степени риска и выбора оптимальных решений применяется методика „дерево решений”. Она предполагает графическое построение различных вариантов, которые могут быть приняты. По ветвям дерева соотносят субъективные и объективные оценки данных событий (экспертные оценки, размеры потерь и доходов и т. д.). Следуя вдоль построенных ветвей дерева и используя специальные методики расчета вероятностей, оценивают каждый вариант пути. Это позволяет достаточно обоснованно подойти к определению степени риска и выбору оптимального решения. Чтобы пояснить это, можно вернуться к приводимому в основном тексте примеру (С.33–34). Решая вопрос о переходе на выпуск нового изделия, руководитель предприятия, основываясь на своем опыте, уверен в успехе нового дела, скажем, на 85%. Но полной уверенности в том, переходить ли на выпуск новой модели и если переходить, то какую модель предпочесть, у него нет. Ему известно, что в одном НИИ занимаются предварительными расчетами вариантов. Стоимость такого исследования для предприятия будет составлять, например, 20 тысяч рублей. Кроме того, руководитель знает, что заключения института в прошлом оказывались верными на 70%, когда предсказывался успех, и на 80%, когда предсказывалась неудача. Для выбора нужного варианта и можно использовать методику „дерево решений”. Она позволяет выбирать оптимальную стратегию в условиях неопределенности и риска, идя вдоль „невывреленных” ветвей дерева (неотброшенных вариантов). Оптимальный вариант — это план действий, который при данных обстоятельствах дает наилучшие экономические и социальные результаты и учитывает вероятность достижения цели и отклонения от нее. В приведенном примере оптимальным может быть следующий вариант: руководитель должен заказать в НИИ технико-экономическое исследование; если заключение будет благоприятным, то принять решение о выпуске модели В (85% успеха, 15% неудачи), если нет — принять решение о выпуске модели Б (95% успеха, 5% неудачи). Продолжать выпуск изделия А не следует.

7. Для учета и оценки риска, выработки рекомендаций по рациональному образу действий в условиях неопределенности, вызванной не зависящими от человека причинами, используется теория статистических решений. В частности, ее можно применять для решения задачи, связанной с переходом на выпуск нового вида продукции<sup>1</sup>. Руководитель, решающий ее, будет действовать в условиях неопределенности, которая может возникнуть в связи с колебаниями спроса, возможностью поступления на рынок изделий лучшего качества, из-за неосведомленности об условиях обстановки предстоящих действий и т. д. Предположим, что при переходе на выпуск новых видов продукции возможны четыре решения:  $P_1, P_2, P_3, P_4$ . Каждому из них соответствуют определенный вид выпуска или их сочетание.

Результаты выбираемых в условиях неопределенности решений зависят от обстановки: например, степени обеспеченности производства материальными ресурсами, которая заранее точно неизвестна и может, скажем, быть трех вариантов:  $O_1, O_2, O_3$ .

В этой ситуации необходимо выбрать решение, которое по сравнению с другими будет выгодным и оптимальным для предприятия.

Каждой паре сочетаний решений (Р) и обстановки (О) соответствует определенный выигрыш, который характеризует относительную величину результата предстоящих действий (прибыль, издержки производства и т. д.). На этой основе составляется таблица эффективности выпуска новых видов продукции.

\* Таблица приводится из кн.: Штейнгауз В. Г. Экономические проблемы реализации научно-технических разработок. М., 1976. С. 71.

<sup>1</sup> См., напр.: Абчук В. А., Бунчук В. А. Интенсификация: принятие решений. Л., 1987. С. 116–120.

Таблица 4

Варианты решений	Варианты обстановки			Варианты решений	Варианты обстановки		
	0 <sub>1</sub>	0 <sub>2</sub>	0 <sub>3</sub>		0 <sub>1</sub>	0 <sub>2</sub>	0 <sub>3</sub>
P <sub>1</sub>	0,25	0,35	0,40	P <sub>3</sub>	0,35	0,85	0,20
P <sub>2</sub>	0,70	0,20	0,30	P <sub>4</sub>	0,80	0,10	0,35

Для учета риска в теории статистических решений применяется специальный показатель риска, показывающий, насколько выгодно и оптимально выбираемое решение (линия поведения) в конкретной обстановке с учетом степени ее неопределенности. Риск рассчитывается как разность между ожидаемым результатом действий при наличии точных данных обстановки и результатом, который может быть достигнут, если эти данные не определены. Например, при точно известной обстановке 0<sub>1</sub> выбирается решение P<sub>4</sub>, что обеспечивает выигрыш 0,80. Но так как неизвестно, какую обстановку ожидать, можно принять и решение P<sub>1</sub>, дающее выигрыш всего 0,25. Величина выигрыша (а это и есть величина риска) соответственно будет:  $0,80 - 0,25 = 0,55$ . Таким образом и рассчитывается таблица величины риска выпуска новых видов продукции:

Таблица 5

Варианты решений	Варианты обстановки			Варианты решений	Варианты обстановки		
	0 <sub>1</sub>	0 <sub>2</sub>	0 <sub>3</sub>		0 <sub>1</sub>	0 <sub>2</sub>	0 <sub>3</sub>
P <sub>1</sub>	0,55	0,50	0,00	P <sub>3</sub>	0,45	0,00	0,20
P <sub>2</sub>	0,10	0,65	0,10	P <sub>4</sub>	0,00	0,75	0,05

Таблица риска позволяет оценивать качество различных решений и устанавливать, насколько полно реализуются в них существующие возможности достижения успеха при наличии риска.

Выбор наилучшего решения в условиях неопределенности во многом зависит от того, какова степень этой неопределенности. В зависимости от этого обычно различают несколько вариантов решений: выбор решения, когда вероятности возможных вариантов обстановки известны; выбор решения, когда вероятности возможных вариантов неизвестны, но имеются сведения об их относительных значениях; выбор решения, когда вероятности возможных вариантов обстановки неизвестны, но существуют принципы подхода к оценке результата действий<sup>1</sup>.

8. В обобщенном виде в теории статистических решений риском  $\pi_{ij}$  игрока А при пользовании стратегией  $A_j$  в условиях  $P_i$  называется разность между выигрышем, который мы получили бы, если бы знали условия  $P_i$ , и выигрышем, который мы получим, не зная их, выбирая стратегию  $A_j$ <sup>2</sup>. Или: риск, относящийся к решению  $d_j$ , определяется как сумма ущерба, понесенного вследствие неверного решения, и расходов, связанных с реализацией данного решения<sup>3</sup>.

9. Понятие „риск” используется иногда при осуществлении экстремального управления и создании при этом модели, наименьшим образом отличающейся от управленческого объекта<sup>4</sup>. Для выяснения того, во что с точки зрения конечной цели, обойдется неточность модели объекта, используется так называемый риск изучения —  $R^*$ . Потери, связанные с неточностью управления и вызванные неточностью заданных (к данному моменту) свойств объекта, обозначаются „риском действия” —  $R$ . Сумма этих рисков дает суммарные средние потери управления в настоящем и

<sup>1</sup> См.: *Абчук В. А., Бункин В. А.* Интенсификация: принятие решений. С. 119–120.

<sup>2</sup> *Венцель Е. С.* Исследование операций: Задачи, принципы, методология. М., 1980. С. 197.

<sup>3</sup> Хозяйственный риск и методы его измерения. С. 126.

<sup>4</sup> *Растринин Л. А.* Системы экстремального управления. М., 1974. С. 24.



будущем:  $R^* = R + R^f$ . Управление, минимизирующее эти потери, считается оптимальным.

10. Читателям, захотевшим получить более обширную и обстоятельную информацию о методологии количественной оценки риска, способах определения коэффициента риска при выборе альтернатив, методах классификации поведения лиц, идущих на хозяйственный риск, факторах, воздействующих на величину риска при принятии экономических решений, теоретических основах измерения риска в экономических задачах, роли и значении концепции риска для определения приоритетных направлений экологической политики, можно порекомендовать следующие источники: Хозяйственный риск и методы его измерения. С. 56–180; *Кошеленко С. Н.* Оптимизационные финансовые задачи в условиях риска. С. 3–14; *Порфирьев Б. Н.* Концепция риска: новый подход к экологической политике//США: экономика, политика, идеология. 1988. № 11. С. 98–105.

**Алыгин А. П.**

**А56** Риск и его роль в общественной жизни. — М.: Мысль, 1989. — 187, [1] с.

ISBN 5-244-00221-X

В условиях перестройки очень важно уметь принимать оперативные решения, брать на себя ответственность. Это неизбежно сопряжено с риском. Поэтому книга отличается особой актуальностью. Показывая специфику и своеобразие риска в конкретных областях знания: праве, психологии, экономике, медицине, рассматривая данное явление применительно к различным сферам производства и общественной жизни, автор опирается прежде всего на практику сегодняшнего дня, приводит убедительные факты, данные социологических исследований. Книга восполняет известные пробелы в изучении категории „риск” представителями гуманитарных наук.

Для партийных и идеологических работников, хозяйственного актива, широкого круга читателей.

Научная литература

**Анатолий Петрович Альгин**

**РИСК И ЕГО РОЛЬ  
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ**

Оформление художника С. А. Серебряковой  
Художественный редактор А. Л. Сальников  
Технический редактор О. А. Барабанова  
Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 3751

Сдано в набор 18.01.89. Подписано в печать 03.07.89. Формат 60 × 88<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсетная № 2. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл. п. л. 11,76.  
Усл. кр.-отт. 12,01. Уч.-изд. л. 15,97. Тираж 17000 экз. Заказ № 1061. Цена 1 р.

Издательство „Мысль”. 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 8 Государственного комитета СССР  
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли  
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7

## УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Магазин № 1 „Дом книги”, г. Ленинград, предлагает следующие книги издательства „Мысль”:

*Алексеев В. П.* Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985. 1 р. 90 к.

*Антонов А. И., Медков В. М.* Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

*Волков А. М.* Страны Северной Европы: Экономико-статистический справочник. М.: Мысль, 1986. 1 р.

*Гольман Л. И.* Энгельс – историк. М.: Мысль, 1984. 1 р. 90 к.

Городская и сельская семья. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

Глобальная энергетическая проблема. М.: Мысль, 1985. 1 р. 60 к.

*Дзарсов С. С.* Каждому – об управлении. М.: Мысль, 1986. 30 к.

*Зотилов И. А.* За разгадкой тайн Ледяного континента. М.: Мысль, 1984. 1 р. 40 к.

К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1986. 2 р. 60 к.

*Д. И. Писарев* об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1984. 1 р. 80 к.

Радищев и декабристы. Из атеистического наследия первых русских революционеров/Сост. Л. В. Поляков. М.: Мысль, 1986. 1 р. 20 к.

*Салуцкий А. С.* На апрельских ветрах. М.: Мысль, 1986. 85 к.

Заказы просим направлять по адресу: 191186, г. Ленинград, Невский пр., 28. Магазин № 1 „Дом книги” (01). Отдел „Книга–почтой”.